Книжные магазины

Jorge
Carrión

Librerías

Editorial Anagrama

Хорхе Каррион

Книжные магазины

Ад Маргинем Пресс

УДК 655.42(100)(091)
ББК 76.183(0)
К26

Данное издание осуществлено
в рамках совместной издательской программы
Музея современного искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Перевод — Александр Дунаев
Редакторы — Мария Томашевская, Вероника Силиванова
Дизайн — ABCdesign

Каррион, Хорхе.
К26 Книжные магазины / Хорхе Каррион. — М. : Ад Маргинем Пресс,
Музей современного искусства «Гараж», 2019. — 304 с. : ил. —
ISBN 978-5-91103-447-4.

В своем занимательном эссе писатель и книжный критик Хорхе Каррион (род. 1976) отправляет читателя в путешествие по книжным магазинам мира. Вслед за автором читатель посещает Shakespeare & Co в Париже, Wells в Винчестере, Green Apple Books в Сан-Франциско, Librairie des Colonnes в Танжере, Strand Bookstore в Нью-Йорке, небольшие книжные лавки и огромные книжные супермаркеты. Каррион создает картину книжных магазинов, рассматривая данную институцию через призму пространства и времени как уникальное аутентичное место, обособленный мир и важный культурный феномен.

«Книжные магазины» — травелог живого и любознательного наблюдателя, наполненный историями из вселенной написания, издания и продажи книг. По мнению Карриона, книжный магазин не столько место для материальных сделок, сколько место для собраний людей и идей, для встреч, способных изменить мир и жизни, и «если среди нас так много тех, кто собирает бесполезные штампы в воображаемом паспорте книжных магазинов мира, то это потому, что в них мы отдаемся служению культурному, заменившему религиозное, потому что со времен романтизма книжные... были и остаются ритуальными пространствами. Зачастую они имеют значение для туризма и других институтов, поскольку помогают понять историю современной культуры, ее топографию, знаковые места, где мы можем черпать материалы, выстраивая свое пространство в мире».

By arrangement with Literarische Agentur Mertin Inh. Nicole Witt e. K.,
Frankfurt am Main, Germany

© Jorge Carrión, 2013
© Дунаев А. Л., перевод, 2019
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019
© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2019

Третьего апреля 2013 года жюри в составе Сальвадора Клотаса, Романа Губерна, Ксавье Руберта де Вентоса, Фернандо Саватера, Висенте Верду и издателя Хорхе Эрральде присудило 41-ю премию издательства Anagrama книге Луиса Гойтисоло «Природа романа».

В число финалистов вошла книга Хорхе Карриона «Книжные магазины».

Книжный магазин — это лишь мысль во времени.
Карлос Паскуаль. «Полномочия читателя»

Нет сомнения, что нередко мне случается говорить о вещах, которые гораздо лучше и правильнее излагались знатоками этих вопросов. Эти опыты — только проба моих природных способностей и ни в коем случае не испытание моих познаний; и тот, кто изобличит меня в невежестве, ничуть меня этим не обидит, так как в том, что я говорю, я не отвечаю даже перед собою, не то что перед другими, и какое-либо самодовольство мне чуждо. Кто хочет знания, пусть ищет его там, где оно находится, и я меньше всего вижу свое призвание в том, чтобы дать его. То, что я излагаю здесь, всего лишь мои фантазии, и с их помощью я стремлюсь дать представление не о вещах, а о себе самом.
*Мишель де Монтень. «О книгах»**

Типограф XVI века должен был быть искушен во многих ремеслах. Помимо типографа, он был еще и книготорговцем, предпринимателем-капиталистом, составителем оглавлений и переводчиком, знавшим различные языки, равно как и корректором и издателем. Он должен был состоять в хороших отношениях с именитыми эрудитами, с одной стороны, и с богатыми меценатами и правителями — с другой. Его особый вклад в интеллектуальную жизнь не следует недооценивать.
Мартин Лайонс. «Книги»

* *Монтень М.* Опыты. Кн. 2, гл. 10 / Пер. с фр. А. С. Бобовича. М.: Голос, 1992. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Там они и остаются.
Но ненадолго.
Я-то знаю. Поэтому я пошла. Чтобы проститься. Всякий раз, когда я путешествую, я неизменно делаю это затем, чтобы проститься.
Сьюзен Сонтаг. «Поездка без гида»

Шагать: прочитывать клочок земли, расшифровывать кусок мира.
Октавио Пас. «Грамматическая обезьяна»

Человек познает способности лишь через опыт. Когда орленок впервые расправляет крылья и доверяется воздушному потоку, он трепещет, точно молодая голубка. Когда сочинитель пишет свой первый труд, ни он сам, ни издатель еще не знают его настоящей цены. Но если издатель платит нам столько, сколько считает нужным, мы, в свою очередь, продаем ему то, что считаем нужным. И только успех позволяет и книгопродавцу, и литератору оценить работу.
Дени Дидро. «Письмо о книжной торговле»[**]

** *Дидро Д.* Письмо о книжной торговле / Пер. с фр. М. Лепиловой. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2017.

Оглавление

Введение, начинающееся со старого рассказа Стефана Цвейга **13**

Культура и коллективная память / «Мендель-букинист» Стефана Цвейга / Кафе Glück в Вене / Книжный как политеизм / Титан памяти / Череда рассказов XX века / «Вавилонская библиотека», «Алеф» и «Фунес, помнящий» Борхеса / «Бумажный мир» Пиранделло и «Энциклопедия мертвых» Данило Киша / Народ Книги / Чтение и стыд в мире, который сталкивается с диктатурой паспорта / Историк как коллекционер и старьевщик / Примеры / Память как свалка / Обо всем том, о чем пойдет речь в этом эссе, и о многом другом / Гетеротопия по Фуко

1. Путешествие без конца **24**

И опять В. Б. / Книжный как карта мира / Сосуществование эпох / Международный клуб любителей книжных / Книжный магазин Pensativo в Гватемале / Ужас / Sophos и Artemis Edinter / Небо индейцев / Письменный стол путешественника как коллаж пространства и времени / Редкие книжные, специализирующиеся на путешествиях / Altaïr, Ulyssus, Deviaje, Desnivel, Chatwins / Легендарный Брюс Чатвин / Stanfords / Foyles / Шесть Daunt Books, тридцать четыре Au Vieux Campeur / Молескины / Виды разорения

2. Афины. Начало **37**

Юный читатель Кавафиса / Афины как место встречи цивилизаций / Пассаж Pesmazoglou / Национальная библиотека Греции / Тень Александрийской библиотеки / Книготорговля, книжные лавки и библиотеки в античности / Алексид, Овидий, Альфонсо Рейес / Книжный, Библиотека и Канон / Падение Римской империи и возникновение практики отдачи в залог студенческих книг / Ianos, Politeia и особенно Librairie Kauffmann / Всемирная история уничтожения книг и банков / Огонь и деньги

3. Старейшие книжные мира **47**

Странствующие торговцы / Удостоверенная древность / Bertrand (Лиссабон), Hatchards (Лондон) и Librería de Ávila (Буэнос-Айрес) / Старинные современные книги / Книжные лавки XVI и XVII веков по данным Свена Даля и Генри Петроски / Храм муз / Заметки Гёте / Некоторые мысли о физическом характере чтения и о книжном, где главное — отношения, описанные в «Ремесленнике» Ричарда Сеннета / Пыль книготорговцев и Романо Монтрони / Изменения времени, имени и пространства / Генуэзский книжный Bozzi, самый старый в Италии / Lello (Порту) и Luxemburg (Турин) / Франческо Казанова, издатель Эдмундо де Амичис и Анджело Пеццана,

принимавший у себя Аллена Гинзберга / Назад в Лиссабон, к его землетрясению, чтобы закончить / Reading Room у Зебальда

4. Shakespeares and Companies **62**

Книга по Малларме / Ткать, писать, читать: еще два фрагмента из «Пассажей» / Индустриализация книги в XX веке / Литературные скандалы: Бодлер и Флобер / Адриенн Моньe и Сильвия Бич: сравнительное чтение на улице Одеон в Париже / La Maison des Amis des Livres и Shakespeare and Company / Маленький универсальный книжный / Владелица книжного как литературный критик / Мировая республика литературы и ее предполагаемая экстерриториальность / Рождение одной традиции / Второй Shakespeare and Company и City Lights в Сан-Франциско, книжные-побратимы / Джордж Уитмен и Лоуренс Ферлингетти / Скандал вокруг «Вопля» / Парижская богема в описании Кена Гоффмана / Битники, хиппи, критическая масса и возведение в литературный канон / Работает до полуночи

5. Политизированные книжные **80**

Инквизиция в Новом Свете / Книжный меж двух морей в Братиславе / Karl Marx Buchhandlung в Берлине и «Жизнь других», фильм о чтении / «Европа-узловая» и «Гробница для Бориса Давидовича» / Диктатура как текстуальная сделка / Лучший книжный западного Берлина: Autorenbuchhandlung / Встреча Сталина с Марксом / Всеобщая история цензуры, которая тоже демократична / Доктор Рушди и Джозеф Антон / Книги, за которыми тянется шлейф трупов / Кристина Фойл едет в Россию, а ее отец отправляет телеграмму Гитлеру / Юный читатель Адольф / Книготорговец Мао Цзэдун / Большие книжные китайского режима / Нюх солдат / Чтение, которому предавался Фидель Кастро в тюрьме / Librería Universal в Майами / Книготорговцы Гаваны и слова Антонио Хосе Понте и Хорхе Эдвардса / Всеобщая история позора / Самые опасные писатели и любители книг XX века / «Любитель книжных» Клода Руа

6. Восточный книжный? **101**

Голоса Марракеша / Где же начинается Восток? / Торг в Будапеште / Проблема ориентализма / Танжер глазами Делакруа / Испанские и латиноамериканские художники и марокканские писатели / Пол Боулз и англосаксонский центр танжерской легенды / Librairie des Colonnes / Сестры Жерофи и Боулзы / Рашель Мюйаль / Хуан Гойтисоло в царствах тайфы / Связь битничества с мадридской мовидой / Путешествие как открытие и как признание / Турецкие путешественники и спорные точки зрения на стамбульском Книжном базаре / Истикляль Каддеси, или улица Независимости / Отрицание истории и взгляд, горящий, как фольга /

Книжные Каира и Иерусалима / Каллиграфия в Китае и торг в Пекине / Ткань бумаги

7. Америка (1): «coast to coast» **117**

Мишель де Серто и пространственные рамки культуры / Нью-Йорк / Гостиница Chelsea / Опять бит-поколение / Phoenix Bookshop и Peace Eye Bookstore, экспериментальные книжные и лобковые волосы поэта / Восхитительные воспоминания Фрэнсес Стелофф / Письмо, в котором Генри Миллер упоминает Gotham Book Mart и лучшего живого критика в Соединенных Штатах / Гэй Талес и Дени Дидро / Самый большой университетский кооператив находится в Чикаго / Остановки в Айове, Денвере и Портленде / Самый старый книжный на Диком Западе / Green Apple Books, или периферия Сан-Франциско / Любовь и книжный как кинематографические сюжеты / Подвал, храм, пещера: Эннис, Лавкрафт, Стайнер / Книжные «Хранителя времени» и «Гарри Поттера» / Vertigo, или лос-анджелесская копия сан-францисского оригинала / Мэрилин Монро читает «Улисса»

8. Америка (2): с севера на юг **138**

Книжный как метафора женщины / Книжный, воспетый в поэмах: Leonardo da Vinci в Рио-де-Жанейро / Дикий детектив в книжном лабиринте Мехико / Отрочество, книги и сексуальность / «Рай» Лесамы Лимы / Inframundo, Laberinto, Pulpería в Венесуэле / Улисес Мильа и фонетика / Фелисберто Эрнандес, незадачливый книготорговец / Традиция бегства в Уругвай / Книжный El Virrey в Лиме / По стопам Боланьо в Чили / Литературный критик из «Опус Деи» / Захваченные дома / Литературный канон Южного конуса / Clásica y Moderna, великая Нату Поблет и культура катакомб / Традиция книготорговли как линия преемственности / «Воспоминания книготорговца» Эктора Яновера / Книжный Города / Кортасар и Борхес / Новая встреча с Борхесом / Снова в парижских книжных / Далекая звезда и ноктюрн боли, светотень всемирной истории бесчестья и изящных искусств / Многие из-за этого пропали

9. Париж без мифов **162**

Любовники-подростки / «Танжерские призраки» Эдгардо Козаринского / Танжерский узник, или Шукри убивает своего отца / «Париж никогда не кончается» Энрике Вила-Матаса и Librairie Espagnole / Дюрас в граффити / Три великих парижских книжных: Compagnie, L'Écume des Pages и La Hune / В память о Бернаре Геербранте, подлинном наследнике Монье и Бич / Книжный как секс-шоп / Фетишизм: искусство и туризм / Закладки и легендарные книги / Берроуз и Кортасар в традиции Джойса / Мода / О том, как

Соединенные Штаты подмяли под себя модель Парижа / «Портрет книжного магазина в старости» / Против Shakespeare and Company во втором издании / И за него: Джереми Мерсер / Король Лир

10. Сетевые книжные **180**

Рождение современной текучести / Империя Barnes & Noble / Family Christian Stores появилась на ферме / Голландия, прибежище свободы в XVI и XVII веках / Популярные книги были культовыми / Листовки и их европейские версии / Вложения в книжные и в железные дороги / Первые путеводители Бедекера и La Bibliothèque de Chemins du Fer / Полтора века A. H. Wheeler and Co. в Индии / Киплинг / WHSmith была первой / Демократизация мира книги / Франко Моретти и общий рынок европейского романа / Изобретение переносного мира / Hudson News в глобализированном мире / Соединенные Штаты заново изобретают (и взрывают) общество потребления / Кризис книжных сетей / McNally Books / Апокалипсис по Андре Шиффрину / И финальная метафора Reader's Digest

11. Книги и книжные на краю света **197**

Предостережение мореплавателям / Книжные, снабжающие необходимым / Gleebooks в Сиднее / Книжные и кофе в Мельбурне / Стиль Старой Британской империи / Уничтоженные пейзажи на краю света / Boekehuis (Йоханнесбург) и The Book Lounge (Кейптаун) / Размышления о творчестве Кутзее после прочтения книги Рейнальдо Ладдаги / Что общего у Коэльо, Гарсии Маркеса и Кутзее? / Чатвин и Бриджес в Патагонии / Finis terrae / Бешерель и «книжные городки»/ Тайна пространства и конец эпохи / Об апокалипсисе и маяках

12. Спектакль должен продолжаться **209**

Тайные агенты общества спектакля / Прилив / Две фотографии Laie / Книжные и туризм / Случай Another Country, или циркуляция живописного / Самый красивый в мире: Boekhandel Selexyz Dominicanen в Маастрихте / Архитектура и внутреннее убранство: решающий фактор в XXI веке / Ateneo Grand Splendid как предтеча / Ho Eterna Cadencia красивее / Clásica y Moderna в контексте восьмидесятых и девяностых годов / La Central в Барселоне и Мадриде как модель перехода от одного века к другому / Магазины Фонда экономической культуры и кафе-книжные / El Péndulo в Мехико / Книжный как галерея живописи: The Last Bookstore, Ler Devagar и другие / Минимализм как сущность / 10 Corso Como в Милане / Австралийские предтечи и железнодорожные вокзалы / Обретение новых значений

13. Повседневные книжные **227**

Читательское детство Маркоса Ордоньеса / Чтобы закончить, автор еще больше ударяется в автобиографию / Сесар Айра в La Internacional Argentina / И Диомедес Кордеро и Эднодио Кинтеро в La Ballena Blanca / Книжная лавка писателей / Преднамеренное смешение книжного и дома / Ross, Tipos Infames, Antonio Machado, Literanta и неаполитанские святилища / Книготорговцы и друзья / Итака Аустерлица / Robafaves в центре Матаро и весь Читательский кружок как периферия / Laie и La Central, La Central и Laie / Бульвар как воплощение города (и цитата Вальзера) / Другие барселонские книжные: Documenta, Alibri, Negra y Criminal, Taifa, Pequod, +Bernat / Сант-Жорди: весь город как книжный / Писатели и издатели, которые удачно размещают книги / Город Вилас

14. Эпилог: виртуальные книжные **244**

Книжный Catalònia с его столетней историей превращается в Макдоналдс / Pandora в Стамбуле как плодотворная метафора / Книжные как квантовые вымыслы / Гарсия Маркес и книжный ученого каталонца / Искать Librería Mundo в настоящей Барранкилье и найти ее в виртуальном мире / От Монтеня до Альфонсо Рейеса: просвещенные страницы / Шартье и споры XIX века об опасном вымысле и экстенсивном чтении / Как иметь дело с текстами, деньгами, колдовством, авторитетом / Решающие встречи / Классовые фикции и культурный гламур / Варвары в описании Барикко / Amazon и компания / Необходимое устаревание / Moleskine в моем айпаде / Книжные магазины как родители / Странный случай Дэвида Марксона и Strand / Мысли есть только в вещах / Конец

О цитатах **264**
Интернет-ссылки **265**
Фильмография **266**
Библиография **267**
Предметный указатель **275**
Указатель имен и произведений **284**
Список книжных магазинов **298**

Введение, начинающееся со старого рассказа Стефана Цвейга

> Его можно взять в руки, как книгу, этот городок, и полистать страницы, — столько-то страниц в голове у каждого из обитателей. А когда война кончится, тогда в один прекрасный день, в один прекрасный год книги снова можно будет написать, созовем всех этих людей, и они прочтут наизусть все, что знают, и мы все это напечатаем на бумаге. А потом, возможно, наступит новый век тьмы и придется опять все начинать сначала. Но у человека есть одно замечательное свойство: если приходится все начинать сначала, он не отчаивается и не теряет мужества, ибо он знает, что это очень важно, что это стоит усилий.
> *Рэй Брэдбери. «451 градус по Фаренгейту»*[1]

Между отдельным повествованием и всей мировой литературой устанавливается связь, похожая на ту, что один книжный магазин поддерживает со всеми книжными, которые существуют, существовали и, возможно, будут существовать. Синекдоха и аналогия — ключевые для человеческого мышления приемы. Я начну разговор обо всех книжных магазинах настоящего, прошлого и — кто знает? — возможно, будущего с одной-единственной новеллы под названием «Мендель-букинист», которая была написана Стефаном Цвейгом в 1929 году и действие которой разворачивается в Вене на закате империи. Затем я перейду к другим повестям — о читателях бурного XX века.

На этот раз мы оказываемся не в Frauenhuber или Imperial, знаменитых венских кафе, о которых Цвейг вспоминал во «Вчерашнем мире»: «А основные новости мы узнавали в нашем “просветительском центре” — кафе»[2]. Повествование начинается с того, что рассказчик возвращается домой с окраины города и из-за внезапно хлынувшего дождя спешит укрыться в первом встречном заведении. Он устраивается за столиком, и его постепенно охватывает ощущение, что это место ему знакомо. Он шарит взглядом по мебели, по стойке, по бильярду, по ломберным столам и телефонной будке, чувствуя, что уже бывал здесь, упорно роется в памяти и наконец вспоминает, резко вспоминает.

Он находится в кафе Glück, а там, прямо перед ним, сидел когда-то букинист Якоб Мендель, сидел дни напролет, с половины восьмого утра до закрытия, окруженный каталогами и сложенными в стопки томами. Глядя сквозь очки на эти списки,

1 *Брэдбери Р.* 451 градус по Фаренгейту / Пер. с англ. Т. Шинкарь. М.: Домино, 2008.

2 *Цвейг С.* Собрание сочинений в 10 т. / Пер. с нем. Г. Кагана. М.: ТЕРРА, 1996.

на все эти данные и запоминая их, он теребил бороду и локоны в такт чтению, которое весьма походило на молитву: он приехал в Вену с намерением выучиться на раввина, но старые книги увели его с этого пути, чтобы он «отдался сверкающему и тысячеликому многобожию книг». Чтобы он стал Великим Менделем. Потому что Мендель был «небывалым чудом памяти», «библиографическим феноменом», «miraculum mundi[3], волшебным всесветным механизмом, регистрирующим книги», «титаном»:

> За этим грязновато-бледным лбом, обросшим серым мохом, запечатлены были незримыми письменами, словно отлитые из металла, титульные листы всех когда-либо вышедших книг. Он мгновенно, не колеблясь, называл место выхода любого сочинения, появилось ли оно вчера или двести лет тому назад, его автора, первоначальную цену и букинистическую; помнил отчетливо и ясно и переплет, и иллюстрации, и факсимиле. <...> Он знал каждое растение, каждую инфузорию, каждую звезду в изменчивом зыбком книжном космосе. По каждой специальности он знал больше, чем специалисты, знал библиотеки лучше, чем библиотекари, наличность книг большинства фирм он знал лучше, чем их владельцы, вопреки всем спискам и картотекам, опираясь единственно на свой магический дар, на свою несравненную память, всю силу которой можно показать, только приведя сотни примеров[4].

Великолепные метафоры: волосы — серый мох, запоминаемые книги — живые существа или звезды, составляющие сообщество привидений, мир текстов. Познания бродячего торговца, не имеющего разрешения на открытие собственного магазина, оказываются обширнее знаний любого специалиста и любого библиотекаря. Его импровизированный книжный, расположившийся на столе, всегда одном и том же, в кафе Glück — это храм, в который совершают паломничество любители и собиратели книг, а также все те, кто не смог найти искомые библиографические сведения в официальных источниках. Так, в студенческие годы, после тщетных поисков в библиотеке, рассказчик оказывается однажды у легендарного столика благодаря товарищу по университету — проводнику, указавшему сокровенное место, не обозначенное ни в путеводителях, ни на картах и известное лишь посвященным.

3 Чудом света (*лат.*).

4 *Цвейг С.* Мендель-букинист / Пер. с нем. П. Бернштейн.

Rabbi Jacob Mendel Morgenstern, rabbi of the Great Synagogue in Wegrow. He was the son of the rabbi of Sokolow. When the Nazis first entered Wegrow, they took him to the town square, made him clean the streets, and then hanoseed him to death.

«Мендель-букинист» вписывается в ряд тех книг XX века, где речь идет об отношениях между памятью и чтением. Этот ряд можно было бы открыть «Бумажным миром» Луиджи Пиранделло (1909), а завершить «Энциклопедией мертвых (целой жизни)» Данило Киша (1981), включив в него помимо новеллы Цвейга три вещи, написанные Хорхе Луисом Борхесом в середине прошлого века. Потому что в творчестве Борхеса старая металитературная традиция обретает такую зрелость, такую запредельность, которая заставляет нас воспринимать всех тех, кто ему предшествовал и за ним следовал, как провозвестников и наследников. «Вавилонская библиотека» 1941 года описывает гипертекстуальный мир в виде библиотеки-улья: он лишен смысла, литература в нем представляет собой исключительно дешифровку (это кажется парадоксом: в рассказе Борхеса чтение ради удовольствия оказывается под запретом). «Алеф», опубликованный в журнале Sur[5] четыре года спустя, строится вокруг вопроса, как воспринимать превращение Вавилонской библиотеки в крохотную сферу, где сгущается все пространство и все время, и касается прежде всего возможности перевести чтение в поэму, в язык, который сделает *полезным* существование необыкновенного *алефа*. Однако ближе всего к Цвейгу Борхесов «Фунес, помнящий», где главный герой, обретающийся на задворках западной цивилизации, воплощает собой, подобно Менделю, гения памяти:

> Вавилон, Лондон и Нью-Йорк своим яростным блеском поражают воображение человеческое; однако никто в этих кишащих людьми башнях или на этих мятущихся улицах не испытывал столь непрестанного жара и гнета реальности, как тот, что обрушивался

5 Юг (*исп.*).

денно и нощно на бедного Иренео в его убогом южноамериканском предместье[6].

Как и Мендель, Фунес не получает удовольствия от своей удивительной способности запоминать. Для них читать не означает находить доводы, следить за судьбами, вникать в психологию, выявлять, сопоставлять, думать, ощущать всеми фибрами души страх и наслаждение. Как это будет происходить сорок четыре года спустя с Номером 5, роботом из фильма «Короткое замыкание», чтение для них — поглощение данных, облако ярлыков, индексирование и обработка информации; желание этому процессу чуждо. Рассказы Цвейга и Борхеса полностью дополняют друг друга: старик и юноша, полная память о книгах и исчерпывающая память о мире, Вавилонская библиотека в одном-единственном мозгу и алеф в одной-единственной памяти, два героя, объединенные тем, что оба живут в бедности и отчуждении.

Пиранделло в «Бумажном мире» представляет другую картину чтения, картину, пронизанную бедностью и одержимостью. Но Баличчи, пристрастившийся к чтению настолько, что его кожа обрела цвет и текстуру бумаги, погрязший в долгах из-за своей страсти, постепенно слепнет: «Вот он, весь его мир! А ему в нем больше не жить, разве что в той степени, в какой поможет память!»[7] Окруженный осязаемой реальностью, томами, неупорядоченными, словно детали «Тетриса», он решает нанять кого-нибудь для каталогизации этих книг, наведения порядка в его библиотеке, для того, чтобы «извлечь из хаоса» его мир. Однако и после этого, не способный читать, он чувствует себя неполноценным, сиротой. Он нанимает чтицу, Тильде Пальоккини, но его раздражает ее голос, ее интонация, и они приходят к решению, что читать она должна тихим голосом, почти беззвучно, чтобы он мог воскрешать в памяти, вслед мелькающим строкам и страницам, собственное чтение, оставшееся в прошлом. Весь его мир оказывается упорядоченным в воспоминании.

Мир, который можно объять, уменьшенный благодаря метафоре библиотеки, книжного магазина на столике кафе или фотографической памяти, мир, который можно описать и картографировать.

6 *Борхес Х. Л.* Классики XX века / Пер. с исп. Е. Лысенко. М.: Феникс, 1999.

7 *Пиранделло Л.* Бумажный мир / Пер. с ит. А. Косе. http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pirandello-luidzhi/novelli/21

Неслучайно герой новеллы Киша «Энциклопедия мертвых (целая жизнь)» — как раз топограф. Вся его жизнь до мелочей была подчинена своего рода секте или группе безымянных эрудитов, с конца XVIII века занимавшихся — независимо от деятелей Просвещения — собственной энциклопедической работой по розыску всех тех исторических персонажей, которых не найти ни в одной из энциклопедий, изданных, известных, имеющихся в библиотеках. Поэтому в некоей северной библиотеке существуют залы *энциклопедии мертвых*. Каждый зал посвящен одной из букв алфавита, каждый том прикован цепью к своей полке, и его нельзя ни скопировать, ни воспроизвести: они лишь предметы выборочного чтения, жертвы мгновенного забвения.

«Моя память, сэр, похожа на вместилище мусора», — говорит Фунес. Борхес всегда повествует о провале: те три чуда, что он рисует в своем воображении, обречены на смерть или на абсурд. Мы уже знаем, какие глупые стихи Карлос Архентино сумел написать на основе невероятного алефа, из обладания которым он не извлек ни малейшей пользы. И библиотекарь Борхеса, неутомимо странствовавший по закоулкам библиотеки, в старости перечисляет все незыблемые убеждения и надежды, которые человечество теряло на протяжении веков, и в конце утверждает: «Я знаю места, где молодежь поклоняется книгам и с пылом язычников целует страницы, не умея прочесть при этом ни буквы». Той же горечью пронизаны все названные нами вещи: герой Пиранделло слепнет, Мендель умер, Вавилонская библиотека теряет обитателей из-за легочных заболеваний и самоубийств, Беатрис Витербо скончалась, отец Борхеса болен, Фунес скончался от воспаления легких,

отец рассказчицы Киша тоже исчез. Эти шесть произведений объединяет боль — боль человека и мира: «Невыразимо меланхоличная память: иногда я много раз проходил по вычищенным коридорам и лестницам, не встречая ни единого библиотекаря».

> Поэтому меня неприятно поразило, когда я увидел этот мраморный стол Якоба Менделя — былое прибежище оракула — опустелым, как могильная плита. Только теперь, в более зрелые годы, я понял, как много исчезает с уходом каждого такого человека, — прежде всего потому, что все неповторимое день ото дня становится все драгоценнее в нашем обреченном на однообразие мире.

Его необыкновенную природу, говорит Цвейг, можно было раскрыть только через примеры. Чтобы рассказать об алефе, Борхес обращается к хаотичному перечислению отдельных фрагментов существа, способного обрабатывать универсальное. Киш, писатель, творивший после Борхеса, настаивает на том, что каждый приводимый пример является лишь малой частью материала, обозначенного безымянными мудрецами. Столик в уличном кафе может быть крохотным ключиком от двери в одно из измерений, которые накладываются друг на друга в любом большом городе. И у человека может быть ключ, открывающий дверь в мир, где нет геополитических границ, где Европа понимается как единое культурное пространство, выходящее за рамки войн или падения империй. Культурное пространство, которое всегда гостеприимно, поскольку существует лишь в голове того, кто по нему путешествует. В отличие от Борхеса, считавшего, что История лишена смысла, цель Цвейга — рассказать о том, как Первая мировая война создала современные границы. Мендель спокойно живет своей жизнью, не имея никакого документа, удостоверяющего его изначальное гражданство или гражданство принявшей его страны. В его книжный мир не проникла новость о том, что началась война, но вдруг открытки, которые он отправляет книготорговцам в Париж или в Лондон, столицы враждебных стран, привлекают внимание цензора (этого важнейшего читателя в истории преследования книг; читателя, чье занятие — доносить на читателей). Тайная полиция обнаруживает, что Мендель — русский, а значит, и вероятный враг. В одной стычке он теряет очки. Его отправляют в концентрационный лагерь, где он проводит два года, в течение которых он лишен насущного, постоянного и любимого — чтения. Хлопотами важных и влиятельных клиентов,

коллекционеров книг, осознающих его гениальность, его освобождают, но к возвращению в Glück он уже утрачивает способность сосредоточиваться и шагает к неотвратимому концу. Изгнанный из кафе, он вскоре умирает в нищете.

Важно, что он — Вечный жид, принадлежащий Народу Книги, что он родом с Востока и его постигло несчастье скончаться на Западе, пусть это и произошло после нескольких десятилетий невольной ассимиляции, принесших ему уважение и даже почитание со стороны немногих избранных, способных оценить его исключительность. Его отношения с напечатанной информацией, говорит нам Цвейг, покрывали все его эротические потребности. Подобно древним мудрецам Черной Африки, он был человеком-библиотекой, а его нематериальное произведение — накопленной энергией, которой он делился с другими.

Эта история рассказана нам устами единственной свидетельницы тех времен, когда в кафе был другой хозяин и другой персонал и само оно представляло собой мир, утраченный в 1914–1918 годах, — устами старухи, к которой Мендель был искренне привязан. Она воплощает собой память о существовании, что было бы обречено на забвение, не оставь она свидетельство о нем писателю, превращающему его в рассказ. И этот процесс вспоминания и исследования, это временное отдаление, заставляет слова рассказчика, столь похожего на Цвейга, звучать в тональности, близкой к откровению:

> Все исключительное и мощное в нашем бытии создается лишь внутренней сосредоточенностью, лишь благородной монотонностью, священной одержимостью безумцев. <...> И все же я умудрился забыть его; правда, то были годы войны, а я, подобно ему, с головой ушел в свою работу.

Рассказчика охватывает стыд. Потому что он забыл об образце, о мастере. И о жертве. Вся его повесть подводит к этому *признанию*. И подспудно говорит о перемещении: с периферии в молодости к возможному центру в зрелом возрасте, когда он забыл об истоках, которые не должен был забывать. Это повесть о путешествии к истокам, о физическом путешествии, сопровождающемся путешествием памяти и достигающем кульминации в выражении благодарности. Щедрый и ироничный, рассказчик позволяет безграмотной старушке оставить себе книгу, которая принадлежала Менделю и является одним из немногих надежных свидетельств

его пребывания в мире. Новелла заканчивается так: «Книги пишутся только ради того, чтобы и за пределами своей жизни остаться близким людям и тем оградить себя от неумолимого врага всего живущего — тлена и забвения».

Отдавая дань памяти бродячего книготорговца из исчезнувшего мира, вновь собирая и восстанавливая его историю, Цвейг действует как исследователь в понимании Вальтера Беньямина: как коллекционер, как старьевщик. Об этом писал Жорж Диди-Юберман в своем эссе «Перед лицом времени»: «Разграблением обеспечивается не только симптоматическая опора невежеству — истина подавленного времени истории, — но и само место и текстура “содержимого вещей”, “работы над вещами”». Память Фунеса подобна свалке. Перечисленные мною примеры, образующие некую серию повествований о чтении и памяти, на самом деле исследуют соотношение между чтением и забвением. Соотношение, осуществляющееся посредством предметов, что являются результатом определенного ремесленного процесса и которые мы называем книгами и читаем, словно они суть отходы, развалины текстуры былого и его идей, дошедших до нас. Потому что судьба совокупностей заключается в том, чтобы сводиться к частям, фрагментам, хаотичным перечислениям, примерам, которые можно прочесть. О книгах как об объектах, вещах, о книжных магазинах как об археологических остатках, лавках старьевщика или архивах, которые не желают делиться с нами заключенными в них знаниями и которые в силу самой своей природы отказываются занимать

то место в истории культуры, что им соответствует, об их зачастую антипространственном свойстве, то есть противостоянии политическому управлению пространства в национальных или государственных категориях, о значении преемственности, об эрозии прошлого, о памяти и книгах, о нематериальном наследии и его отражении в материалах, которые имеют тенденцию разлагаться, о Книжном магазине и Библиотеке как о двуликом Янусе или родственных душах, о цензуре, всегда полицейской, о неприкаянных пространствах, о книжном магазине как о кафе и очаге за пределами сторон света, Востока и Запада, о жизнях и произведениях книготорговцев, оседлых или странствующих, обособленных или принадлежащих к одной и той же традиции, о напряженности между уникальным и серийным, о роли встречи в книжном контексте и о ее эротизме, скрытой сексуальности, о чтении как об одержимости и безумии и как о бессознательном побуждении или бизнесе с присущими ему проблемами управления и злоупотреблениями на рабочем месте, о множестве центров и бесконечных периферийях, о мире как о книжном магазине и книжном магазине как о мире, об иронии и торжественности, об истории всех книг и книг по отдельности, с именами и фамилиями на клапанах суперобложки, из бумаги или из пикселей, об универсальных книжных и моих личных книжных, — обо всем этом пойдет речь в настоящей книге, которая до недавних пор находилась в каком-нибудь книжном, библиотеке или на полке у друга, а теперь, читатель, принадлежит, пусть даже временно, твоей личной библиотеке.

То есть эта книга только вышла из одной гетеротопии, чтобы проникнуть в другую с соответствующими изменениями смысла, с сопутствующими преобразованиями значений. Так она и *будет работать*: предлагая как утешение, даруемое упорядочивающим чтением, так и отступления или противоречия, которые вызывают беспокойство или угрожают, воссоздавая возможные традиции и в то же время напоминая, что речь идет лишь о примерах, исключениях из карты и хронологии книжных магазинов, которые невозможно воссоздать, которые сотканы из отсутствия и забвения, предлагая аналогии и синекдохи, собрания золотых фрагментов и обрывков истории или будущей энциклопедии, написать которую нельзя.

[Гетеротопия,] этот беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области *гетероклитного*; и надо истолковать это слово, исходя непосредственно из его этимологии, чтобы уловить, что явления здесь «положены», «расположены», «размещены» в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить *общее место* для тех и других.
Мишель Фуко. «Слова и вещи»[8]

8 *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., A-cad, 1994.

1.
Путешествие без конца

Книжный магазин помещает наставления в любви рядом с разноцветными картинками, заставляет Наполеона под Маренго скакать верхом на коне рядом с воспоминаниями домашней прислуги, а между сонником и поваренной книгой проводит маршем старых англичан по широким и узким путям Евангелия.
Вальтер Беньямин. «Пассажи»

В каждом книжном магазине сосредоточен весь мир. Не авиаперелет, а проход между полками объединяет твою страну и ее языки с необъятными краями, где говорят на других языках. Не пересечение государственных границ, а шаг, всего лишь шаг нужен, чтобы очутиться в ином месте и в иной эпохе. Книга, изданная в 1976 году, стоит рядом с вышедшей вчера, только что доставленной и все еще пахнущей лигнином (из которого получают ванилин). Монография о доисторических переселениях сосуществует с исследованием о мегаполисах XXI века. За полным собранием сочинений Камю наталкиваешься на собрание сочинений Сервантеса — ни в одном другом ограниченном пространстве не оказывается столь верной эта строка Ж. В. Фоша: «M'exalta el nou i m'enamora el vell»[9]. Это не дорога, а лестничный пролет, порог или, может быть, снова что-то иное: разворот, связующее звено между одним жанром и другим, одной дисциплиной или увлечением и их оборотной, а зачастую и дополняющей, стороной: между греческой драмой и великим американским романом, микробиологией и фотографией, историей Дальнего Востока и популярными романами о Диком Западе, индийской поэзией и хрониками Индии, энтомологией и теорией хаоса.

Чтобы получить доступ к карте любого книжного магазина, этого представительства мира — многих миров, называемых нами *миром*, — который так много у карты позаимствовал, к этой области свободы, где время замедляется, а туризм превращается в разновидность чтения, никакого паспорта не требуется. И тем не менее в книжных магазинах вроде Green Apple Books в Сан-Франциско, La Ballena Blanca в венесуэльской Мериде, Robinson Crusoe 389 в Стамбуле, La Lupa в Монтевидео, L'Écume des Pages в Париже, The Book Lounge в Кейптауне, Eterna Cadencia в Буэнос-Айресе, Rafael Alberti в Мадриде, Cálamo и Antígona в Сарагосе, Casa Tomada в Боготе, Metales Pesados в Сантьяго-де-Чили и его филиала в Вальпараисо, Dante & Descartes в Неаполе, John Sandoe

9 «Я восхищаюсь новым и влюбляюсь в старое» (*кат.*).

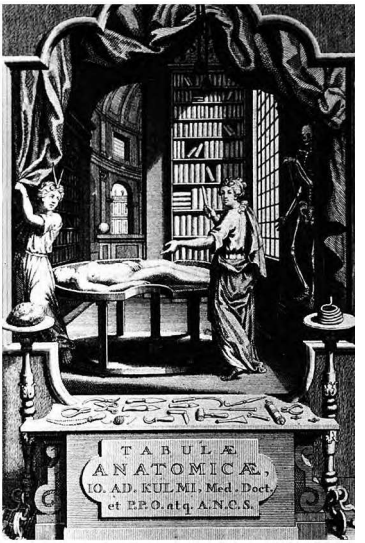
Books в Лондоне или Literanta в Пальма-де-Майорка мне казалось, будто я проставляю печати в каком-то документе, собираю визы, подтверждающие мое пребывание в самых важных, или самых значимых, или лучших, или самых старых, или самых интересных книжных. Или просто тех, что оказались поблизости, когда вдруг пошел дождь в Братиславе, когда мне понадобился доступ к интернету в Аммане, когда захотелось, наконец, присесть и немного отдохнуть в Рио-де-Жанейро или когда зарябило в глазах от обилия храмов в Перу или в Японии.

Первую визу я получил в книжном Pensativo в Гватемале. Я оказался там в конце июля 1998 года; страна все еще содрогалась от предсмертных хрипов епископа Хераpди, которого жестоко убили через два дня после того, как он от имени Архиепископского отдела по правам человека представил четырехтомный отчет «Гватемала: никогда больше», где были собраны документы о примерно пятидесяти четырех тысячах случаев нарушений прав человека,

произошедших за почти тридцать шесть лет военной диктатуры. Череп был размозжен настолько, что епископа не удалось идентифицировать по чертам лица. В те неспокойные месяцы я сменил жилье четыре или пять раз, так что настоящим домом стал для меня культурный центр La Cúpula, состоявший из бара-галереи Los Girasoles, книжного и других магазинов. Pensativo возник в старой столице Гватемалы в 1987 году, когда в стране все еще шла война, благодаря упорству антрополога и феминистки Аны Марии Кофиньо, только что вернувшейся на родину после длительного пребывания в Мексике. Семейное заведение на улице дель Арко прежде было заправочной станцией и автомастерской. С вулканов, окружающих город, по-прежнему доносились выстрелы повстанцев, солдат и военизированных отрядов. Как это случалось и случается во множестве других книжных, как в большей или меньшей степени случалось и случается во всех книжных магазинах мира, импорт книг которых было не найти в этой центральноамериканской стране, ставка на национальную литературу, презентации, выставки искусства и энергия, вскоре объединившая магазин с прочими недавно открытыми пространствами, превратили Pensativo в центр сопротивления. И открытости. За основанием издательства, выпускавшего гватемальскую литературу, последовало открытие в столице филиала, который проработал двенадцать лет, до 2006 года. И где я, хотя там об этом никто не знает, был счастлив. После его закрытия журналист Морис Эчеверриа написал: «Теперь, когда есть Sophos и постепенно расширяется Artemis Edinter, мы забыли, что в тяжелое время именно Pensativo помогал нам сохранять ясность умов и интеллектуальную выдержку, а не пытался прочищать мозги».

Я ищу Sophos в сети: без сомнения, это место, где я коротал бы вечера, живи я теперь в Гватемале. Это один из тех просторных, залитых светом, пропитанных семейной атмосферой книжных магазинов с кафе, которые во множестве появились повсюду: это и Ler Devagar в Лиссабоне, и El Péndulo в Мехико, и McNally Jackson в Нью-Йорке, и The London Review of Books в Лондоне, и 10 Corso Como в Милане — просторные, привыкшие принимать самых разных читателей и быстро превращаться в клуб, место встречи. В 1998 году Artemis Edinter уже существовал; ему больше тридцати лет, и сегодня он насчитывает восемь филиалов, так что, скорее всего, в моей библиотеке есть какая-нибудь книга, купленная в одном из них, но какая именно, я уже не помню. В Pensativo я видел шевелюру, лицо и руки поэта

Умберто Акабаля и запомнил наизусть его стихи о налобнике, при помощи которого майя по-прежнему переносят грузы, порой в три раза превышающие их по размеру и весу («Для / нас / индейцев / небо кончается там / где начинается / мекапаль»). Там я видел, как из-под ремня джинсов мужчины, присевшего на корточки, чтобы поговорить с трехлетним сыном, высовывалась рукоятка пистолета. Там я купил книгу «Пусть меня убьют, если...» Родриго Рея Росы, напечатанную на самой простой бумаге. Я к такой раньше никогда не прикасался, но она напоминает мне те листы, в которые мама заворачивала мне в детстве бутерброды, и это стало своего рода прикосновением к тысяче экземпляров, отпечатанных в типографии издательства Don Quijote 28 декабря 1996 года, почти через месяц после демократических выборов. Там же я купил и «Гватемала: больше никогда», однотомное резюме отчета о ненависти и смерти, изначально выпущенного в четырех книгах («Милитаризация детства», «Массовые изнасилования», «Техника на службе у насилия», «Психосексуальный контроль войска»), книгах о том, что противно самой природе книжного магазина.



В тот день, когда я наконец разложил на письменном столе все эти карточки, открытки, заметки, фотографии, рисунки, которые я распихивал по папкам после каждого путешествия в надежде, что настанет время, когда я напишу эту книгу, я обнаружил перед

собой скорее не заполненный визами паспорт, а карту мира. Вернее, карту моего мира. Привязанную тем самым к моей же биографии: сколько из этих книжных, должно быть, закрылись или сменили адрес, сколько из них расширились, сколько стали частью международных сетей, или провели сокращения в штате, или создали свой домен .com. Это карта моих путешествий, которая не может быть полной; карта, где остаются огромные неисследованные и неописанные территории, где десятки, сотни значимых и важных книжных магазинов еще не отмечены. Карта, которая отражает тем не менее некое изменчивое и неясное состояние, явление, заслуживающее осмысления, — хотя бы для того, чтобы о нем узнали те, кто, входя в книжный магазин, чувствуют себя словно в посольстве неизвестной страны, в машине времени, в *караван-сарае* или на странице документа, выданного неведомым государством. Потому что во всех странах мира книжные магазины вроде Pensativo исчезают, или исчезли, или превратились в туристическую достопримечательность и открыли свой сайт, или вошли в состав какой-либо книжной сети и носят теперь ее название. И вот я видел перед собой коллаж, иллюстрирующий то, что в своей работе «Атлант. Каково это — нести мир на своих плечах?» Диди-Юберман назвал *подвижным познанием*, в рамках которого — словно в книжном магазине — актуальны «как *эмоциональный*, так и *когнитивный* элементы». Поверхность моего письменного стола разместилась между «*классификацией* и *беспорядком* или, если хотите, между разумом и воображением», ведь «стол функционирует как операционная система, призванная *разъединять*, разрывать, разрушать», а также «*приживлять*, накапливать, располагать», а, стало быть, «стол собирает разнородности, придает форму множественным отношениям»: «разнородные пространства и времена постоянно встречаются, сталкиваются, пересекаются или сливаются воедино».

История книжных магазинов существенно отличается от истории библиотек. Первые лишены преемственности и институциональной поддержки. Они свободны, потому что они — ответы, которые частная инициатива дает на общественные проблемы, но именно по этой причине их не изучают, их чаще всего не отмечают в туристических путеводителях, им не посвящают докторских диссертаций, пока время не превращает их в легенды. Такой легендой стал двор собора Святого Павла, где, как пишет Энн Скотт в «Восемнадцати книжных лавках», в XVII веке среди прочих тридцати лавок работала и The Parrot: ее владелец Уильям Эсплей был не только книготорговцем, но и одним из издателей Шекспира. Такой легендой, которую подпитывала слава La Maison des Amis des Livres Адриен Монье и Shakespeare and Company Сильвии Бич, стала улица Одеон в Париже. Такой легендой стала Чаринг-Кросс-роуд, главная улица лондонских библиофилов, увековеченная в названии лучшей из прочитанных мною нехудожественных вещей о книжной торговле — «Чаринг-Кросс-роуд, 84» Хелен Ханфф. Экземпляр первого издания этой книги, где страсть к чтению переплетается с человеческими чувствами, а драма уживается с комедией, был выставлен за 250 фунтов в витрине Goldsboro Books, в шаге от Чаринг-Кросс-роуд. Я с волнением рассматривал его там, тщетно пытаясь выяснить, как найти книжный магазин Ханфф. Такой легендой стал книжный Dei Marini, позднее названный Casella, который основал в 1825 году в Неаполе Дженнаро Казелла; его сын Франческо, унаследовав магазин, собирал здесь на рубеже XIX–XX веков личностей вроде Филиппо Т. Маринетти, Эдуардо де Филиппо, Поля Валери, Луиджи Эйнауди, Дж. Бернарда Шоу и Анатоля Франса, жившего в гостинице Hassler на улице Кьятамоне, но посещавшего книжный ежедневно будто собственную гостиную. Легендой стала и «Книжная лавка писателей» в Москве, в короткий период революционной свободы на рубеже десятых и двадцатых годов XX века ставшая культурным центром, руководимым интеллектуалами. Историю библиотек можно полно изложить, классифицируя их по городам, областям и странам, не нарушая установленных международными договорами границ, обращаясь к специализированной библиографии и архивам, где задокументирована эволюция фондов, приемы классификации, а также хранятся распоряжения, договоры, газетные вырезки, списки закупок и другие бумаги, позволяющие вести статистику, собирать информацию и выстраивать хронологию. Историю книжных магазинов, напротив, можно рассказывать только при

помощи альбома с открытками и фотографиями, ситуативной карты, виртуального моста между магазинами исчезнувшими и существующими, при помощи некоторых литературных отрывков и эссе.

Разобрав все эти визитные карточки, брошюры, рекламные проспекты, открытки, каталоги, снимки, записи и ксерокопии, я обнаружил множество книжных магазинов, не укладывающихся ни в какие хронологические или географические критерии, особенных, таких, которые невозможно понять исходя из прочерченных мною шкал и маршрутов. Я имею в виду магазины, специализирующиеся на путешествиях, магазины-парадоксы: ведь если любой книжный приглашает к путешествию, да и сам есть странствие, то эти отличаются от всех остальных. Как и детские книжные, и магазины комиксов, и букинистические, как и лавки rare books[10]. Их своеобразие описывается причастием «специализирующийся». Специализация ощутима в самом распределении пространства: вместо деления по жанрам, языкам или академическим дисциплинам они структурированы по географическим зонам. Крайнее выражение этого принципа мы находим в сети Altaïr, главный магазин которой в Барселоне представляет собой одно из самых удивительных из известных мне пространств: здесь поэтические сборники, романы или эссе тоже распределяются по странам и континентам, вследствие чего ты обнаруживаешь их рядом с путеводителями или картами. И географические атласы в книжных, специализирующихся на путешествиях, не менее важны, чем поэтические или прозаические сборники. Следуя по маршруту, который предлагает тебе Altaïr, ты минуешь витрину и оказываешься перед доской с объявлениями о самых разнообразных турах. За ней выставлены выпуски одноименного журнала. Далее — романы, книги по истории и тематические путеводители по Барселоне в соответствии с принципом, который соблюдается в книжных магазинах практически любой страны: от близкого, местного к более далекому — ко всей вселенной. Таким образом посетитель попадает в мир, упорядоченный в соответствии именно с этим принципом, и движется от Каталонии, Испании и Европы к прочим континентам, распределенным по двум этажам магазина. Внизу находятся карты и атласы мира, а дальше, в глубине — туристическое бюро. Ведь объявления на доске, журналы, книги неизбежно подталкивают к мысли о путешествии.

10 Редких книг (*англ.*).

Под вывеской Ulyssus в Жироне красуется надпись: «Книжный магазин путешествий», и, подобно основателям Altaïr Альберту Падролю и Жозепу Бернадасу, его владелец Жозеп Мария Иглесиас ощущает себя прежде всего путешественником, а не книготорговцем или издателем. А путешественница и писательница Катрин Домен, возглавляющая парижский Ulysse, каждое лето организует книжную торговлю в казино в Андайе. Естественно, магазины такого рода обычно полны карт и глобусов: например, в Pied à Terre в Амстердаме десятки глобусов украдкой наблюдают за тобой, пока ты ищешь путеводители и другие книги. Его девиз донельзя патетичен: «Рай путешественника». Для мадридского магазина Deviaje приоритетна его ипостась туристического агентства: «Путешествия по индивидуальному заказу, книжный магазин, аксессуары для путешествий». Порядок составляющих не влияет на продукт, потому что во всем мире книготорговые точки, специализирующиеся на путешествиях, являются по совместительству магазинами, торгующими товарами для туристов. Мадридский же Desnivel, чья специализация горный и экстремальный туризм, продает GPS-устройства и компасы. То же происходит в берлинском Chatwins, где значительная часть пространства отведена под молескины, эти вновь возродившиеся записные книжки ручной работы, которые Брюс Чатвин некогда покупал в одном парижском магазине. В 1986 году в Туре закрылось последнее семейное предприятие, их

изготавливавшее, о чем он и поведал читателям в книге «Тропы песен», опубликованной годом позже.

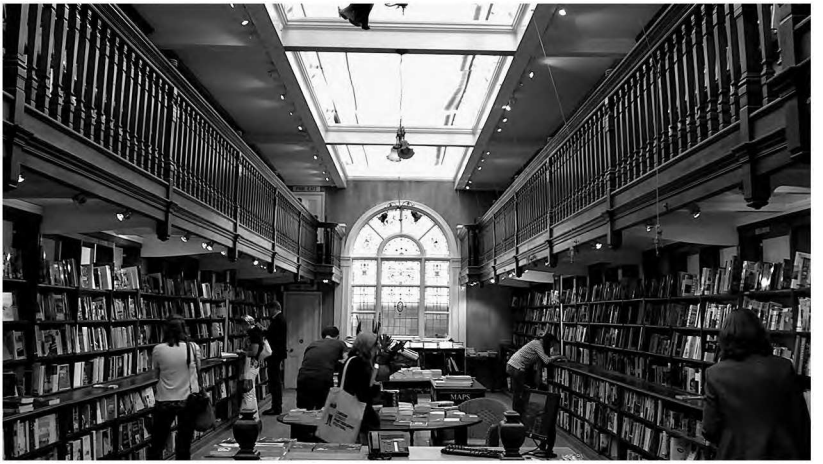
Пепел Чатвина был развеян в 1989 году на юге Пелопоннеса близ византийской часовни в Кардамиле — одном из семи городов, которые Агамемнон предложил Ахиллу за его согласие продолжать осаду Трои; развеян рядом с домом одного из его наставников, знаменитого писателя и путешественника Патрика Ли Фермора. Панихиду отслужили в одной из церквей западного Лондона. Тридцатью годами ранее молодой провинциал по имени Брюс Чатвин, не имевший ни работы, ни денег, приехал в британскую столицу и устроился стажером в Sotheby's, еще не зная о том, что в будущем тоже станет писателем-путешественником, легендой и творцом легенд. Не зная, что его именем будет назван книжный магазин в Берлине. Среди многих книжных, которые в конце пятидесятых годов обнаружил Чатвин в столице, выделялись два: Foyles и Stanfords. Первый — общего профиля, второй специализировался на туризме. Один был полон книг, второй — атласов и карт.

Пятьдесят километров полок превращали Foyles, расположенный посреди Чаринг-Кросс-роуд, в самый большой книжный лабиринт в мире. Туристической достопримечательностью его делали не только размеры, но и сумасбродство его хозяйки Кристины Фойл — благодаря ему магазин оставался чудовищным анахронизмом на протяжении всей второй половины минувшего столетия. Это проявлялось в отказе от использования калькуляторов, кассовых машин, телефонов и любых иных технологических достижений при обработке заказов и продаже; в оформлении заказов по издательствам, а не по авторам или жанрам; в организации трех разных очередей, которые приходилось выстаивать клиентам ради оплаты покупок; в увольнении работников безо всякой на то причины. Книжным Foyles, основанным в 1903 году, она руководила с 1945 по 1999 год. Ее эксцентричность наследственная: Уильям Фойл, ее отец, тоже предавался чудачествам, пока не передал управление дочери. Но именно Кристина придумала то, что прославило магазин: его литературные завтраки. С 21 октября 1930 года до сегодняшнего дня полмиллиона читателей позавтракали с более чем тысячью авторов, среди которых были Т. С. Элиот, Г. Дж. Уэллс, Бернард Шоу, Уинстон Черчилль и Джон Леннон.

Теперь легенды о причудах Кристины Фойл — лишь часть прошлого (и книг вроде этой): в 2014 году Foyles превратился в огромный современный книжный и переехал в соседнее

здание под номером 107 на все той же Чаринг-Кросс-роуд. Перестройкой бывшего Центрального колледжа искусства и дизайна имени Святого Мартина занималось архитектурное бюро Lifschutz Davidson Sandilands. Столкнувшись с задачей спроектировать самый большой британский книжный магазин XXI века, оно сделало выбор в пользу обширного внутреннего двора, через который льется свет, усиливаемый большими лампами — знаками пунктуации в большом сквозном тексте. Двор, словно придаточные предложения, окружают восходящие и нисходящие лестницы. Кафе, где всегда царит оживление, находится наверху, близ зоны презентаций и выставочного зала, часто принимающего мультимедийные проекты, а внизу, при входе, посетителя встречает девиз: «Добро пожаловать, любитель книг, ты пришел к друзьям». Что сказала бы Кристина, восстань она из гроба... Что ж, на самом деле она обнаружила бы памятник своим многолюдным завтракам.

«Исследуй, открывай, вдохновляй» — таков девиз Stanfords, о котором мне напоминает прихваченная оттуда закладка. Хотя одноименная компания была основана на все той же Чаринг-Кросс-роуд, где по-прежнему располагается Foyles, в 1901 году для посетителей открыл свои двери знаменитый магазин на Лонг-Акр в Ковент-Гардене. К тому времени у Stanfords уже сложились прочные отношения с Королевским географическим обществом благодаря изданию лучших карт той эпохи, когда британская колониальная экспансия и расцвет туризма вызвали к жизни их массовый выпуск. Пол каждого из трех этажей магазина воспроизводит гигантскую карту — мира, Лондона, Гималаев. И пусть на этих этажах мы найдем и путеводители, и книги о путешествиях, и аксессуары, главное здесь — карты. В том числе военные: с пятидесятых до восьмидесятых годов в его подвальном помещении располагался отдел авиационной и военной топографии. Помнится, я пришел в Stanfords потому, что кто-то мне сказал или я где-то прочитал, будто здесь покупал свои карты Чатвин. Разумеется, никаких свидетельств в подтверждение этого нет. Список знаменитых клиентов открывается доктором Ливингстоном и капитаном Робертом Скоттом и завершается Биллом Брайсоном и сэром Ранульфом Файнсом, одним из последних живых первооткрывателей, включая в себя Флоренс Найтингейл, Сесиля Родса, Уилфреда Тесиджера и Шерлока Холмса, который именно в Stanfords заказал карту таинственной пустоши, позволившую ему раскрыть тайну «Собаки Баскервилей».



Оба торговых дома существуют до сих пор. У Foyles пять филиалов в Лондоне и один в Бристоле. Помимо небольшого помещения в Королевском географическом обществе, которое открывается только для проведения мероприятий, у Stanfords есть магазины в Бристоле и Манчестере. Чатвин не дожил пары лет до открытия в 1991 году Daunt Books — книжного для читателей-путешественников, расположившегося в эдвардианском здании на Мэрилебон-Хай-стрит, куда естественный свет проникает через огромные витражи. Это личный проект Джеймса Донта, отпрыска дипломатической семьи, привыкшего к переездам. Пожив в Нью-Йорке, он решил, что хочет посвятить себя двум страстям: путешествиям и чтению. И сегодня его детище представляет собой лондонскую сеть, состоящую из восьми магазинов. Тридцать четыре магазина по всей территории Франции принадлежат сети Au Vieux Campeur, с 1941 года продающей путеводители, карты, книги о путешествиях и товары для пеших походов, кемпинга и альпинизма. Ее история приводит на память историю молескинов.

В конце XIX — начале XX века многие профессиональные художники и любители обзавелись привычкой путешествовать с блокнотами, на плотных страницах которых можно было рисовать акварели или писать тушью. Обложки таких блокнотов, сделанные из молескиновой ткани, защищали рисунки и заметки от превратностей погоды; они производились в различных местах Франции и продавались в Париже. Теперь мы знаем, что их использовали Уайльд, Ван Гог, Матисс, Хемингуэй и Пикассо; но сколько еще тысяч безвестных путешественников

владели ими? Где сейчас их *молескины*? Чатвин упоминает их в своих эссе, и, возможно, именно это побудило маленькую миланскую фирму Nodo & Nodo навать так свои записные книжки, выпущенные в 1999 году тиражом в пять тысяч. Я помню, как увидел экземпляры этого или следующих, тоже ограниченных тиражей, во флорентийском книжном сети Feltrinelli и мгновенно испытал фетишистское наслаждение от ощущения *узнавания*. То же, что испытывает любой прилежный читатель, входя в Lello в Порту или в City Lights в Сан-Франциско. На протяжении нескольких лет за молескином приходилось отправляться в чужие края. Не обязательно в Париж, но были они далеко не везде. В 2008 году их продавали в пятнадцати тысячах книжных в пятидесяти странах мира. Сейчас дизайн у них по-прежнему итальянский, но производство для удовлетворения спроса перенесено в Китай. До 2009 года нужно было ехать в Лиссабон, чтобы попасть в Livraria Bertrand, самый старый книжный магазин в мире; затем был открыт недолго просуществовавший филиал в Барселоне, где я живу, и серийность выиграла очередную, бессчетную, битву у старого, уже почти исчезнувшего понятия — ауры.

> Мы шли по узкому и темному коридору, пока я не попал на книжный развал, где завязанные и пыльные папки рассказывали о всех видах разорения.
> *Вальтер Беньямин. «Пассажи»*

2.
Афины.
Начало

Пришел, чтобы читать. Раскрыты
две, три книги; историки, поэты.
Но почитав десять минут,
отвлекся. На диване
он полуспит. Им полностью владеют книги —
но ему лишь двадцать три, и он красивый очень.
Константинос Кавафис. «Пришел, чтобы читать...»[11]

По Афинам можно бродить, как по диковинному базару с книжными лавками. И диковинность обусловлена не упадком, в котором находится многое из окружающего тебя, и не осязаемым ощущением древности, а языком, на котором написаны как названия магазинов, так и указатели на стеллажах, не говоря уже о названиях книг и именах авторов. Для западного читателя Восток начинается там, где он видит неизвестные ему алфавиты: в Сараево, Белграде, Афинах. На полках книжных магазинов в Гранаде или Венеции не оставили следа алфавиты древних пришельцев с Востока: мы все читаем в переводах на наши языки, позабыв, что и языки пришельцев служили когда-то средством перевода. Значение древнегреческой культуры, философии и литературы возможно понять, лишь учитывая, что возникли они там, где встречаются Средиземноморье и Азия, между этрусками и персами, рядом с ливийцами, египтянами и финикийцами. Эллинство — место встречи посланников цивилизаций, перекрестье цивилизационных потоков. И цепь, связующая различные алфавиты.

11 Кавафис К. / Пер. с новогреч. Е. Казанджиду. http://www.stihi.ru/2017/11/24/8186

После долгих поисков в интернете с помощью визитной карточки одного из магазинов, которую я храню с лета 2006 года, я наконец нахожу английскую отсылку к искомому месту: Books Arcade. Галерея книги, или Книжный пассаж, — череда из двадцати лавок с дверями кованого железа, где представлены сорок пять издательских марок, в том числе Kedros и Издательство Национального банка. Сидя в одном из многочисленных кресел, расставленных в проходах, под потолочным вентилятором, перемалывавшим жару словно в замедленной съемке, я набросал несколько заметок о соотношении между книжными магазинами и библиотеками. Потому что пассаж Pesmazoglou — так его тоже называют по одной из прилегающих к нему улиц — расположен напротив Национальной библиотеки Греции.

Проход напротив Здания. Галерея без даты открытия напротив Памятника, обладающего задокументированной историей: первый камень Национальной библиотеки в неоклассическом стиле, строительство которой финансировалось братьями Валлианосами, был заложен в 1888 году, а открытие состоялось в 1903-м. В ней хранится около четырех с половиной тысяч рукописей на древнегреческом языке, христианские кодексы и важные документы времен Греческой революции (недаром идея основать библиотеку принадлежала, судя по всему, Иоганну Якобу Майеру, любителю эллинской культуры и товарищу по оружию лорда Байрона). Но ведь библиотека — это не просто сооружение: это собрание книг. Прежде чем въехать в нынешнее здание, Национальная библиотека располагалась в приюте для сирот на острове Эгина, в банях римского рынка, в церкви Святого Элевтерия и в Университете Оттона. В ближайшие годы она переедет в новое монументальное здание на морской набережной, спроектированное архитектором Ренцо Пияно. А Александрийская библиотека[12] — лишь слабый отзвук древнего гимна: хотя ее архитектура потрясает, вступая в диалог с плещущимся вблизи морем и графемами ста двадцати письменных систем, нанесенными на облицовывающий ее мрамор, хотя туристы со всего мира приезжают ею полюбоваться, ее стены все же не вмещают в себя достаточного числа томов для того, чтобы она могла стать новым воплощением той библиотеки, у которой позаимствовала имя.

12 Речь идет о Новой Александрийской библиотеке (Библиотека Александрина) в египетском городе Александрия.

Густая тень Александрийской библиотеки затмила собой все предшествующие, современные и последующие библиотеки, стерев из коллективной памяти книжные лавки, что ее питали. А ведь она родилась не из пустоты, в III веке до н. э. она была главным клиентом книготорговцев Восточного Средиземноморья. Библиотека не может существовать без Книжной лавки, которая с момента своего появления связана с Издательством. Книготорговля получила развитие еще до V века до н. э. К этому времени в греческой культуре письменная составляющая начинала преобладать над устной, в значительной части Восточного Средиземноморья уже были известны произведения философов, историков и поэтов, которых мы сегодня считаем классиками. Афиней упоминает утраченное произведение «Лин», написанное Алексидом в IV веке до н. э. и главный герой которого говорит молодому Гераклу:

> Пойди, возьми какую хочешь книжицу.
> Перечитай заглавия внимательно
> И выбери; потом в досужий час прочтешь.
> Здесь есть Орфей и Гесиод, трагедии,
> Херил, Гомер и Эпихарм, есть всякая
> Литература. Этим обнаружишь ты
> Свою наклонность[13].

Геракл выбирает поваренную книгу, не оправдывая ожиданий своего наставника. Потому что в книжной лавке имеются любые тексты на любой читательский вкус: речи, поэмы, заметки, книги по технике или по праву, сборники острот. А также самого разного качества: прообраз современного издательства представлял собой группу переписчиков, от чьей способности сосредоточиваться, дисциплины, ответственности и степени загруженности зависело количество изменений и ошибок, которые будут содержаться в тех списках, что окажутся в обращении. Ради экономии времени кто-то из них диктовал, а остальные записывали. Поэтому на римский рынок выпускались сотни списков одновременно. Находясь в изгнании, Овидий утешался мыслью о том, что он самый читаемый автор Рима, потому что списки его произведений добирались до самых далеких уголков империи.

13 *Афиней*. Пир мудрецов / Пер. с древнегреч. Н. Голинкевича. М.: Наука, 2004.

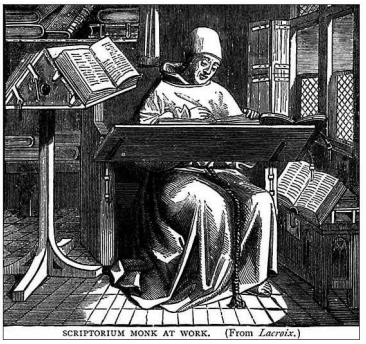
Альфонсо Рейес в «Книгах и книготорговцах античности» (своего рода резюме труда «Мир книг в классической древности» Г. Л. Пиннера, опубликованного уже после смерти автора) говорит о «книжных коммерсантах», имея в виду первых издателей, распространителей и книготорговцев вроде Аттика, друга Цицерона, который занимался всеми аспектами книжного дела. Первые греческие и римские книжные представляли собой, по-видимому, либо передвижные лотки и навесы, где продавались или выдавались на время книги, либо лавки при заведениях переписчиков. «В Риме книжные лавки были известны по меньшей мере со времен Цицерона и Катулла, — пишет Рейес. — Они находились в лучших торговых районах и служили местом встречи эрудитов и библиофилов». В числе множества предпринимателей, державших лавки поблизости от Форума и в других районах Рима, были братья Созии — издатели Горация, Секунд — один из издателей Марциала — и Атрект. У дверей лежали списки, рекламировавшие новинки. И за скромную плату можно было ознакомиться с самыми ценными томами. То же происходило в крупных городах империи, таких как Реймс и Лион, чьи великолепные книжные лавки поразили Плиния Младшего, когда он удостоверился в том, что в них продавались в том числе и его произведения.

Для того чтобы римские богачи могли хвастать своими библиотеками, получили распространение не только купля-продажа ценных экземпляров, но и приобретение книг на вес, дабы поразить окружающих внешними атрибутами культурности. Частные собрания, зачастую собиравшиеся библиофилами, пополнялись непосредственно из книжных лавок и служили образцом для собраний общественных, то есть для библиотек, которые возникли отнюдь не при демократии, а при тирании: основание первых из них приписывается Поликрату, тирану Самоса, и афинскому тирану Писистрату. Библиотека — это власть: благодаря добыче, полученной во время кампании в Далмации, полководец Азиний Поллион основал в 39 году до н. э. Римскую библиотеку. В ней впервые были представлены как греческие, так и римские произведения. Четыре столетия спустя, на закате империи, в столице было двадцать восемь библиотек. Как и от Пергамской и Палатинской библиотек, от них остались лишь руины.

Александрийская библиотека, по-видимому, создавалась по образцу частной библиотеки Аристотеля — возможно, первой в истории библиотеки, в которой появилась некая классификация. Поэтому диалог между частными и общественными собраниями,

между Книжной лавкой и Библиотекой так же стар, как и сама цивилизация, но чаша весов Истории всегда склоняется в пользу второй — не к легковесности Книжной лавки, а к тяжеловесной Библиотеке. Легкость настоящего противостоит тяжести традиции. Нет ничего более далекого от понятия книжной лавки, чем понятие наследия. В то время как Библиотекарь накапливает, собирает, в лучшем случае на время одалживает товар, который перестает им быть или ценность которого застывает, Книготорговец приобретает, чтобы избавиться от приобретенного, покупает и продает, пускает в оборот. Его стихия — *движение и оборот*. Библиотека всегда находится на шаг позади: она укоренена в прошлом. Книжная лавка, напротив, привязана к настоящему, живет им, подпитывается присущей ему тягой к переменам. Если История обеспечивает преемственность Библиотеки, Будущее постоянно угрожает существованию Книжной лавки. Библиотека основательна, монументальна, она привязана к власти, к городским властям, к государствам и их армиям: так, Питер Берк в своей «Социальной истории знания» пишет о полутора тысячах рукописей, вывезенных армией Наполеона из австрийских Нидерландов, и еще полутора тысячах из Италии, «в основном из Болоньи и Ватикана», чтобы удовлетворить запросы французских библиотек. Книжная лавка, напротив, текуча, временна, она существует столько же, сколько длится ее способность поддерживать с минимальными изменениями определенную идею. Библиотека — это устойчивость. Книжная лавка распространяет, Библиотека — хранит.

Книжная лавка — это постоянный кризис, подчиненный конфликту между *новинками* и *остатками тиражей*, и именно поэтому она находится в центре споров о культурных канонах. Великие римские авторы осознавали, что их влияние зависело от доступа публики к их творениям. Гомер представляет столетия, предшествовавшие становлению книжного дела, его центральное место в западном каноне прямо связано с тем, что его произведения сохранились лучше всего. Иными словами, его больше всех переписывали. Больше всех распространяли, продавали, дарили, крали, покупали коллекционеры, обычные читатели, книготорговцы, библиофилы, управляющие библиотеками. От папирусных и пергаментных свитков и от кодексов из греческих и римских книжных лавок, от всего текстового капитала, который был пущен в обращение, а затем на время заточен в частных и общественных пространствах и по большей части уничтожен в бесчисленных войнах, пожарах и переездах, зависит наше представление о культурной традиции, наш список авторитетных авторов и названий. Местонахождение книжной лавки играет ключевую роль в структурировании этих канонов: некогда Афины и Рим служили мыслимыми центрами доступных миров. На этой их утраченной и недостижимой столичности зиждется вся последующая культура.



SCRIPTORIUM MONK AT WORK. (From *Lacroix.*)

После падения Римской империи торговля книгами сократилась. Средневековые монастыри взяли на себя задачу распространения письменной культуры посредством переписывания, пока изобретенная в Китае бумага совершала свой долгий путь в Европу. Пергамент был так дорог, что многие тексты стирали, чтобы на их месте записать новые: мало какие метафоры культурных путей могут сравниться по выразительности с метафорой палимпсеста. В Средние века некоторые книги насчитывали

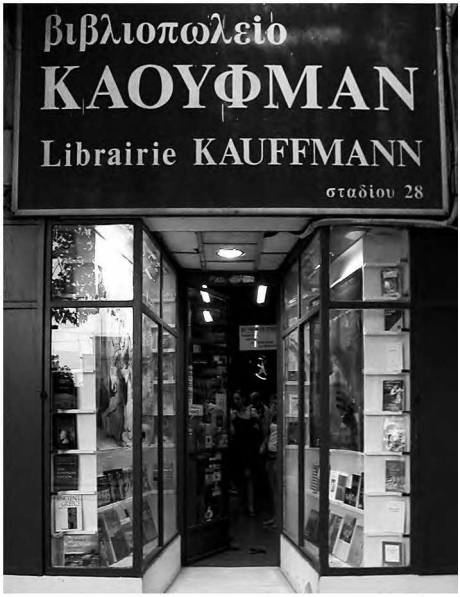
порядка ста рукописных копий, их могли читать тысячи людей, а слушать — намного больше, так как изустная передача вновь стала более значимой, чем индивидуальное чтение. Все это не означает, что книготорговля прекратилась, ведь потребность в чтении испытывали не только духовенство и знать. После того как в XI–XIII веках были основаны старейшие европейские университеты (в Болонье, Оксфорде, Париже, Кембридже, Саламанке, Неаполе), в книгах нуждалось все большее число студентов. Как писал Альберто Мангель в «Истории чтения»:

> Приблизительно с конца XII века книги уже рассматривались как товар, и в Европе стоимость книг настолько возросла, что ростовщики стали принимать их в качестве залога; упоминания о таких сделках встречаются во многих средневековых книгах, особенно в тех, что принадлежали студентам[14].

Выдача книг за деньги была привычным явлением до расцвета ксерокопирования в середине прошлого века. Копировальные центры вокруг Национальной библиотеки Греции и соседней с ней Афинской академии сосуществуют с университетами, издательствами, культурными центрами и наиболее компактной частью книжного базара, потому что все эти институции взаимосвязаны. Я помню, как в просторном пиано-баре книжного магазина Ianos, части *цивилизационной сети*, с его стеллажами цвета красного дерева и белыми указателями на зеленом фоне, читал сборник стихов Кавафиса, который носил с собой в рюкзаке, потому что не мог прочесть названия ни единой из окружавших меня книг. Из тысяч книг на греческом, стоявших на темных деревянных полках книжного магазина Politeia, я часами выуживал несколько сотен изданных на английском. У магазина, расположившегося на двух этажах и в мансарде, четыре входных двери. Это одно из тех пространств, где света в избытке: бесконечное количество прямоугольников света и всего шесть круглых световых очагов озаряют суперобложки, названия книг и свободную поверхность пола. *Полития* (politeia) — это обозначение государственности.

В конце концов я зашел в Librairie Kauffmann. Не только потому, что это афинский магазин французской книги, а значит, там есть то, что я смогу прочесть, но и потому, что посещение его — это как штамп в воображаемом паспорте. Его

14 *Мангель А.* История чтения / Пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.



первоначальный облик впечатляет: на черно-белом снимке, датируемом 1919 годом, виден киоск, у которого стоит женщина с частично покрытой головой, одетая на восточный манер, а над ней вывеска — Librairie Kauffmann. Так начинал свое дело Герман Кауфман — с уличной лавки, где продавал подержанные французские книги. Десять лет спустя он обосновался на улице Зоодохос Пигис; там его лавка с течением времени расширялась, пока не превратилась в большое помещение с видом на проспект и не включила в свой ассортимент новые книги благодаря договоренности с издательством Hachette. Вскоре этот книжный магазин стал местом, куда приходили самые образованные жители Афин, чтобы раздобыть книги на французском, и где их дети покупали учебники и книги, обязательные для прочтения во франкоязычных школах и лицеях. На стене, идущей вдоль лестницы, среди фотографий Фриды Кало или Андре Мальро висит диплом, присужденный Кауфману на Exposition Internationale des Arts et des Techniques de París[15]. С помощью Hachette он создал Эллинское агентство дистрибуции. После его смерти в 1965 году управление компанией взяла на себя вдова, с именем которой связаны

15 Всемирная выставка, проходившая в 1937 году в Париже под девизом «Искусство и техника в современной жизни».

такие важные начинания, как Confluences[16], серия произведений греческой литературы на французском языке, или публикация Dictionnaire français-grec moderne[17]. В магазине, специализирующемся на иностранных книгах, обязательно должен быть как минимум двуязычный словарь.

Сайт Kauffmann не работает. Ничто в интернете не указывает на то, что магазин все еще существует. После долгих бесплодных поисков я обнаруживаю оранжевую карточку, оставшуюся от того путешествия, с оттиснутым деревом под греческими и латинскими буквами, словно расплывчатый архипелаг на морском дне. Набираю телефонный номер. Два, три раза. Никто не отвечает. Блуждая по поисковикам от одной интернет-страницы к другой, я натыкаюсь на политические фотографии, которых не хотел видеть. На одной из них пассаж Pesmazoglou (или Книжная галерея), сожженный в ходе беспорядков в начале 2012 года за то, что в нем располагались частные компании, а также один из филиалов Издательства Национального банка. А библиотека в то же время, вопреки заявлениям международной прессы, осталась нетронутой и от пожаров не пострадала: она государственная и старинная, у нее есть дата открытия и планы на переезд, ее прошлое и будущее максимально гарантированы, и она сохраняется.

> А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм.
> *Деяния. 19:19*

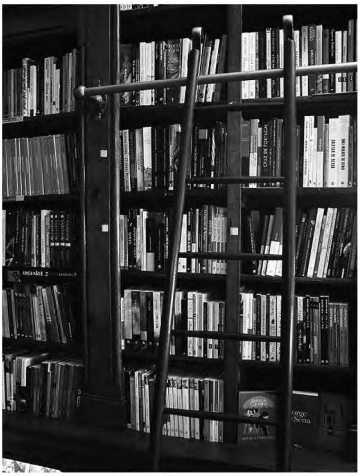
16 Слияния (*франц.*).

17 Французско-новогреческого словаря (*франц.*).

3. Старейшие книжные мира

> Я никогда не мог читать книгу, полностью погружаясь в нее; всегда, на каждом шагу, комментарий разума или воображения мешал последовательности повествования. Спустя несколько минут пишущим становился я, а то, что было написано, не находилось нигде.
> *Фернандо Пессоа. «Книга непокоя»*[18]

Книжному магазину надлежит не только быть старинным, но и выглядеть соответствующе. Когда в Лиссабоне заходишь в Livraria Bertrand на улице Гарретт, 73, неподалеку от Café Brasileira и памятника Фернандо Пессоа, то есть самого сердца Шиаду[19], под буквой B на красном фоне логотипа видишь горделивую цифру: 1732. В первом зале все указывает на почтенное прошлое, к которому отсылает эта дата. Витрина с особо ценными книгами; раздвижные лестницы или деревянные приступки — с их помощью можно добраться до самых высоких полок ветхих книжных шкафов; покрытая ржавчиной доска, сообщающая, что ты находишься в «Зале имени Акилину Рибейру», названном в честь одного из самых именитых его посетителей, постоянного, как и Оливейра Мартинш, Эса де Кейрош, Антеру де Кентал или Жозе Кардозу Пиреш. И, конечно, диплом «Книги рекордов Гиннесса», удостоверяющий, что этот магазин — самый старый в мире из ныне действующих книжных.



18 *Пессоа Ф.* Книга непокоя / Пер. с порт. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

19 Шиаду — район в центре Лиссабона, излюбленное место встреч интеллектуалов португальской столицы.

Непрерывная деятельность. И задокументированная. В доме номер 1 по Тринити-стрит в Кембридже в определенные периоды, начиная с 1581 года, также продавались книги, а покупателями были такие знаменитости, как Уильям Мейкпис Теккерей и Чарльз Кингсли, но в самом здании подолгу находилось лишь Издательство Кембриджского университета, где книжная торговля как таковая не велась. Отсутствие надежных документов делает столь же зыбкими основания для определения возраста краковского Matras (люди старшего поколения именуют его Gebether i Wolff), который часто называют преемником книжной лавки Франца Якоба Мерцениха, открытой здесь в 1610 году и проработавшей вплоть до 1872 года. На рубеже XIX–XX веков Matras стал местом, где собирался знаменитый литературный салон; в наши дни здесь проводятся важные мероприятия, ведь ЮНЕСКО присвоило Кракову статус города литературы. А быть может, старейшим книжным магазином в мире является парижский Librairie Delamain, открывшийся в «Комеди Франсез», по разным сведениям, в 1700, 1703 или 1710 году и переехавший на улицу Сент-Оноре лишь в 1906-м. Он, однако же, не может доказать непрерывность своей деятельности, в частности потому, что в течение своей долгой истории пережил по меньшей мере один пожар и одно наводнение, от чего, несомненно, пострадал его архив. Известно, тем не менее, что в XVIII веке им управляла та самая семья Дюшен, которая издавала Ретифа де ла Бретонна, Вольтера и Руссо; и что самый известный владелец магазина в XX веке, издатель Пьер-Виктор Сток, проиграл его в покер. Книжный P & G Wells в Винчестере с большой вероятностью является самым старым в Великобритании и, возможно, самым старым книжным, не менявшим своего местоположения, занимающим лишь одно помещение, то есть абсолютно независимым (в конце XX века открылся его единственный филиал в университете). Сохранились квитанции на покупку книг, датируемые 1729 годом, а постоянная книготорговля в этой точке на Колледж-стрит, по-видимому, восходит к пятидесятым годам XVIII века. В 1768 году начал торговать книгами Hodges Figgis, работающий и по сей день и являющийся не только самым старым, но и самым большим книжным в Ирландии: на его складе насчитывается шестьдесят тысяч экземпляров книг. Это еще и самый «дублинский» книжный, потому что он фигурирует в самой дублинской из всех книг — не в «Дублинцах», а в «Улиссе» все того же Джеймса Джойса («She, she, she. What she? The virgin at Hodges Figgis' window on Monday

looking in for one of the alphabet books you were going to write»[20]). А в Лондоне самый старый — Hatchards, открывший свои двери в 1797 году и с тех пор их так их и не закрывавший. Он может похвастаться аристократического вида зданием под номером 187 на улице Пикадилли и масляным портретом основателя Джона Хатчарда, которые сообщают заведению налет почтенной старины. Теперь оно принадлежит сети Waterstones, но при этом не теряет ни грана своей укутанной в мягкие ковры индивидуальности: в отличие от более популярных книжных, этот по-прежнему выставляет на втором этаже романы, а на первом — исторические и другие исследования и очерки в переплете, которые покупают постоянные клиенты по дороге в Королевскую академию или в ателье на Джермин-стрит. В последние годы, в нашу эпоху алгоритмов, получила развитие услуга подписки: три специально нанятых эксперта изучают вкусы подписчиков и на регулярной основе отсылают им избранные произведения. Мэри Кеннеди, мой проводник по закоулкам и по истории этого книжного, с гордостью сообщила: «Каждый имеет право вернуть книги, которые ему не понравились, но возврат у нас произошел только один раз».

Быть может, единственным по-настоящему важным в моей биографии книжным магазином XIX века является Librería de Ávila в Буэнос-Айресе, что располагается напротив церкви Святого Игнатия и в двух шагах от Национального колледжа. Датой его появления можно, по-видимому, считать 1785 год, поскольку именно тогда на том же углу расположилась лавка, в которой помимо снеди и вышивки продавались и книги. Если P & G издавал книги для Винчестерского колледжа, то его буэнос-айресский современник даже названием перекликался с соседним образовательным учреждением — Librería del Colegio («Книжный магазин Колледжа»). Самые ранние из связанных с ним документов относятся к 1830 году. На фасаде можно прочесть: «Antiguos Libros Modernos»[21]. Во время моего первого посещения Буэнос-Айреса в июле 2002 года я купил в подвале несколько экземпляров журнала Sur. Прикосновение к старым книгам — это одно из немногих тактильных ощущений, с помощью которых можно почувствовать связь с далеким прошлым. Хотя понятие «антикварный книжный»

20 «Она, она, она. Что она? Дева у витрины Ходжеса Фиггиса в понедельник, искала одну из тех алфавитных книг, что ты собирался написать» (*англ.*). *Джойс Дж.* Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. СПБ., Азбука-классика, 2006.

21 «Антикварные современные книги» (*исп.*).

относится к XVIII веку, когда бурно развивались такие дисциплины, как история и археология, уже в XVI–XVII веках его использовали переплетчики и книготорговцы, работавшие как с печатными книгами, так и с рукописями. То же можно сказать и о каталогах типографов и издателей, которые эволюционировали от простых списков до изысканных книжечек в роскошном оформлении. Я никогда не прикасался ни к одной из этих реликвий. И ни к одной непечатной книге.

Свен Даль в «Истории книг» писал, что в первые годы после изобретения книгопечатания рукописи ценились выше печатных книг за счет престижа, как некогда папирусу отдавалось предпочтение перед пергаментом или как в шестидесятые годы прошлого века — ручному набору перед машинным. Сначала печатник сам торговал своей продукцией, «но вскоре появились странствующие торговцы, которые переходили из города в город, предлагая книги, купленные у печатников». Они оглашали на улицах список имевшихся у них наименований и называли постоялый двор, где останавливались и раскидывали свой кочевой рынок. В больших городах встречались и те, кто нашел постоянные места продажи. С XVI века тираж книги мог исчисляться тысячами экземпляров, а количество читателей — сотнями тысяч: в это столетие в Европе курсировало более ста тысяч различных печатных книг. Книги можно было выбирать с помощью карточек в ящиках или непосредственно на полках. Их, как правило, выпускали непереплетенными, чтобы покупатель мог выбрать переплет по вкусу. Поэтому старинные книжные собрания, где единообразны лишь корешки, столь необычны на взгляд современного человека. Такие собрания можно найти в подвале Librería de Ávila и в магазинах старых книг рядом с Авенида-де-Майо в Буэнос-Айресе.

Какими были книжные магазины XVIII века, когда на улицах Лиссабона, Лондона и Буэнос-Айреса открылись соответственно Bertrand Livreiros, Hatchards и Librería del Colegio? Судя по гравюрам XVII–XVIII веков, которые исследовал Генри Петроски в «Книге на книжной полке» — подробном путеводителе по истории того, как мы расставляем наши книги, книготорговец вел свои дела, сидя за большим столом, и часто непосредственно общался с типографией или с издательством, от которого зависел, а вокруг него громоздились сшитые, но не переплетенные тетради, которые и составляли содержимое книжных лавок. Картотечные ящики зачастую были частью прилавка, как можно видеть на знаменитой гравюре «The Temple of the Muses» («Храм

муз»), изображающей, возможно, самый легендарный и красивый книжный магазин XVIII века, располагавшийся на лондонской Финсбери-сквер и управлявшийся Джеймсом Лакингтоном, который отказывался уничтожать нераспроданные книги и распродавал их задешево в соответствии со своим пониманием собственной профессиональной *миссии*. Он писал: «Книги — ключ к знанию, разуму и счастью, и у каждого должно быть право получать их по доступным ценам вне зависимости от экономического благосостояния, социального класса или пола».

Среди письменных свидетельств о книжных магазинах XVIII столетия обращают на себя внимание строки Гёте, который 27 сентября 1786 года отмечал в своем «Итальянском путешествии:

> Наконец я достал сочинения Палладио, правда, не оригинальное издание, которое я видел в Виченце, с гравюрами на дереве, но точную копию, даже факсимиле на меди, выполненную одним достойным человеком, бывшим английским консулом в Венеции Смитом. Англичанам следует отдать справедливость, что они издавна умели ценить хорошее и в распространении его проявляют грандиозный размах. По случаю этой покупки я зашел в книжную лавку, которые в Италии имеют весьма своеобразный вид. Все книги стоят кругом, без переплетов, и целый день там встречаешь хорошее общество. Из белого духовенства, знати, художников — все, кто хоть сколько-нибудь близки литературе, заглядывают сюда. Требуют книгу, отыскивают в ней нужное место, читают и разговаривают о чем придется. Я застал около полудюжины посетителей, которые сразу обратили на меня внимание, когда я спросил сочинения Палладио. Пока хозяин лавки разыскивал книгу, они стали

расхваливать ее достоинства, сравнивая оригинал и копию. И самое сочинение, и заслуги его автора были им хорошо известны. Принимая меня за архитектора, они похвалили меня за то, что я начал изучать творения этого художника раньше, чем других: для использования и применения он дает даже больше, чем сам Витрувий; он основательно изучил древних и древности и пытался приблизить их к нашим потребностям. Я долго разговаривал с этими любезными людьми, узнал еще кое-что, касавшееся достопримечательностей города, и откланялся[22].

Первая фраза говорит об осуществлении желания: такова цель любого посещения книжного магазина. Последняя — о приобретении знания, но не из книг, а от людей, которые их читают. Больше всего немецкого эрудита и путешественника удивляет то, что все книги сшиты в тетради и доступны, благодаря чему посетители могут общаться и друг с другом, и с книгами. Единообразный переплет получил распространение в Европе лишь около 1823 года, с появлением соответствующей машины, после чего книжные магазины стали все больше походить на библиотеки, потому как предлагали готовый продукт, а не полуфабрикат, — во времена Гёте речь могла идти о кустарных переплетах. В «Сентиментальном путешествии» (1768) Лоренс Стерн заходит в книжную лавку на набережной Конти, чтобы купить собрание сочинений Шекспира, но книготорговец отвечает ему, что не располагает им. Возмущенный путешественник берет то, что лежит на столе, и восклицает: «Как! Вот же!» Тогда продавец объясняет, что эта книга принадлежит не ему, а одному графу, который прислал ее на переплет: сей esprit fort[23] «любит английские книги» и дружит с островитянами.

В 1802 году Шатобриан, получив известие о подделке четырех томов «Гения христианства», отправился в Авиньон. В своих воспоминаниях он сообщает, что, «переходя от одного книжного к другому, сумел обнаружить автора подделки, который не знал, кто я такой». Таких было много в каждом городе, и о большинстве не сохранилось никаких воспоминаний. Мы склонны видеть в литературе абстракцию, хотя на самом деле речь идет о необъятной сети предметов, тел, материалов,

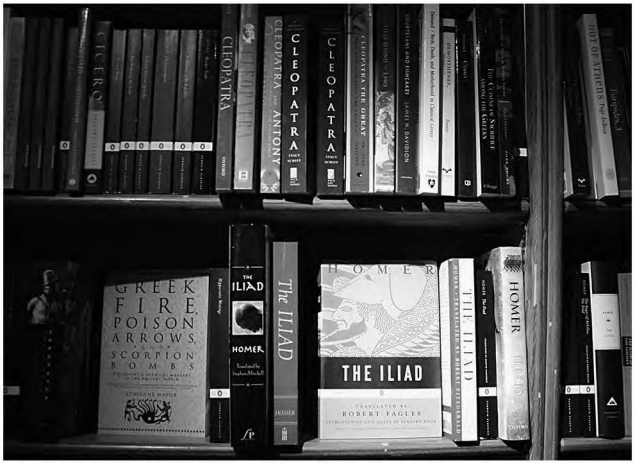
22 *Гёте И.-В.* Итальянское путешествие / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2013.

23 Вольнодумец (*франц.*).

пространств. Глаза, которые читают; руки, которые пишут, переворачивают страницы и держат тома; нервные импульсы в мозгу; ноги, несущие в книжные магазины и библиотеки (или оттуда); биохимически обусловленное желание; деньги, которыми расплачиваются; бумага, картон и ткань; полки, которые вмещают книги; перемолотая древесина и исчезнувшие леса; еще больше глаз и рук, ведущих грузовики, загружающих коробки, расставляющих тома, любопытствующих, поглядывающих и листающих; договоры, буквы и цифры, фотографии; склады и места продажи; квадратные метры города; знаки, экраны, слова из краски и пикселей.

От глагола poiéin — «делать» происходит слово *поэзия*, которое в Древней Греции — до появления прозы — было по сути синонимом литературы. Социолог Ричард Сеннет исследовал в своей работе «Ремесленник» сокровенную связь между рукой и глазом: «Любой хороший ремесленник поддерживает диалог между конкретными приемами и мышлением; развиваясь, этот диалог становится опорой для привычек, а привычки, в свою очередь, задают ритм, с которым проблемы решаются и обнаруживаются». Он говорит прежде всего о плотниках, музыкантах, поварах, скрипичных мастерах — тех, кого мы обычно понимаем под словом «ремесленники». На самом деле его рассуждение можно перенести на бесчисленное количество профессионалов, принимающих участие в создании книги, а именно: изготовителей бумаги, типографов, печатников, переплетчиков и иллюстраторов. Как и на любого читателя — на расширение его зрачков, на способность сосредоточиваться, на положение тела, на память кончиков пальцев. Само письмо, если оно каллиграфическое, то есть выполненное вручную, все еще подчиняется законам совершенства в таких цивилизациях, как китайская или арабская. А по меркам истории культуры переход от ручного письма к клавиатурному набору произошел совсем недавно. Хотя книготорговец не участвует непосредственно в создании предмета, в его образе можно видеть образ *читателя-ремесленника*, который после десяти тысяч часов, необходимых, согласно различным исследованиям, чтобы стать экспертом в каком-либо деле, становится способным сочетать ремесло с совершенством, производство с поэзией.

Некоторые книжные магазины уделяют большое внимание тактильной стороне, чтобы бумага и дерево оставались свидетелями этой традиции читателей-ремесленников. Например, три



английских магазина Topping & Company оборудованы стеллажами, изготовленными местными плотниками; и маленькие надписи, указывающие секции, и карточки с рекомендуемыми наименованиями сделаны вручную. Богатый отдел поэзии в книжном магазине Бата демонстрирует, как важно, чтобы книжный сохранял и приумножал интересы общества, в которое он вписан. «Люди этого маленького города гордятся своей любовью к поэзии, — рассказал мне Сабер Хан, один из местных продавцов, — а мы гордимся тем, что предлагаем одно из самых значительных собраний поэзии в стране». Поскольку читатели и плотники в каждом месте разные, у каждого магазина Topping & Company «свой характер, как у братьев и сестер, но кофе во всех бесплатный, потому что в чашке кофе никому нельзя отказывать». Там я видел, как читатели часами засиживались на деревянных стульях за деревянными столами. И видел подстилку и миску собаки, которая бродила по книжному магазину — своему и нашему дому. Его девиз «A proper old-fashioned bookshop» можно было бы перевести как «Настоящий книжный на старинный лад» или как «Книжный, каким он должен быть вне зависимости от моды».

Как сказал мне Жозе Пиньу, *отец-основатель* лиссабонского Ler Devagar, книжный магазин способен восстанавливать социальную и экономическую ткань того места, где находится, поскольку представляет собой чистое настоящее, ускоренный двигатель изменений. Отсюда понятно, что многие книжные становятся частью социальных проектов. Я вспоминаю книжные магазины во многих городах Латинской Америки, поддерживающие

контакт с Элоизой Картонерой и ее лавкой в Аргентине, и книги, переплетенные безработными, которые собирают на улицах бумагу и картон. Я вспоминаю ресторан La Jícara в мексиканской Оахаке с вкуснейшей местной едой, совмещенный с книжным для детей и для взрослых, где продаются только книги независимых издательств. Я вспоминаю Housing Works Bookstore Cafe, которым руководят исключительно волонтеры и который отдает все доходы от продажи книг, сдачи в аренду помещений и кафетерия на нужды самых обездоленных жителей Нью-Йорка. Это книжные магазины, протягивающие руку, чтобы выстроить цепочки между людьми. Нет лучшей метафоры книжной традиции, ведь мы читаем не только глазами, но и руками. В моих путешествиях мне много раз рассказывали одну и ту же историю. Это тот случай, когда нужно было переезжать и клиенты, уже ставшие друзьями, предлагали свою помощь. Такая человеческая цепочка соединила старое помещение памплонского Auzolan с новым. Или помещения RiverRun в Портсмуте. Или Robinson Crusoe в Стамбуле. Или Nollegiu в барселонском районе Побленоу.

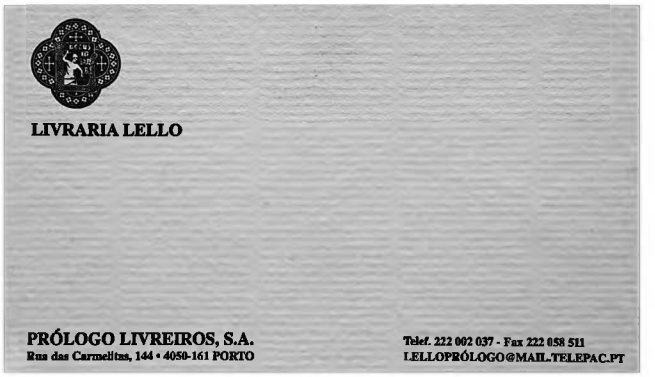
Романо Монтрони, несколько десятилетий проработавший в магазине Feltrinelli на площади Порта-Равеньяна в Болонье, писал в «Десяти заповедях продавца книг», что «клиент — самый важный человек в компании». С его точки зрения, в центре повседневной деятельности книжного магазина пыль: «Ее нужно вытирать каждый день, и этим должны заниматься все! — восклицает он в “Продать душу. Ремесло продавца книг”. — Пыль — это жизненно важная тема для продавца книг. Он вытирает ее с утра, в течение первого получаса, сверху вниз и по часовой стрелке. Вытирая ее, продавец запоминает, где находятся книги, и познает их *физически*».

По меньшей мере со времен Древнего Рима книжные представляют собой пространства, в которых текстуальность, будучи динамичной, становится и физически ощутимой — не то что в аудитории или в библиотеке. И именно читатели больше, чем кто-либо, двигаются, связывают выставленные экземпляры с прилавком, а значит, и с продавцами, достают монеты и банкноты или кредитные карты и обменивают их на книги, наблюдают в своем движении, что ищут или покупают другие. Книги, книготорговцы и сами книжные воплощают статичность рядом с клиентами, которые постоянно заходят и выходят и роль которых состоит именно в движении. Они путешественники в миниатюрном городе, и их задача — сделать так, чтобы буквы,

пребывающие внутри книги в состоянии покоя, стали подвижными на время чтения, потому что, как писал Малларме: «Книга как предельное расширение буквы должна непосредственно извлекать из нее некую подвижность». Однако книжный обладает собственными сердечными ритмами, и независимо от того, наполнен он покупателями и любопытствующими или нет. Эти ритмы не ограничиваются лишь распаковкой, раскладыванием, возвращением книги в магазин или на полку. Или сменой персонала. У книжных магазинов также складываются конфликтные отношения с помещениями, в которых они пребывают и которые их отчасти определяют, но не образуют. И со своими собственными названиями, которые часто меняются с приходом собственников новых. Внутри и снаружи книжные магазины — подвижны и изменчивы. Поэтому титул «самого старого книжного», согласно «Книге рекордов Гиннесса», принадлежит Livraria Bertrand: ведь только он может доказать непрерывность своей многолетней деятельности с самого момента основания. Обычно же книжный магазин меняет название всякий раз, как переходит в другие руки.

«Самый старый книжный в Италии» иллюстрирует это положение: Libreria Bozzi был основан в 1810 году и по-прежнему находится на запущенном генуэзском перекрестке, но его первого владельца, пережившего Французскую революцию, звали Антонио Бёф; в 1927 году магазин приобрел Альберто Коломбо, отец

первой жены Марио Боцци, который дал магазину свое имя, сохраняющееся и в наши дни, когда им руководит Тонино Боцци. Книжный Lello в Порту — другой тому пример. Компанию под названием Livraria Internacional основал Эрнесто Шардрон на улице Клеригуш; в 1881 году Жозе Пинту де Соуза перевел ее на улицу Алмада; тринадцать лет спустя Матье Луган продал ее Жозе Леллу и его брату Антониу, которые ее переименовали в Sociedade José Pinto Sousa Lello & Irmão. На этом перемены не закончились: в 1906 году было построено нынешнее здание в стиле неоготики и ар-деко, а свое окончательное имя, Livraria Lello & Irmão, книжный приобрел лишь 1919 году. В углу здесь все еще висит статья, которую посвятил ему Энрике Вила-Матас, назвавший его самым красивым в мире. Карточка с фиолетовой эмблемой и адресом, сохранившаяся у меня от посещения магазина в 2002 году, напечатана на элегантной, немного шероховатой бумаге. Под эмблемой название — Livraria Lello. Управляющая магазином компания называется Prólogo Livreiros, S.A.



Схожая история у другого широко известного магазина, ровесника предыдущего — туринского Luxemburg. Хотя он был основан в 1872 году — если, подчеркиваю, мы согласимся с тем, что смена собственника, помещения и даже названия не уничтожают индивидуальности книжного, — на протяжении большей части его существования у него, как и у Librería de Ávila, было другое название. Libreria Casanova, управлявшийся видным пьемонтским издателем Франческо Казановой, был культурным центром первостепенной значимости в последние десятилетия XIX — начале XX века. Среди его завсегдатаев были неаполитанская журналистка Матильде Серао, декадент Антонио Фогаццаро и основатель

веризма[24] Джованни Верга. Казанова стал близким другом Эдмондо де Амичиса и опубликовал его Gli Azzurri e i Rossi[25] в 1897 году. Под руководством Казановы магазин шел в ногу со временем. Когда в 1963 году за дело взялся писатель Анджело Пеццана, переименовавший книжный в Hellas, он также смог почувствовать новые веяния. Новый собственник был основателем первого движения гомосексуалов в Италии, и потому неудивительно, что именно здесь 17 февраля 1972 года в сопровождении поэтических чтений и музыкального представления был презентован контркультурный и психоделический журнал Tampax, который позднее дал начало другому — Zombie International. Пятью годами ранее в подвале этого книжного читал отрывки из своих произведений Аллен Гинзберг, которого сопровождала Фернанда Пивано, популяризатор американской литературы в Италии. Когда в 1992 году Гинзберг вернулся в Турин, он прочитал продолжение поэмы «Хум Бом!», начатой им в 1971 году, — героями в ней выступали Буш и Саддам (пока я пишу эти строки, я слушаю запись на YouTube: это эхо сердцебиения книжного магазина семидесятых годов). Именно Пеццана в 1975 году снова сменил название книжного на Luxemburg Libreria Internazionale. Его политическая и культурная деятельность не прекращалась: он стоял у истоков как Международной ассоциации лесбиянок и геев и Итало-израильского фонда, так и Туринского книжного салона. На втором этаже, в глубине под деревянной лестницей, находится маленький кабинет книготорговца, украшенный флагами Израиля и Италии, а в еврейской секции ассортимент почти так же разнообразен, как в разделе международных журналов при входе или в разделе книг на европейских языках на верхнем этаже. На фотографии изображен поэт-битник на белом фоне, а пожелтевшая вырезка из газеты сообщает о его посещении. В шкафу-витрине выставлены квитанции и заказы Франческо Казановы. Сам Пеццана, в очках, съехавших на самый край носа, пробивает мне чек за экземпляр последнего романа Алессандро Барикко, который я купил, чтобы подарить Марилене. Проход в подвал закрыт.

24 Веризм (от *ит.* vero — истинный, правдивый, настоящий) — литературное и музыкальные течение, возникшее в Италии в последней четверти XIX века. В центре внимания веристов — жизненные, реалистичные персонажи, ситуации и эмоции. Для веризма характерны мрачные сюжетные линии, интерес к тяжелой жизни низших слоев общества. Наиболее известными представителями веризма являются писатель Джованни Верга (1840–1922) и композитор Джакомо Пуччини (1858–1924).

25 Голубые и красные (*ит.*).

Сохранился каталог Bertrand Livreiros 1755 года, когда в Лиссабоне произошло землетрясение. В нем братья-французы перечисляют почти две тысячи наименований, одна треть которых — книги по истории, вторая — книги о науках и искусствах, а третья посвящена праву, теологии и литературе. Большая часть этих книг написана по-французски и издана в Париже. Спустя несколько месяцев после землетрясения многие итальянские и французские книготорговцы, работавшие в Лиссабоне, возобновили свою деятельность, и, хотя каталоги Bertrand Livreiros тех лет не сохранились, есть бланки заказов наименований, отправленных Святой инквизиции и в цензурное ведомство, которое впоследствии унаследовало ее функции. В 1773 году на одном из публичных аукционов, где распродавались пустующие участки, братья приобрели место для книжной лавки на улице, тогда называвшейся Портаж-де-Санта-Катарина. Компания оставалась в семейном владении до 1876 года, когда последний прямой наследник Жоао Аугусто Бертран Мартин передал ее фирме Carvalho & Cia, ставшей первой из многих торговых компаний, которые с тех пор владели маркой, дополненной цифрой 1732, чтобы никто не сомневался в ее древности.

«Fondata nel 1872»[26] — можно прочитать на карточке, которую Пеццана дарит мне на прощание.

> Потому в этот раз, следуя привычке, я в первое же утро по прибытии в Саутуолд направился в Reading Room, чтобы записать впечатления минувшего дня. Как и в прежние разы, я машинально перелистал судовой журнал сторожевого корабля «Саутуолд», который осенью 1914 года стоял на якоре у причала. <...> Каждый раз, разбирая такую запись, я удивлялся, что здесь, на бумаге, можно воочию увидеть след, давно исчезнувший в воздухе или на воде.
> *В. Г. Зебальд. «Кольца Сатурна»*[27]

26 Основана в 1872 году (*ит.*).

27 *Зебальд В. Г.* Кольца Сатурна: Английское паломничество / Пер. с нем. Э. Венгеровой. М.: Новое издательство, 2016.

4.
Shakespeares and Companies

Пренебрежение к книжному магазину менее связано с прерыванием его деятельности (я так не считаю), чем с его очевидным бессилием по отношению к исключительному произведению.
Стефан Малларме. «Книга»

Начнем эту главу с цитаты из «Истории сквозь призму театра» (1865) Теодора Мюре, сохраненной Беньямином в его незавершенной работе «Пассажи», которую мы уже вспоминали:

> Непременно были модистки, которые работали, сидя на больших табуретах, повернутых к улице и не отделенных стеклами; их оживленные лица были далеко не последней местной достопримечательностью для некоторых прохожих. Кроме того, Galeries de Bois служили центром нового книжного магазина.

Сходство между шитьем и письмом, между тканью и текстом, между швеей и писателем проходит красной нитью через историю литературы и искусства. Привлекательность работниц, их женственных тел соотносится в этих строках с потреблением культуры. Мюре подчеркивает отсутствие стекла во времена, когда все книжные начинали обзаводиться витринами и открыто выставлять товар, что роднило их с магазинами игрушек или одежды. Рассказывая о возвращении Якоба Менделя в Вену после двух лет пребывания в концентрационном лагере, Цвейг упоминает «выставленные в витринах книги», поскольку именно в них внутренний опыт, получаемый в книжных, обретает внешний облик, а с ним и атрибуты городской культурной жизни. Следующее место у Беньямина иллюстрирует некую смысловую преемственность:

> Юлиус Роденберг о маленьком читальном зале в пассаже Оперы: «Какой уютной представляется мне в воспоминании эта маленькая полутемная комнатка с ее высокими рядами книг, зелеными столами, рыжеволосым сотрудником (большой любитель книг, он всегда читал романы вместо того, чтобы подавать их другим), с ее немецкими газетами, которые радовали сердце немца каждое утро (за исключением Kölnische Zeitung — она появлялась в среднем раз в две недели). А если вдруг в Париже появлялись новинки, то узнавать о них было лучше всего здесь — тут мы их и слушали».

Салоны, читальные залы, кружки, кафе или книжные магазины роднит между собой их близость к домашним очагам или политическим ячейкам, где циркулирует информация, отмечает в романе «Путешественник века» Андрес Неуман, который, кстати, писал, что книжные магазины — это «мимолетные домашние очаги». Зарубежная и местная пресса ведут диалог в *экстерриториальных* умах путешественников и изгнанников, чьи перемещения из одной европейской столицы в другую заменили собою гран-туры[28]. Европа превращается в большое пространство, по которому движутся книги, производимые промышленными методами; этот процесс сопровождается расширением сетей книжных магазинов, увеличением числа историй с продолжением, ставших основной коммерческой формой романа, быстрым ростом числа грамотных людей и преобразованием континента в запутанный клубок железных дорог. Тогда же складываются институты, отслеживающие производство и реализацию издательской продукции. Например, в Германии, как напоминает нам Свен Даль, в 1825 году была создана Ассоциация книготорговцев, двадцатью тремя годами позже добившаяся отмены цензуры. В 1870 году эта Ассоциация сумела настоять на введении во всей стране нормы, согласно которой авторские права сохраняют свою силу в течение тридцати лет после смерти автора. К этому времени уже сложилась система реализации и оптовых торговцев, выступавших в роли посредников. Как и прочие потребительские товары, книги также подчиняются нормам трудового законодательства, прихотям конкуренции, рекламы или скандала.

Неслучайно два крупнейших литературных скандала XIX столетия произошли одновременно и в одном и том же месте — Париже (вынесем за скобки Оскара Уайльда, который, кстати, умер в бедности также во французской столице). Процессы 1857 года по делам об оскорблении морали и нравственности против Шарля Бодлера за его шедевр, поэтический сборник «Цветы зла», и Гюстава Флобера за замечательную «Госпожу Бовари» — прекрасный повод для того, чтобы поразмышлять об изменениях, происходивших в книжном деле и в истории литературы. И поискать ответы на вопросы о том, до какой степени писатель несет ответственность за то, что пишет? А если речь идет о вымысле?

28 Гран-тур (большое путешествие — *франц.*) — путешествия, которые в XVIII–XIX веках совершали отпрыски аристократических семейств по Франции, Германии, Италии; как правило, такие поездки, продолжавшиеся иногда по нескольку лет, служили последним этапом в воспитании молодых аристократов.

Законна ли цензура в демократическом обществе? Насколько может повлиять книга на человека? Какова юридическая связь издателя с книгой? А типографа, распространителя, продавца? Вопросы такого рода возникали и раньше: в 1747 году Дидро судили по обвинению одного приходского священника за «Письмо о слепых» и заточили в Венсенский замок, пока книготорговцы, объединившись, не добились его освобождения под тем предлогом, что если проект «Энциклопедии» застопорится, то главным пострадавшим окажется национальная промышленность. В «Происхождении рассказчика», собрании протоколов обоих судебных процессов XIX века, Дэниэл Линк разъясняет название собственной книги: «Оно связано прежде всего с (современным) понятием автора: его появление (на месте преступления), одновременное исчезновение и то, как ответственность (уголовная и этическая) позволяет связать определенные формулировки с определенными именами собственными». Бодлер проиграл процесс (был оштрафован и вынужден убрать из сборника шесть стихотворений), Флобер выиграл. Протоколы свидетельствуют, что главным героем обоих процессов был прокурор Эрнест Пинар. Что любопытно, именно в проигранном им процессе он показал себя великолепным литературным критиком. Ему мы обязаны тем толкованием жанра романа, которое преобладает и по сей день. Любой читатель — критик, но лишь те, кто так или иначе придают общественной огласке свое мнение о прочитанном, превращаются в литературных критиков. Пинар стал им по праву, и протоколы процесса — тому доказательство.

На протяжении всей своей жизни Бодлер хотел написать «историю “Цветов зла”», чтобы показать, что его книга, осужденная за безнравственность, была «глубоко нравственной». Что с ней произошло *в реальности*? Его издатель Пуле-Маласси стал продавать полное издание «Цветов зла» по цене, вдвое превышавшей изначальную, и успешно реализовал также часть тиража с изъятыми стихотворениями. А в 1858 году вышло второе издание, снова полное, и было распродано всего за несколько месяцев. В отличие от скандала вокруг Уайльда, ставшего настоящей трагедией, скандалы, в которых оказались замешаны Флобер и Бодлер, к серьезным последствиям не привели. Однако они даже в XXI веке служат своего рода рекламой обоим шедеврам. Равно как и другим, что последовали за ними.

Социальная значимость литературного чтения обусловлена активной критической и околокритической деятельностью. Тот факт, что в роли критика выступает прокурор и мы можем судить об этом по его текстам, поражает не меньше, чем если бы в этой роли выступал книготорговец. Тем не менее два наиболее значительных книжных магазина Парижа первой половины XX века — а быть может, всего мира и всего века — представили множество мемуаров, которые позволяют нам увидеть роль книжного в человеческих отношениях и во взимодействии с критикой. Параллельное чтение «Улицы Одеон» Адриен Монье и «Шекспира и компании» Сильвии Бич дает возможность говорить о двух проектах-близнецах. Это касается даже их изначального финансирования, ведь Монье смогла открыть La Maison des Amis des Livres в 1915 году благодаря компенсации, полученной ее отцом, пострадавшим в железнодорожном происшествии, а Бич получила от матери ее сбережения и вложила их в магазин, открывшийся неподалеку в 1919 году и переехавший на улицу Одеон два года спустя. Для обеих самым важным в их деле была возможность общаться с писателями, которые также являлись их клиентами и становились друзьями. Бóльшая часть выставленных в их магазинах книг принадлежала перу именитых посетителей: в La Maison des Amis des Livres это среди прочих Вальтер Беньямин, Андре Бретон, Поль Валери, Жюль Ромен, Леон-Поль Фарг, в случае Shakespeare and Company — Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Жан Прево, Андре Жид, Джеймс Джойс, Валери Ларбо. Если такое разделение вообще уместно, ведь прогулка по улице Одеон подразумевала посещение обоих книжных, и публика и дружеские связи их владелиц переплетались как

в культурных мероприятиях, так и в личной жизни. Если Монье придерживалась определенного принципа равноправия и не руководствовалась своими пристрастиями, то Бич безоговорочно тяготела к Джойсу, которого она называла «лучшим писателем моего времени» еще до того, как с ним познакомилась. Вся семья Джойса с самого начала тесно связана с Shakespeare and Company: молодые Джорджо и Лючия переносили ящики во время переезда книжного с улицы Дюпюитрен на улицу Одеон, где магазин стал играть роль почтовой и банковской конторы для всей семьи; Лючия позднее стала любовницей Сэмюэла Беккета, ассистента ее отца, а затем Мирсин Москос, ассистентки и помощницы Бич в книжном. Процесс издания «Улисса» составляет основную сюжетную линию книги Бич, и весь текст строится вокруг личности Джойса. На мой взгляд, центральное место этой книги и этого автора в истории Бич неслучайно: *литературные книжные магазины* строили свой дискурс на выработке утонченного вкуса, стремящегося к *сложности*. Как говорит Пьер Бурдье в «Различении», «любой язык эстетики по определению содержится в отрицании *легкого*, понимаемого во всех смыслах, которые придают этому слову буржуазная этика и буржуазная эстетика».

Монье повествует о «прекрасных посещениях — авторов и увлеченных любителей». Бич — о «пилигримах», которые приезжают из Соединенных Штатов, привлеченные ореолом города, где жили Пикассо, Паунд или Стравинский. Действительно, хозяйка

Shakespeare and Company становится настоящим гидом для посетителей вроде Шервуда Андерсона и многих других, которые просят отвести их к дому Гертруды Стайн, и запечатлевает эти свои походы с помощью Ман Рэя, чьи фотографии украшают магазин. Оба книжных магазина играли и роль библиотек, где можно было взять книги для прочтения («В те дни у меня не было денег на покупку книг», — говорит по этому поводу Хемингуэй в «Празднике, который всегда с тобой»). A Shakespeare and Company располагал еще и комнатой для гостей. Таким образом, книжный объединял в себе галерею искусства, библиотеку и гостиницу. И посольство: Бич хвастается тем, что купила самый большой флаг США в Париже. И культурный центр: в обоих магазинах периодически устраивались творческие вечера и лекции, а в La Maison des Amis des Livres прошло и первое публичное исполнение «Сократа» Эрика Сати в 1919 году, и первое чтение «Улисса» два года спустя. *Сложные* и *избранные* музыка и литература.

Бич не намеревалась закрывать книжный магазин во время оккупации, однако ее гражданство и дружеские связи с евреями привлекли внимание нацистов. В один прекрасный день 1941 года явился «немецкий офицер высокого ранга» и на «прекрасном английском языке» сказал ей, что хочет купить последний экземпляр «Поминок по Финнегану», выставленный на витрине. Она отказала. Две недели спустя он вернулся с угрозами. И она решила закрыть магазин и сложить книги и архив в помещении, расположенном в том же здании, прямо над квартирой, в которой она жила. Она провела шесть месяцев в лагере для интернированных лиц. По возвращении в Париж Бич скрывалась: «Я ежедневно тайно посещала улицу Одеон, узнавала последние новости о магазине Адриенны, видела последние номера подпольного обозрения Éditions de Minuit». Хемингуэй был тем солдатом армии союзников, который в 1944 году освободил улицу легендарных книжных (а потом отправился *освобождать* бар отеля Ritz). La Maison des Amis des Livres проработал до 1951 года; четыре года спустя Монье совершила самоубийство, не выдержав голосов, которые на протяжении восьми месяцев слышала у себя в голове.

В эти десятилетия Леон-Поль Фарг был связным между франко-англосаксонским Парижем и Парижем латиноамериканским. Алехо Карпентьер описывает его как человека удивительной эрудиции, блестящего поэта, всегда в одежде цвета морской волны, последнего полуночника, обожавшего большой город

и чуравшегося путешествий. Несмотря на беспорядочные блуждания и непунктуальность, он, судя по всему, был предан пивной Lipp, Café de Flore, в котором встречался с Пикассо, улице Одеон и дому Эльвиры де Альвеар, где его собеседниками были Артуро Услар Пьетри и Мигель Анхель Астуриас. Другим культовым поэтом, связывавшим два берега, был Поль Валери. Виктория Окампо познакомилась с ним в 1928 году в ходе судьбоносного путешествия, когда она занималась главным делом своей жизни — журналом Sur, впервые вышедшим три года спустя. В течение нескольких месяцев она знакомилась с философами, писателями и художниками. Льва Шестова она посетила в сопровождении Хосе Ортеги-и-Гассета. Встреча с Пьером Дриё ла Рошелем не прошла для нее бесследно: охваченные страстью, толкавшей их к адюльтеру, они бежали в Лондон. Познакомившись с Монье и Бич, Окампо открыла для себя творчество Вирджинии Вулф и в 1934 году вновь пересекла Ла-Манш, чтобы с ней познакомиться; в 1939 году она снова вернулась в компании Жизель Фройнд, чьи снимки Вулф получили бóльшую известность, чем фотографии Окампо, сделанные Ман Рэем. Владелицы двух книжных представили ее и Валери Ларбо. А Монье не раз приходила на чай в дом, который в предшествующее десятилетие снимали в Париже Альфонсо Рейес и его супруга. Однако, судя по их статьям, письмам и книгам, ни одно из этих латиноамериканских имен не осело в памяти владелиц парижских книжных.

Нет сомнений в том, что обе были тесно связаны с литературой своей эпохи: хозяйка Shakespeare and Company рискнула всеми своими сбережениями ради издания шедевра одного человека, хозяйка La Maison des Amis des Livres — ради издания собственного литературного журнала Le Navire d'Argent[29]. Но у Монье критический дух и стремление к прямому участию в спорах того времени проявляются гораздо ярче, чем у Бич. В ее книге содержится, в частности, глубокий анализ поэзии Пьера Реверди. Бич вспоминала о разговоре, состоявшемся после ужина, во время которого она лично познакомилась с Джойсом, а Жюль Бенда спорил с Монье о лучших современных французских авторах. Говоря об авангарде, она замечает, что «все мы прекрасно осознавали, что двигались к возрождению». А по поводу роли книжного в литературной действительности ее времени говорит:

29 Серебряный корабль (*франц.*).

Действительно необходимо, чтобы дом, посвященный книгам, основывался и сознательно управлялся человеком, в котором максимальная эрудиция сочетается с любовью к новизне и который, не впадая в снобизм, будет готов служить истине и предлагать новые формулы.

Чтобы удовлетворять и большинство, и меньшинство, нужно совершать искусные маневры и прежде всего располагать большим пространством. La Maison des Amis des Livres был маленьким магазином, так что фонд его был ограничен. Многие посещавшие его писатели с удовлетворением встречали свои книги на выкладке или дарили экземпляры местной библиотеке, поэтому понятно, что круг друзей и единомышленников и составлял ассортимент предлагаемых изданий, тем более что хозяйка магазина всячески их продвигала. И подобный магазин превращается в особое место, где исключительное произведение, не находившее себе угла, по словам Малларме, в обычном книжном, не только продается, но и находит подписчиков, спонсоров, переводчиков, издателей.

«И как много открытий можно совершить в книжном, — пишет Монье, — куда, среди безымянных прохожих, заходят авторы "Плеяд"[30] — те из нас, кто уже кажутся "великими личностями" и простой улыбкой оправдывают то, что мы называем своими за-

30 Bibliothèque de la Pléiade — легендарная серия издательства Gallimard, основанная редактором Жаком Шиффрином в 1931 году.

ветными надеждами». Владелица книжного, критик, популяризатор культуры включает себя в элиту. Несмотря на трудности с поиском издателя или средств к существованию, это лучшие писатели ее времени. Они окружены ореолом признания: они *признаны* теми, кто видит их лично, потому что, даже если их еще не читали, их видели на фотографиях, как когда-то Эйфелеву башню. В уже цитировавшемся фрагменте из «Замогильных записок» Шатобриан, говоря о плагиате его произведений, отмечает:

> Я был в счастливом расположении духа; моя репутация облегчала мне жизнь: есть много мечтаний в первом опьянении славой, и глаза сначала наполняются наслаждением от пробивающегося света; но, когда этот свет гаснет, вы остаетесь во мраке; если он продолжает светить, вы, привыкнув, становитесь к нему нечувствительны.

Ключевое слово здесь, разумеется, *репутация*. С ним связано понятие, столь же значимое, — *посвящение*. С самого возникновения модернизма сложнейшая литературная система стала выстраиваться вокруг узлов посвящения — публикаций в определенных издательствах или сборниках, восхвалений со стороны определенных критиков или писателей, переводов на определенные языки, получения наград, премий, признаний сначала на местном, а потом и на международном уровне, общения с определенными людьми, посещения определенных кафе, салонов, книжных магазинов. Париж, как и страна, столицей которой он является, как и ее язык, оставались на протяжении XIX и первой половины XX века первой и самой влиятельной литературной республикой мира, центром, где обретала легитимность значительная часть литературных процессов. Когда Гёте в «Итальянском путешествии» описывает книжную лавку, он соотносит между собой три национальных культурных системы: немецкую, представителем которой он является, английскую (оценка английского издания приобретенной им книги) и итальянскую (Палладио и сама лавка). Как нам напомнила Паскаль Казанова, Гёте в своем произведении говорил как о *мировой литературе*, так и о *мировом рынке культурных товаров*. Он прекрасно осознавал, что современность будет зиждиться на преобразовании культурных и художественных ценностей в товар, который обращается на двух параллельных рынках — духовном, где целью является признание, известность, и экономическом, нацеленном на получение прибыли за труд, оказывающийся тем самым между ремеслом и искусством.

Как и в большинстве биографий, исследований и коллективных трудов по знаковым в истории культуры эпохам и регионам, в «Мировой республике литературы» Казановы не идет речи о значении книжных магазинов в литературной геополитике. Исключениями в ряду некоторых других являются Shakespeare and Company, упомянутый один раз в связи с Джойсом, и La Maison des Amis des Livres, появляющийся в абзаце о писателе как пассажире без четко определенной родины:

> Совмещение несовместимого превратило Париж и для самой Франции, и для всего остального мира в столицу республики без границ и пределов, в главный город вселенской родины, лишенной патриотизма, в центр королевства литературы, живущего вопреки государственным законам, чье безнациональное население повинуется лишь императиву искусства и литературы, словом, в столицу Мировой Республики Литературы. «Здесь, — пишет Анри Мишо о книжном магазине Адриен Монье, который был главным святилищем Парижа и где происходило приобщение к литературе, — родина тех, кто не нашел себе родины, живя свободно, распустив душу по ветру». Париж становится столицей для тех, кто провозглашает себя живущим вне наций, вне законов политики, одним словом, для художников[31].

В статье 1969 года, давшей название журналу Extraterritorial, Джордж Стайнер говорит о постмодернистских авторах вроде Борхеса, Беккета или Набокова, представителях «многоязычного воображения», «интериоризированного перевода», благодаря которому они сумели создать удивительные произведения. Фридриха Ницше, когда он жил в Турине, поражали трехъязычные книжные лавки. Несколько севернее, в Триесте, еще одном приграничном и многоязычном городе, лавка Librería Antiquaria в межвоенные годы была местом литературных дискуссий. Управлявший ею поэт Умберто Саба и его друг Итало Звево, оба уроженцы Триеста, обсуждали там творчество писателей из разных стран, в частности Джеймса Джойса. Смена места жительства и языка приводит к некоей художественной экстерриториальности, но как граждане художники подчиняются законам своих стран, а как авторы — правилам игры соответствующей

31 *Казанова П.* Мировая республика литературы / Пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003.

литературной среды. Хотя в Париже писатели и лелеяли свою воображаемую свободу, стать свободным по отношению к государству было, возможно, проще, чем к механизмам литературной посвященности. Монье выступала в роли не только владелицы книжного, но и литературного критика, — судьи и заинтересованной стороны. Современники признавали ее влияние: в 1923 году Монье публично обвинили в том, что своими рекомендациями для читателей она сильно повлияла на «Историю современной французской литературы» Рене Лалу, который, согласно отзыву в Les Cahiers Idéalistes[32], пренебрег теми, чьих книг нет на книжных полках у Монье. В свою защиту она выдвигала довод о том, что лишь выставляла наименования, которых не было в других магазинах, и, перечисляя их, как бы озвучивала некий канон.

Содружество Монье-Бич образовало антиинституциональное ядро двойной направленности: речь идет о противостоянии как местным официальным структурам (ежедневным газетам, журналам, университетам, правительственным ведомствам), так и структурам американским (прежде всего издательствам). Так, когда американская цензура не допустила произведение Джойса к публикации в Нью-Йорке, один единомышленник Бич провез на пароходе экземпляры «Улисса» в собственных брюках. Эта антипространственная, антинациональная направленность достигла пика во время нацистской оккупации, превратив обе книжные лавки в бункеры символического сопротивления.

В 1953 году Монье написала «Лондонские воспоминания». В них она возвращается к своей первой поездке в британскую столицу, которую совершила в 1909 году в возрасте семнадцати лет. Примечательно, что о книжных магазинах она вообще не упоминает. Возможно, тогда она еще не чувствовала своего призвания, хотя в мемуарах попытки увидеть его задним числом — обычное явление. Я бы сказал, что здесь есть более простая причина: в начале прошлого столетия трудно было идентифицировать себя в рамках той или иной традиции. И действительно: прочная традиция независимых книжных XX столетия, концептуально связанных друг с другом (Shakespeares and Companies), появляется с идеей перехода от Библиотеки к Книжному, озарившей Сильвию Бич:

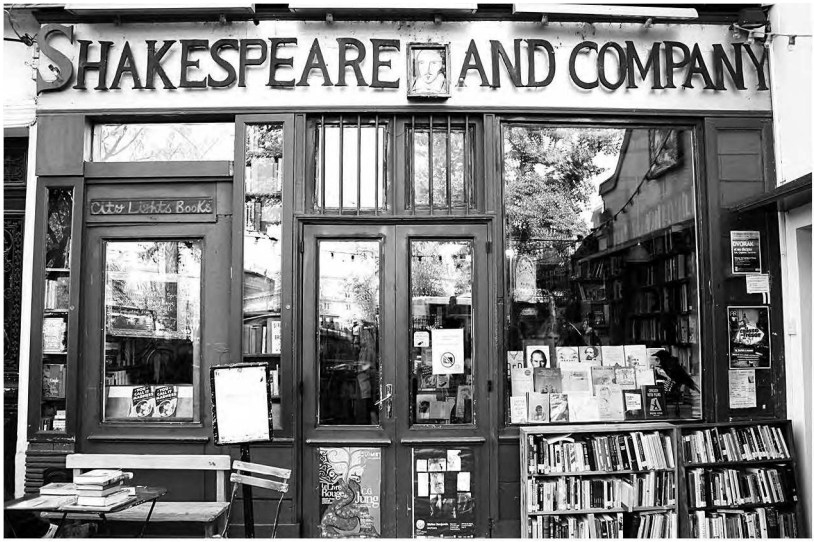
32 Идеалистических тетрадях (*франц.*).

> Однажды в Национальной библиотеке я обратила внимание, что один из журналов — думаю, это был журнал Поля Фора Vers et prose — можно купить в книжном магазине А. Монье по адресу: улица Одеон, 7, округ VI. Прежде я не слышала этого имени, да и сам квартал, где находилась улица Одеон, был мне неизвестен, но внезапно что-то неотразимое потянуло меня на то место, где предстояло свершиться столь важным событиям в моей жизни. Я пересекла Сену и вскоре оказалась на улице Одеон с театром в конце ее, здание которого напоминало мне дома колониального типа в Принстоне. На полпути на левой стороне находился небольшой, серого цвета книжный магазин с вывеской над дверью A. Monnier. Я уставилась на привлекательные книги в окне, затем, всмотревшись в магазин, увидела, что все стены уставлены полками с книгами в сверкающих коробках из пергаментной бумаги, в которых зачастую во Франции держат тома, ожидающие, иногда довольно долго, специального переплета. То тут, то там можно было видеть интересные портреты писателей. <...> «Мне очень нравятся американцы», — сказала она. Я ответила, что очень люблю Францию. И, как подтвердило наше будущее сотрудничество, так оно и оказалось[33].

Книга, вышедшая в 1959 году, была, естественно, рассчитана на англосаксонскую публику (этим объясняется сравнение с Принстоном) и призвана показать как значимость Shakespeare and Company, так и то, что обстоятельства его создания представляют интерес для истории литературы. Рассказ об открытии — это путешествие, толчком к которому послужило чтение и которое предполагает пересечение границы (Сены), чтобы достичь неизведанного. Через витрину (вторая граница) Бич испытывает удивление, охватившее некогда Гёте: существуют лавки, предлагающие не переплетенные книжные блоки, чтобы читатель мог их переплести на свой вкус. Любопытствующий взгляд обращен как на выставленные книги (*привлекательные*), так и на портреты писателей (*интересные*), которые и сегодня являются привычными элементами убранства книжных. Наконец, союз скрепляется декларацией вкусов, которая в ретроспективе истолковывается как декларация о намерениях. И как признание в любви: Монье и Бич были вместе в течение пятнадцати лет, хотя в своих книгах они об этих отношениях не упоминают, как не упоминают, или по крайней мере не подчеркивают и того, что они стали едва ли не первыми

33 *Бич С.* Шекспир и компания. Воспоминания / Пер. с англ. И. Басс. М.: Грифон, 2018.

владелицами книжных, полностью свободными от власти мужчин или финансовой зависимости от них. Этот союз — первый камень в основании легенды. Бич понимала, что, приехав на четыре года позже, она следовала по пути, проложенному La Maison des Amis des Livres. Но, издавая свою книгу, она не могла знать, что оба книжных уже стали частью традиции, посредством которой потерянное поколение соприкасалось с бит-поколением. О первом из них, кстати, Бич писала: «Я не могу себе представить поколение, которое меньше заслуживало бы этого названия».



Второй Shakespeare and Company открылся в 1951 году по адресу улица Бюшри, 37, под названием Le Mistral и был переименован в честь своего почтенного предшественника лишь в 1964 году, после смерти Сильвии Бич. Когда Джордж Уитмен приехал в Париж, он был оборванным бродягой и янки, отслужившим в армии. Получив в 1935 году диплом журналиста, он несколько лет путешествовал по миру; вернувшись в Соединенные Штаты во время Второй мировой войны, оказался в медицинском диспансере в Гренландии, за Полярным кругом, а затем на военной базе в Таунтоне, штат Массачусетс, где открыл свою первую книжную лавочку. Там он узнал, что во Франции требуются рабочие руки, и отправился волонтером в лагерь сирот, но его пленила столица, и, переехав туда, он записался слушателем в Сорбонну. Он закупил некоторое количество книг на английском, чтобы выдавать

их на время за небольшую плату, и вскоре его съемное жилище заполнили незнакомые люди, жаждавшие чтения. Он устроил дело так, чтобы в его импровизированном магазине всегда был хлеб и горячий суп для посетителей. Так возник коммунистический прототип будущего книжного.

По американским стандартам Уитмен всегда был неудобным персонажем. В Париже он продавал запрещенные книги вроде «Тропика Рака» Генри Миллера солдатам, своим соотечественникам. Его *американская мечта* основывалась, как писал Джереми Мерсер, на марксистском принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; сам Уитмен всегда воспринимал свой проект как некую утопию. С первого дня он поставил в Le Mistral кровать, плитку, чтобы разогревать еду, и организовал подобие библиотеки, где могли брать книги те, кто не мог их купить. В течение десятилетий слияние книжного магазина и постоялого двора было полным: ради этого Уитмен пожертвовал своим личным пространством, постоянно живя с незнакомыми людьми. В Shakespeare and Company за шестьдесят лет переночевало около ста тысяч человек в обмен на несколько часов работы в магазине и на упражнения в письме и чтении, ведь новая книга сосуществует с букинистической, а наличие диванов и кресел располагает к тому, чтобы использовать здание словно большую библиотеку. Девиз, которому здесь следовали, гласил: «Будьте гостеприимны с незнакомцами: быть может, они — переодетые ангелы». Поэт-любитель, Уитмен неоднократно повторял, что его главное произведение — это книжный магазин, где каждая из комнат представляет собой различные главы одного романа.

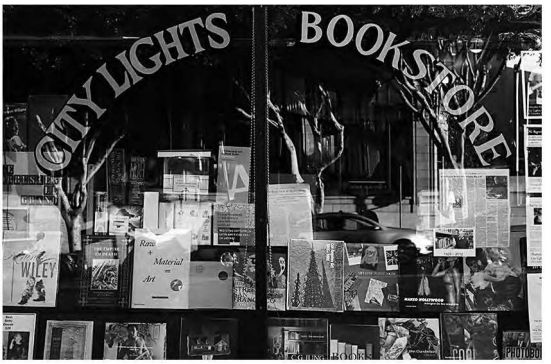
На одной из витрин Shakespeare and Company можно прочесть: «City Lights Books». А на верхней части двери City Lights в Сан-Франциско, возможно, сам Лоуренс Ферлингетти написал рукой на зеленом фоне: «Paris. Shakespeare+Co». На протяжении четырех лет этот поэт-битник учился в Сорбонне и подружился с Уитменом, бывал в его съемном жилье, где было полно книг и стояла тарелка дымящегося супа, и всего через два года после возвращения в США, в 1953 году, открыл легендарный книжный на Западном побережье — побратим парижского образца. Вскоре книжный стал и издательством, выпускавшим книги самого Ферлингетти и таких поэтов, как Дениз Левертов, Грегори Корсо, Уильям Карлос Уильямс или Аллен Гинзберг. Каталог издательства не ограничивался битнической поэзией, хотя многие из представленных в нем произведений, от рассказов Буковски

до политических текстов Ноама Хомского, тяготели именно к этому направлению. Издательство и его издатель вошли в историю литературы осенью 1955 года, когда Гинзберг прочитал свои стихи в Six Gallery Сан-Франциско: Ферлингетти предложил ему издать «Вопль». Вскоре после того, как это произошло, издание было конфисковано полицией, обвинившей владельца книжного и издателя в непристойности. Суд получил большую огласку в СМИ, а решение, принятое в пользу City Lights Publishers, и по сей день остается вехой в судебной истории Соединенных Штатов в области свободы слова. «Books, not Bombs»[34] — гласит надпись на листе бумаги в проеме лестницы, одна из многих в этом книжном наряду с такими, как «Место литературных встреч»; «Добро пожаловать, сядь и почитай книгу».

С самого начала существования обоих книжных — парижского и калифорнийского — публичное чтение и перформанс стали обычными явлениями. На одном творческом вечере 1959 года в City Lights Гинзберг сказал, что для написания текста, который он собирался зачитать, он сосредоточивался, пока не поймал определенный ритм, а затем стал импровизировать с помощью чего-то очень похожего на *божественное вдохновение*; он также проводил творческие вечера в Shakespeare and Company, пьянея от красного вина. Призвание обоих книжных — будоражить, служить библиотекой, гостеприимной и открытой всему новому. Поэтому в обоих имеется богатый отдел фэнзинов, остающихся одним из средств выражения все той же контркультуры, которая сформировалась параллельно с этими книжными в пятидесятые годы. С балкона Shakespeare and Company Уитмен наблюдал за событиями мая 1968-го. Если учитывать этот дух заядлых путешественников, битников, бунтарей, в конечном счете — неоромантиков, то не кажется случайным, что в обоих книжных отделы поэзии и комнаты для чтения находятся на самом верху. Постоянное веяние этого духа в парижском магазине обеспечивает непрерывный поток молодых людей, временно принадлежащих богеме.

Как говорил Кен Гоффман в книге «Контркультура в разные времена», французский мир искусства рубежа XIX и XX веков соотносил поиск художественной оригинальности с богемным образом жизни:

34 Книги, а не бомбы (*англ.*).



В первые четыре десятилетия XX века эта парижская художественная богема расцвела настолько, что казалась почти массовым движением. В буквальном смысле сотни художников, писателей и исторических деятелей со всего мира, чьи новаторские произведения (а в некоторых случаях и вызывающие личности) гремят и поныне, проходили через воронку того, что историк литературы Дональд Пайзер назвал «звездным часом Парижа». <...> Как писал Дэн Франк, автор исторического труда «Богема»: «Париж... превратился в столицу мира. На улицах была уже не горстка художников... а сотни, тысячи. Это был расцвет искусств такого разнообразия и качества, с которым ничто не могло сравниться».

Звездный час Парижа заканчивается в 1939 году. Во время Второй мировой войны культурная жизнь в городе отчасти замерла, тогда как территория и интеллектуальная деятельность Соединенных Штатов оставались неприкосновенными. Подошли к концу сороковые, а с ними их политические и военные легенды, а в пятидесятых образовались трещины, сквозь которые стала пробиваться богемная жизнь в ритме бибопа. Первым количественным расширением стал переход от бит-движения к движению битников. Ферлингетти рассказывает, что в шестидесятые годы к воротам City Lights стали прибывать автобусы битников, которые отправлялись в паломничество по местам Керуака, Снайдера, Берроуза и других. Но лишь с появлением хиппи приобретает массовый масштаб новое богемное движение, полностью лишенное элитарного импульса, отличавшего первых денди. Это была подлинная новая массовая культура, потому что после Второй мировой войны уровень грамотности и сложности на Западе был настолько высок, что здесь могли сосуществовать различные культурные массы, каждая

из которых обладала собственными четко определенными чертами, противоречившими друг другу лишь отчасти.

Нужно достичь консенсуса, а значит, должна быть критическая масса последователей, читателей, чтобы литературное поколение стало частью канона. Последние два поколения литературы США — потерянное и бит — вошли в канон в том числе и благодаря деятельности первого книжного Shakespeare and Company и его обратной связи с La Maison des Amis des Livres на улице Одеон и City Lights и прочих культурных ячеек *Сан-Франциского ренессанса.* Именно этим названием в английском языке обозначается период культурного расцвета, который город на Западном побережье пережил в пятидесятые годы. Разумеется, неслучайно, что *ренессанс* — слово французское.

> Через восемнадцать месяцев после прибытия в город Ферлингетти вместе с Мартином открыли книжный магазин на первом этаже. В этом заведении (как и в книжном Уитмена в Париже) царила своя атмосфера, неформальная и дружественная. Рексрот описал поэзию, которую он хотел творить, как поэзию «от меня к тебе», а City Lights был книжным «от меня к тебе». Мартин и Ферлингетти решили продавать исключительно книги карманного формата. Магазин был открыт до полуночи, семь дней в неделю.
> *Джеймс Кэмпбелл. «Безумная мудрость. Таким было бит-поколение»*

5. Политизированные книжные

> И еще одно — мы повелеваем, чтобы отныне ни один владелец книжной лавки, ни продавец книг, ни кто бы то ни было другой не осмеливался привозить в эти края Библию или Новый Завет в вышеупомянутых порочных изданиях или в других, содержащих какие-либо ошибки, пусть даже они будут устранены таким же образом, каким теперь надлежит устранять те ошибки в изданиях Библии и Нового Завета, экземпляры коих еще есть в этих краях, под страхом применения наказаний, приведенных в нашем письме.
> *Франсиско Фернандес дель Кастильо. «Книги и книготорговцы XVI века»*

Постер Чиччолины, бывшей порноактрисы и будущего итальянского политика с ярко-красными губами и в платье с вырезом; рядом — постер соседнего барочного района. Хороший выбор новинок и журналов из разных стран вместе с пятнами на стенах под бесполезными перегоревшими лампочками. С такими контрастами я столкнулся в начале века в книжном магазине La Reduta на улице Палецкого в Братиславе, близ парка, тихого, несмотря на снопы искр, которыми сыпали проезжавшие мимо трамваи. Ощущение пребывания меж двух морей, между двумя историческими моментами, которое присуще всем странам, пережившим коммунизм. Словацкой литературе в книжном магазине уделялось столько же пространства, сколько и чешской, но количество новинок на словацком языке было бóльшим — этим словно хотели с гордостью показать становление нового, пусть и очень медленное.

Весь Берлин внушает то же ощущение водораздела. Если идти от Александерплац по просторному, решенному в социалистической эстетике бульвару, когда-то называвшемуся Сталин-аллее, а затем переименованному в Карл-Маркс-аллее, такому широкому, что по нему могла бы маршировать целая армия с множеством танков в ряд, поражаешься тому, что в этой пространственной мегаломании, на этих подмостках, идеально подходящих для политического устрашения, делается такой акцент на культуре. Потому что первое, с чем здесь сталкиваешься, — это большое настенное панно Дома профессора с его многоцветным педагогическим превознесением мира труда. Чуть дальше, слева, видишь фасад Kino International, где с 1963 года проходили премьеры DEFA (Deutsche Film AG). Далее следуют Café Moskau, Bar Babette, CSA Bar, после которых ты наконец добираешься до Karl Marx Buchhandlung, старого коммунистического книжного магазина. Он закрылся в 2008 году, и в его здании разместилась

киностудия; слева от него находился старый Rose-Theater. За два года до закрытия книжный послужил декорацией для финала фильма «Жизнь других», который, по сути, говорит о чтении.

Ведь капитан Штази Герд Вислер, подписывающий свои донесения как HGW XX/7, все время занимается тем, что читает — путем прослушивания — повседневную жизнь писателя Георга Дреймана и его возлюбленной, актрисы Кристы-Марии Зиланд. В ключевом эпизоде фильма шпион выкрадывает из библиотеки Дреймана книгу Бертольта Брехта, и она становится тем узким мостиком, по которому он робко проникает в ряды диссидентов. Если книга таким образом превращается в символ протестного чтения, то пишущая машинка, привезенная контрабандным путем с Запада, — а все пишущие машинки в Германской Демократической Республике контролировало управление разведки — становится символом протестного письма. Именно на ней Дрейман, прежде хранивший верность режиму, но разочаровавшийся в нем из-за преследований, которым подвергались его друзья, и из-за измены своей любовницы, согласившийся переспать с министром культуры ГДР, чтобы не лишиться ролей, печатает статью о чрезвычайно высоком уровне самоубийств, замалчиваемом правительством. Статья публикуется в Der Spiegel, потому что Вислер начал сопереживать паре и защищать ее, составляя донесения, где отрицается, что в его доме происходит подозрительная деятельность. Благодаря ему пишущую машинку не находят в ходе очередного обыска, и Дрейман избегает последствий своей *измены*, хотя Криста-Мария случайно гибнет. Когда начальник Вислера понимает, что тот перешел на другую сторону, он, не имея доказательств, просто

разжалует его до уровня перлюстратора писем подозреваемых, частной переписки тех, кто мог работать на врага или плести заговоры с целью свержения режима. После падения Берлинской стены писатель получает доступ к архивам Штази и узнает о существовании осведомителя и о его роли в прежде не объяснимых событиях. Он пускается на поиски осведомителя, который теперь работает почтальоном и ходит от дома к дому, разнося запечатанные конверты, защищенные правом на неприкосновенность частной жизни. Писатель не решается с ним заговорить. Два года спустя Вислер, проходя мимо Karl Marx Buchhandlung, останавливается, узнав Георга Дреймана на плакате в витрине, рекламирующем его новую книгу. Вислер заходит внутрь. Книга посвящена HGW XX/7. «В подарок?» — спрашивает его кассир. «Нет, для себя», — отвечает он. Лента завершается этим ответом, в книжном, где теперь находится целое учреждение, но полки которого я помню и по фильму, и по своему визиту туда в 2005 году. Я фотографирую висящее в дальнем углу помещения настенное панно, изображающее бородатое лицо Карла Маркса с фиалкой. Следы былого.

В своем романе «Европа-узловая» Уильям Т. Воллманн проникает в голову одного из таких осведомителей, постоянных читателей жизней людей, служивших, с их точки зрения, литературными персонажами. В голову критика и цензора. Его обязанности заключаются в отслеживании передвижений Ахматовой, и он пишет, выбирая метафору, воплощенную в реальность сталинским аппаратом: «Правильнее было бы вымарать ее на фотографии, а потом обвинить в этом фашистов». Намекая на отправку на Запад крамольного материала, намного более важного, чем художественная статья Дреймана, осведомитель утверждает: «Если бы Солженицына оставили мне, он никогда бы не сумел переслать за кордон свой ядовитый “Архипелаг ГУЛАГ”». Воллманн рассказывает о суматохе в книжных лавках на Невском проспекте, культурной артерии Санкт-Петербурга, где находился книжный магазина Сытина, в котором покупал свои книги Ленин. Вместе с книготорговцем Александрой Калмыковой, отправлявшей в Сибирь то, что у нее просили сосланные туда революционеры, он создал газету, необходимую для распространения марксизма. Ленин заключил договор на две тысячи четыреста экземпляров книги «Развитие капитализма в России» и, получив аванс за авторские права, смог купить в книжном Калмыковой книги, которые ему были нужны для работы.

С честностью, не очень часто встречающейся на ниве литературы, Воллманн признает, что образцом для его произведения послужила «Гробница для Бориса Давидовича» Данило Киша, где доводится до крайности политический конфликт диктатуры пролетариата, социальных структур, основанных на существовании легионов осведомителей, «читающих» повседневные жизни. И на текстах. Запрещенные книги, цензура, дозволенные или отвергнутые переводы, обвинения, признания, формуляры, донесения — тексты. Тексты, основанные на подозрении, порожденном террором. В итоговой схватке между арестованным Новским и истязателем Федюкиным, пытающимся вырвать у него полное признание, Киш обнажает суть этих отношений между интеллектуалами и гонителями, которые повторяются, словно расистский анекдот, во всех обществах, живущих в условиях систематического подозрения. Как и в «Энциклопедии мертвых», сербский писатель отталкивается от Борхеса — но в данном случае для того, чтобы политизировать его, обогащая его наследие компромиссом, далеким от оригинала:

> Новский затягивает следствие, пытаясь в свое признание, то есть в единственный документ, который останется после его смерти, включить некоторые формулировки, не только смягчившие бы его окончательное падение, но и шепнувшие бы будущему исследователю посредством искусно сплетенных противоречий и преувеличений, что все здание этого признания зиждется на лжи, выдавленной, вне всякого сомнения, под пытками. Поэтому он с невиданной силой борется за каждое слово, за каждую формулировку. <...> Собственно, оба они, как я полагаю, так поступали по причинам, выходившим за рамки эгоистических и узких целей: Новский боролся за то, чтобы в своей смерти, в своем падении сохранить достоинство не только своего образа, но и образа революционера вообще, а Федюкин в своей погоне за фикцией и допущениями — сохранить строгость и последовательность революционной справедливости и тех, кто разделяет эту практику; потому что лучше, чтобы пострадала так называемая правда одного-единственного человека, одного мелкого организма, чем из-за него возникнут сомнения в высших принципах и интересах[35].

35 *Киш Д.* Гробница для Бориса Давидовича: семь глав одной повести / Пер. с сербскохорв. Е. Сагалович. М.: Центр книги Рудомино, 2017.

Если Karl Marx Buchhandlung был самым символичным книжным магазином Восточного Берлина, то Autorenbuchhandlung был и остается самым значимым книжным Берлина Западного. Неслучайно в разделенном городе Шарлоттенбург являлся центром федеративной половины, а магазин находится в нескольких шагах от Савиньиплац, рядом с той улицей, где обосновался Вальтер Беньямин, чтобы написать «Улицу с односторонним движением» — этот путеводитель, который, как и «Невидимые города» Итало Кальвино, помогает сориентироваться в психогеографии любого крупного города мира. Церемонию открытия магазина в 1976 году провел Гюнтер Грасс, однако несколько недель спустя, желая показать, что его призванием были отнюдь не только торжественные мероприятия, сюда приехал Гинзберг — опять он появляется в этой книге о книжных! — чтобы провести еще одну церемонию, на сей раз с поэтическим перформансом. Вплоть до падения Берлинской стены этот книжный оставался центром дискуссий о коммунизме и демократии, угнетении и свободе, сюда приглашались гости такой величины, как Сьюзен Сонтаг и Хорхе Семпрун. В девяностые годы он обратился к теме культурного объединения, уделяя основное внимание литературе Восточной Германии и подчеркивая ее значение. Главная особенность магазина, отраженная в названии, заключалась в том, что его основала группа писателей, задавшихся целью распространять немецкую литературу, которую они творили и читали. Внешне этот книжный похож на барселонский Laie, на буэнос-айресский Eterna Cadencia или на стамбульский Robinson Crusoe 389: строгий, элегантный, классический. Неудивительно, что в нем покупает свои книги главный герой «Дня поминовения», романа Сейса Нотебоома, обладающего выраженным европоцентричным характером.

Ось, вокруг которой выстраивается «Европа-узловая», — это ось Германии — России. В романе Нотебоома мы читаем:

> Германия и Россия, в такие моменты казалось, что эти две страны тоскуют друг по другу тоской, непонятной уроженцам атлантического побережья голландцам, точно эта бескрайняя равнина, начинающаяся у Берлина, обладает таинственной мощью, точно из этой равнины вновь должно явиться что-то, чему еще не пришел срок, но что опять, вопреки видимой логике развития, опрокинет всю историю Европы, будто эта гигантская масса земли возьмет и перевернется на другой бок, а западная окраина соскользнет с ней, как одеяло[36].

Режимы Сталина и Гитлера — атомные бомбы с фатально схожей участью; они появились одновременно в двух географических зонах, приговоренных к диалогу по меньшей мере с тех времен, когда прусский еврей Карл Маркс сформулировал свои политические идеи. В годы учебы в семинарии молодой Сталин, опасаясь, что книги, взятые в общественной библиотеке, попадут на заметку и, возможно, станут причиной неприятностей, пользовался свободой чтения в книжном магазине Захария Чичинадзе. В те времена императорская цензура держала в ежовых рукавицах Санкт-Петербург, а в Москве, на Никольской и прилегающих к ней улицах, поощряла производство *лубков* — русского эквивалента chapbooks[37], или листков, — которые прославляли царя, рассказывали о великих битвах или воспроизводили народные сказки, вызывая возмущение дореволюционных интеллектуалов, называвших их ретроградными, антисемитскими и проправославными. После революции 1917 года они были вытеснены фотографией. В книжном магазине Чичинадзе произошла Великая Встреча: здесь Сталин познакомился с текстами Маркса. Впоследствии изобретательный Сталин превратил этот опыт в приключение: по его версии, он и его товарищи, не имея лишних денег, тайком проникали в книжный Чичинадзе и по очереди копировали запрещенные тексты. Вот как это объясняет Роберт Сервис в своей биографии советского вождя и палача:

> Чичинадзе был на стороне тех, кто противился русскому господству в Тбилиси. Когда семинаристы пришли в его книжный, он, безусловно, принял их радушно; а если они переписывали книги,

36 *Нотебоом С.* День поминовения: Роман / Пер. с нидерл. И. Михайловой. М.: Текст, 2004.

37 Небольшие дешевые книги (*англ.*).

то наверняка это делали с его гласного или негласного разрешения. Для городской интеллектуальной элиты распространение идей было важнее простой экономической выгоды. Это была битва, победе в которой либералы могли всего лишь способствовать. Магазин Чичинадзе был подобен руднику, где таились книги, к которым тянулась молодежь. Иосифу Джугашвили нравилась книга Виктора Гюго «Девяносто третий год». Его наказали за то, что он тайно пронес роман в семинарию; а когда в ноябре 1896 года в ходе обыска был найден роман Гюго «Труженики моря», ректор Гермоген предписал ему «длительное пребывание» в карцере. По словам его друга Иремашвили, группа также получила доступ к текстам Маркса, Дарвина, Плеханова и Ленина. Сталин упомянул об этом в 1938 году, утверждая, что каждый участник группы платил по пять копеек, чтобы взять «Капитал» Маркса на две недели.

Придя к власти, Сталин создал разветвленную систему контроля над текстами, отчасти опираясь на этот личный опыт, позволивший ему убедиться в том, что у всякой цензуры есть свои слабые места. Книги всегда были важнейшим элементом контроля в руках власти, и правительства создавали механизмы книжной цензуры так же, как строили замки, крепости и бункеры, которые рано или поздно попадали в руки врагов или разрушались, — не обращая внимания на то, о чем писал еще Тацит: «Напротив, обаяние подвергшихся гонениям дарований лишь возрастает, и чужеземные цари или наши властители, применявшие столь же свирепые меры, не добились, идя этим путем, ничего иного, как бесчестия для себя и славы для них»[38]. Бесспорно, появление книгопечатания серьезно осложнило государствам задачу по ограничению торговли запрещенными книгами. А современные диктатуры стали извлекать максимальную политическую выгоду от публичного сожжения книг, одновременно выделяя огромные средства из национального бюджета на *органы чтения*.

Испания в первые века Нового времени стала первопроходцем как в разработке массовых систем слежки и подавления читателей (в чем же, как не в этом, была роль Святой инквизиции?), так и в прокладывании маршрутов для импорта рабов и в создании концентрационных лагерей, планов перевоспитания и стратегий истребления. Неудивительно, что для Франко образцом государства была Испания времен Империи,

38 *Тацит*. Анналы IV, 35 / Пер. с лат. А. Бобовича.

национал-католическое наследие завоевания Америки. Франсиско Пуче, книготорговец из Малаги, так говорил о символах, которые противостояли франкистам:

> На всех нас — книготорговцев, пострадавших от франкистской цензуры, от преследований со стороны полиции и от покушений, которые фашисты устраивали после смерти Франко, — остался отпечаток этой эпохи, и мы всегда считали книжный магазин чем-то бóльшим, чем просто бизнесом. Мы поднимали факел последнего человека, казненного Инквизицией, — книготорговца из Кордовы, осужденного в XIX веке за ввоз запрещенных Церковью книг. И эта эпоха снова ясно дала понять, что присущий диктатурам рефлекс сжигания книг представляет собой не случайное явление, а вытекает из несовместимости двух реальностей, как мы отмечали в начале по поводу сопротивления. Она также ясно показала значение независимых книжных как инструментов демократии.

Тем не менее связь между политическим строем и функционированием письменной культуры сложнее дихотомии, когда аристократические, диктаторские и фашистские режимы воплощают абсолютное зло, а парламентские демократии мыслятся как безусловное добро. И хотя, к счастью, во многих из них не применяются физические наказания и смертная казнь, Соединенные Штаты — пример того, как свободу выражения и чтения постоянно окружали механизмы контроля и цензуры. Историю американской демократии можно рассматривать как бесконечную череду поединков на зыбком ринге интеллектуальной свободы — начиная с закона Комстока 1873 года, направленного против непристойных и развратных произведений, до нынешних запретов книг, которые устанавливают тысячи книжных магазинов, образовательных учреждений и библиотек по политическим или религиозным мотивам. Или приемов, при помощи которых Управление по контролю над иностранными активами при Министерстве финансов препятствует распространению произведений с Кубы и из других регионов мира. В нашу эпоху мгновенного распространения любой громкой новости сожжение книг по-прежнему гарантирует место на первых полосах газет. По свидетельству Генри Дженкинса, литературным сериалом, вызвавшим больше всего споров в первое десятилетие нашего века, стали романы о Гарри Поттере, в отношении которых в 2002 году велось более пятисот различных разбирательств по всем Соединенным Штатам. В Аламогордо, штат Нью-Мехико,

Церковь общины Христа сожгла тридцать экземпляров вместе с фильмами Диснея и компакт-дисками Эминема, потому что, по словам Джека Брока, пастора церкви, это были сатанинские шедевры и орудия для совершенствования навыков в черной магии. В предшествующее десятилетие публикация «Сатанинских стихов» Салмана Рушди не только в очередной раз выявила болевые точки в отношениях Соединенных Штатов с прямой или косвенной цензурой, но и поставила ребром намного более важный вопрос о такой геополитической проблеме, как свобода выражения. Потому что если в течение полувека она существовала прежде всего в Восточной Европе и в Азии, то начиная с девяностых годов стала распространяться на арабский мир с той разницей, что вследствие экономических и в первую очередь медийных преобразований речь больше не идет об исключительно местных или национальных дебатах, которые быстро пресекались властями. После «Сатанинских стихов», которые были преданы проклятию одновременно с падением Берлинской стены, столкновениями на площади Тяньаньмэнь и неудержимым распространением интернета, всякий раз, когда происходили нападки на свободу выражения и чтения, их последствия автоматически приобретали всемирный масштаб.

В своих воспоминаниях под названием «Джозеф Антон» Рушди рассказывает о подробностях этого дела. Сначала публикация шла по обычному на Западе руслу: он совершает поездки с рекламными целями, роман попадает в финал Букеровской премии, тогда как в Индии его распространение постепенно начинает сталкиваться с препятствиями, начиная с заметки в India Today («она неизбежно вызовет лавину протестов») и с действий двух парламентариев-мусульман, превративших борьбу с книгой, которую они не читали, в свое личное дело. Все это приводит к решению о ее запрете. Подобно тому как это происходило в свое время в Соединенных Штатах, решение принимается Министерством финансов, которое опирается на закон о таможне. Рушди отвечает открытым письмом на имя премьер-министра Раджива Ганди. Фанатики, в свою очередь, угрожают издательству Viking Press и магазину, в котором писатель собирался провести чтение. Затем роман был запрещен в Южной Африке. И неизвестный пришел в дом писателя в Лондоне. И Саудовская Аравия и многие другие арабские страны запретили произведение. И посыпались угрозы по телефону. И в Брэдфорде были публично сожжены экземпляры «Сатанинских стихов», а на следующий день «WHSmith, главная британская сеть книжных, изъяла книгу с полок своих 430 магазинов», выпустив при этом официальное коммюнике с просьбой не считать ее «цензором». Роман получил премию Коста. Беснующаяся толпа бросилась на штурм американского информационного центра в Исламабаде (Пакистан), и пять человек погибли от выстрелов, пока толпа кричала: «Рушди, ты мертвец!» А далее — аятолла Хомейни, и его фетва, и два телохранителя днем и ночью, и ферма, затерянная где-то в Уэльсе, и угроза бойкота всех изданий Penguin Books во всем мусульманском мире. Номер один в публикуемом The New York Times списке бестселлеров, и множество угроз взорвать бомбу. И настоящая бомба, взорвавшаяся в книжном магазине Cody's в Беркли, развороченные стеллажи которого были сохранены как свидетельство варварства, и угрозы смертью издателям и иностранным переводчикам. И солидарность архиепископа Кентерберийского и Папы Римского с оскорбленными чувствами мусульман, и заявление писателей мира в защиту Рушди. Разрыв дипломатических отношений между Ираном и Великобританией, и отказ множества организаций проводить акции в поддержку преследуемого писателя из соображений безопасности. Рост числа конфликтов («Эти маленькие стычки между литераторами в тот момент,

когда литературная свобода как таковая подверглась яростному нападению, казались трагедиями»), и периодические переезды. И псевдоним («Джозеф Антон»), и зажигательные бомбы в лондонских книжных Collet's и Dillons, и в австралийском Abbey's, и в четырех филиалах сети Penguin, и Международный комитет защиты Рушди, и повседневная жизнь, которую определяют, пронизывают, сотрясают, словно электрошокер, меры безопасности. И первая годовщина сожжения книг в Брэдфорде. И подтверждение фетвы, и убийство японского переводчика Хитоши Игараши. И подтверждение фетвы, и нападение с кинжалом на итальянского переводчика Этторе Каприоло. И подтверждение фетвы, и попытка убить норвежского издателя Вильяма Нюгорда. И подтверждение фетвы, и гибель тридцати семи человек в ходе другого протеста. И одиннадцать лет, которые Рушди скрывался, одиннадцать лет, в течение которых он не мог пройти по улице, спокойно поужинать в ресторане с друзьями, удостовериться, что его книги лежат на полках книжного магазина. И что эти его книги, ни в чем не повинные, несут на себе тяжесть многих трупов. Очень многих.

События, описанные в «Джозефе Антоне», свидетельствуют о том, что книга Рушди вписывается в ряд книг, подвергавшихся преследованию:

> На вопросы друзей, как ему помочь, он отвечал: «Защитите мой текст». Нападки на роман носили вполне конкретный характер, а защита тем временем строилась исходя из самых общих соображений с опорой на великий принцип свободы слова. Он очень рассчитывал на более конкретную защиту, хотел, чтобы роман его отстаивали как высококачественное литературное произведение, в том же духе, в каком шла когда-то борьба за другие гонимые книги, вроде «Любовника леди Чаттерлей», «Улисса» и «Лолиты», — ведь враги его обрушились не на роман в целом и не на свободу слова как таковую, а на вполне определенный набор слов... на его намерения, добросовестность и профессиональную пригодность как писателя, этот набор составившего[39].

Но, в отличие от своих предшественников, вызывавших скандалы в мире, не знавшем мгновенного распространения новостей,

39 *Рушди С.* Джозеф Антон / Пер. с англ. Л. Мотылева, Д. Карельского. М.: Астрель : CORPUS, 2012.

«Сатанинские стихи» стали жертвой нового международного контекста. Контекста, в котором полюс исламской нетерпимости доводит до крайнего напряжения другой полюс — полюс демократий, так или иначе являющихся наследницами либеральных революций. Тем не менее если считать Французскую революцию первым решительным шагом в сторону современной демократии, то следует помнить, что наряду с массовыми казнями и разграблением собственности аристократии и духовенства народ также накопил огромный книжный капитал, с которым он просто не знал что делать. Альберто Мангель в «Истории чтения» напоминает нам о том, что в конце XVIII века, когда старинная книга стоила намного меньше новой, английские и немецкие коллекционеры нажились на революции, покупая на вес тысячи библиографических жемчужин, разумеется, при помощи французских посредников. Поскольку уровень грамотности простого народа был очень низким, книги, которые не были проданы или уничтожены, практически не находили читателей в общественных библиотеках, куда попадали. Открытие пинакотек также не привело к немедленному росту потребления культуры: самые значительные последствия коллективного образования всегда проявляются спустя долгое время. Перераспределение книг принесло плоды лишь спустя несколько поколений. Во многих исламских странах ведется работа по ужесточению систем подавления чтения, которые обеспечат будущее, лишенное многообразия, несогласия, иронии.

В истории Foyles, известного лондонского книжного магазина, мы снова обнаруживаем треугольник: одну вершину представляет собой сам магазин, две другие находятся в Германии и России. Таков извечный парадокс: войны, революции, радикальные политические перемены способствуют тому, что большое количество книг оказывается в другой стране и других руках. Когда в тридцатые годы Гитлер начал в массовом порядке сжигать книги, первой мыслью Уильяма Фойла была послать ему телеграмму с предложением заплатить хорошую цену за тонны печатного и хорошо воспламеняющегося материала. Незадолго до того Фойл отправил свою двадцатилетнюю дочь Кристину в сталинскую Россию на поиски продаваемых книг. Русская экспедиция увенчалась успехом, в отличие от попыток договориться в Германии, потому что Гитлер продолжил жечь книги, не собираясь их никому продавать. Когда началась война и Лондон подвергся бомбардировкам нацистской авиации, старые книги вперемешку с песком стали наполнителем для

мешков, при помощи которых легендарный книготорговец защищал свой магазин; крышу он, вероятнее всего, прикрыл экземплярами «Mein Kampf».

Речь наверняка шла об экземплярах «My Struggle» («Моей борьбы»), английского издания, выпущенного Hurst & Blackett в переводе Эдгара Дагдейла — сионистского активиста, который перевел текст на английский с намерением разоблачить планы Гитлера. К сожалению, как английское, так и американское (выпустившее книгу под названием «My Battle» — «Моя битва») издательства уступили требованиям немецкого издателя книги, Eher-Verlag, который заставил очистить ее от многих ксенофобских и антисемитских утверждений, содержавшихся в оригинале. Как объясняет Антуан Виткин в своем исследовании, посвященном истории этой книги, когда она появилась в Великобритании в 1934 году, было продано восемнадцать тысяч экземпляров. К этому времени ее уже прочитали Черчилль, Рузвельт, Бен-Гурион и Сталин, располагавшие полными переводами, осуществленными их службами разведки. «Mein Kampf» не только превратила Адольфа Гитлера в автора главного бестселлера Германии тридцатых годов и в миллионера благодаря авторским правам, но и дала ему почувствовать себя *писателем* — именно эту профессию он указывает в соответствующей графе декларации о доходах после 1925 года. Несомненно, успеху продаж способствовал его статус политического лидера страны, но легенда о написании книги (в тюрьме) и ее мессианский характер также способствовали стремительному распространению, должным образом поддерживаемому рекламными объявлениями в главных ежедневных газетах той поры. Вместо обычной презентации в книжном Гитлер решил рассказать о главном труде своей жизни в пивной Bürgerbräukeller:

> Сюжет грубо притянут за уши, но аудиторию убеждает. Чтобы бороться с последователями Маркса, нужен нацистский Маркс или, другими словами, сам Гитлер, автор «Mein Kampf». Представляя себя в качестве писателя, Гитлер меняет свой образ и выходит из тины, в которой пребывал до этого момента. Он уже не горлопан в пивной, не позер и не незадачливый мятежник: теперь он завоевывает авторитет благодаря книге и предстает в облике нового теоретика. Выходя из зала, люди Гитлера раздают рекламные листовки, которые посвящены публикации его книги и в которых даже указывается ее цена.

Его слава поджигателя заслонила славу библиофила, а ведь к моменту смерти массовый убийца накопил в своей библиотеке более полутора тысяч томов. Оставив школу в отроческие годы из-за проблем с легкими, Гитлер с головой ушел в чтение и рисование. Предаваться этим занятиям он не переставал никогда. Август Кубичек, его единственный друг в годы пребывания в Линце, рассказывает, что Гитлер посещал книжный магазин Народного просветительского общества на Бисмаркштрассе и многие библиотеки, где можно было взять книги на дом. Он вспоминает Гитлера, окруженного стопками книг, прежде всего из серии «Саги о немецких героях».

Пятнадцать лет спустя, в 1920 году, когда Гитлер проводил свой первый многолюдный митинг и запустил нацистскую пропагандистскую машину, на другом конце света другой будущий массовый убийца, Мао Цзэдун, открыл в Чанше книжный магазин и издательство, названное им «Культурным обществом книг». Дела у него шли так хорошо, что он нанял шесть сотрудников, благодаря которым смог посвятить себя написанию политических статей, привлекших на его сторону наиболее влиятельных китайских интеллектуалов. Тогда же он влюбился и женился. В предшествующие годы Мао успел поработать библиотекарем, ассистентом Ли Дачжао, одного из первых китайских коммунистов, в учебной группе которого он познакомился с главными текстами марксизма-ленинизма; но лишь в 1920 году, когда он стал торговать книгами, он начал называть самого себя коммунистом. Сорок шесть лет спустя он положил начало «культурной революции», одним из фронтов которой была борьба с книгами путем их сожжения.

Будучи крупнейшим коммунистическим режимом в мире, Китай поддерживает государственные сети, открывающие огромные книжные магазины в главных городах страны, заботящиеся об общественной нравственности и щедро снабжающие отдел «Историй успеха», дабы поощрять упорный труд и личностный рост — основу совершенствования коллективного. Возможно, главной является сеть Xinhua: ей принадлежат монстры вроде Beijing Book Building, расположенного на пересечении двух веток метрополитена и насчитывающего триста тысяч книг, распределенных по пяти этажам. Но на стеллажах наименования, отобранные правительством, соседствуют с народной литературой, школьными учебниками и некоторыми книгами на английском языке. В книжных магазинах Академии военных наук, Центральной партийной школы и Университета национальной обороны, напротив, на официальных изданиях нет маскирующих их обложек: имеются труды по статистике и по прогнозированию, написанные офицерами Народно-освободительной армии, докторские диссертации и исследования, которые обнажают сердцевину коммунистической мысли и не замаскированы официальными коммюнике, предназначенными для иностранной прессы. К счастью, пекинский магазин The Bookworm, несмотря на внешний гламур и на то, что он фигурирует в рейтингах самых красивых книжных магазинов мира, в последние годы предлагает клиентам некоторые запрещенные или неудобные книги вроде произведений художника Ай Вэйвэя.

Последний раз, когда я был в Венесуэле, очень молодой солдат обнюхал одну за другой все двадцать три книги, которые я вез в багаже. Я спросил его, неужели теперь наркотики путешествуют в литературе, и он, посмотрев на меня с удивлением, ответил, что их смешивают с переплетным клеем, да вы и сами знаете. Он обнюхал и два тома из «Библиотеки Аякучо», которые я купил в Librería del Sur, входящем в сеть книжных магазинов Министерства народной власти по вопросам культуры правительства Боливарианской Республики Венесуэла. Закончив осмотр, он взял в руки мой айпад и более мягким тоном, чем прежде, спросил, купил ли я его в Соединенных Штатах и во сколько он мне обошелся. Книги, которые я вез в багаже, досматривали еще и в Тель-Авиве, и в Гаване — одно наименование за другим, проводя большим пальцем вдоль страниц. Израильские пограничники очень молоды и зачастую отбывают обязательную воинскую повинность; держа книгу в руках, они спрашивают тебя, собираешься ли ты

поехать в Палестину или уже был в Палестине, везешь ли что-нибудь оттуда, кого ты знаешь в стране, где поселишься или где жил, зачем приехал, и отмечают на наклейке, которую прикрепляют к твоему паспорту, твой уровень опасности. Кубинские солдаты одеты так же, как и венесуэльские, и столь же неискушенны, потому что на самом деле суть копии того же оригинала.

Две ключевые в своей жизни книги будущий команданте Фидель Кастро купил в коммунистическом книжном на улице Карла III в Гаване: это были «Манифест Коммунистической партии» и «Государство и революция» Ленина. Во время пребывания в тюрьме он жадно читал самые разные произведения — от Виктора Гюго и Цвейга до Маркса и Вебера. Многие из этих книг ему дарили те, кто навещал его в тюрьме; многие другие он купил все в том же книжном на улице Карла III. В книге «Последователь Монтеня смотрит на Гавану» Антонио Хосе Понте вспоминает, что на улице Обиспо в Старом городе можно было купить русские книги:

> В одной энциклопедии начала века я обнаружил старую фотографию: улица лавок и полосатых навесов по обоим тротуарам кажется толкучкой, арабским базаром, если смотреть на нее сверху. Когда-то я написал, что в ней есть что-то от пляжа. Она начинается с книжных и заканчивается открытым пространством, выходя на площадь и в порт. В одном из книжных тогда продавались книги на русском языке. Через порт проходили советские корабли. Улица Обиспо была отмечена этими двумя вывесками с кириллическими надписями: наименованием книги и названием какого-нибудь корабля.

Но с большей точностью истерзанную топографию города под правлением Кастро, столицы «тематического парка холодной войны», Понте рисует в «Празднике под присмотром». Он описывает команданте Гевару во всей его сложности: солдат-революционер и профессиональный фотограф, политический лидер и писатель по призванию, увлеченный читатель. «Занимаясь военным управлением в Ла-Кабанье, — характеризует он его одним емким предложением, — Эрнесто Гевара руководил журналом, музыкальным оркестром лагеря, группой рисовальщиков, армейским киноотделом и расстрельным взводом». Революция породила и продолжает порождать сменяющие одна другую волны революционного туризма. Понте вспоминает опыт Жан-Поля Сартра и Сьюзен Сонтаг, французскую твердость и американские

сомнения, а вслед за их шагами слышится эхо тревожных слов Николаса Гильена: «Любой формальный поиск — контрреволюционен». В завершающей части книги рассказчик перебирается в Берлин, где встречается со своим переводчиком, которому удалось раздобыть досье, составленное на него Штази: «Благодаря соседке, которая следила за всеми его передвижениями, он мог воскресить в памяти любой из дней тридцатилетней давности». Путешествие позволяет Понте превратить свою жизнь писателя, находящегося под надзором в Гаване, в универсальный опыт.

На Кубу из Буэнос-Айреса Че попал после длительного путешествия. А в результате путешествия в обратном направлении, с севера на юг, его труп оказался в прачечной государственной больницы «Сеньор де Мальта» в Валье-Гранде под объективом Фредди Альборты. С Альбортой я познакомился случайно в фотоателье в Ла-Пасе незадолго до его смерти; он рассказал мне историю этого второго путешествия, итог которого — фотография знаменитого трупа была выставлена на витрине, рядом с кассетами и рамками. Они продавались в виде открыток. На одной из самых знаменитых несколько боливийских военных позируют рядом с трупом, словно на жестоком уроке анатомии, и один из них трогает неподвижное тело указательным пальцем, показывая, что легенды тоже состоят из плоти, из постоянно гниющей материи.

Продавались ли бы книги писателя Эрнесто Гевары в Librería Universal? Не думаю. В том же 1960 году, когда революционер был назначен председателем Национального банка и министром экономики, контрреволюционер Хуан Мануэль Сальват покинул остров через Гуантанамо. Пять лет спустя он вместе с женой открыл на Восьмой улице в Майами книжный магазин, которому было суждено стать одним из культурных центров эмиграции, где устраивались вечеринки и продавались книги на испанском языке. В заметке Майе Примеры, посвященной закрытию Librería Universal 20 июня 2013 года, приводятся слова Сальвата о том, что первое, самое читающее поколение эмигрантов постепенно умирает, а «новые поколения, наши дети, хотя и считают себя кубинцами, с Кубой не знакомы, у них нет инструментов гражданства, их первый язык — английский, а не испанский». Закон жизни.

Второго мая 1911 года Педро Энрикес Уренья писал из Гаваны в письме Альфонсо Рейесу: «Но не думай, что здесь есть хорошие книжные с букинистическими или новыми книгами; магазины Гаваны мало чем отличаются от магазинов Пуэблы».

Возможно, для мексиканского путешественника город в начале прошлого века не выделялся своими книжными, но улица Обиспо с расположенной на ней гостиницей Ambos Mundos, где обычно останавливался Хемингуэй, и Пласа-де-Армас были по определению средоточиями книжной торговли, местами, где гаванцы добывали книги в те десятилетия, когда не могли путешествовать. Во время поездки на остров в самом конце 1999 года я покупал книги только в лавках на Пласа-де-Армас, потому что в государственных магазинах наименований было очень мало, хотя они были представлены множеством экземпляров, заполнявших кубические метры воздуха. В подъездах, в гаражах, в дверных проемах продавались букинистические книги: люди избавлялись от семейных сокровищ за пару долларов. А книжный магазин Casa de las Américas, который прежде был символом мощи латиноамериканской культуры, предлагал лишь несколько книг, выпущенных официальными издательствами. Хорхе Эдвардс, который в конце семидесятых годов участвовал в жюри престижных ежегодных премий, рассказал в «Персоне нон грата» о резком повороте, который совершил режим в начале следующего десятилетия. Для иллюстрации этих перемен чилийский писатель приводит множество случаев и примеров, к сожалению закодированных в ДНК самой идеи коммунистической революции и очень похожих на те, о которых говорят Киш и Воллманн в своих рассказах о паранойе, царившей на советской орбите. Один из них особенно красноречив. Ректор Гаванского университета говорит Эдвадсу: «Нам на Кубе критики не нужны», потому что критиковать легко, критиковать можно все что угодно, а страну построить сложно, и стране нужны «созидатели, строители общества», а не критики. Поэтому они собираются закрыть журнал, название которого, разумеется, носит глубоко подрывной характер: Pensamiento crítico[40]. А Рауль Кастро плетет интриги с целью поставить теоретические исследования по марксизму под контроль армии. Я прочитал эту книгу, равно как и «Пока не наступит ночь» Рейнальдо Аренаса, в канун нового столетия, как памятник упадка, длящегося три десятилетия. Словно всякое произведение, созданное в те времена, — его легко можно вообразить, если прочитать, например, письма Кортасара, — было уничтожено, и полки книжного магазина Casa de las Américas являли собой результат подобного опустошения.

40 Критическое мышление (*исп.*).

По-моему, мало что может выглядеть грустнее, чем пустой книжный магазин или уголья в костре, на котором горели книги. В XVI веке Сорбонна вынесла полтысячи приговоров еретическим произведениям. В конце XVIII века в «Индексе запрещенных книг» насчитывалось семь тысяч четыреста наименований, а при штурме Бастилии революционеры обнаружили целую гору книг, подготовленных к сожжению. В двадцатые годы XX века Почтовая служба Соединенных Штатов сожгла экземпляры «Улисса». А вплоть до шестидесятых в Великобритании и Соединенных Штатах нельзя было издать «Любовника леди Чаттерлей» Д. Г. Лоренса или «Тропик Рака» Генри Миллера без обвинений в непристойности. В 1930 году Советский Союз запретил частные издательства, а официальная цензура просуществовала до самой перестройки. Эуджено Пачелли, будущий Пий XII, прочитал «Mein Kampf» в 1934 году и убедил Пия XI в том, что ее не стоило включать в «Индекс», чтобы не раздражать фюрера. При последних диктатурах в Чили и Аргентине книги сжигались публично. Сербские снаряды едва не уничтожили Национальную библиотеку в Сараеве. Периодически появляются пуританские активисты, христианские или мусульманские, которые жгут книги так же, как жгут флаги. Нацистское правительство уничтожило миллионы книг еврейских авторов тогда же, когда истребляло миллионы евреев, гомосексуалов, политических заключенных, цыган и больных. При этом сохранило самые редкие или ценные из них, намереваясь выставить их в музее иудаизма, который должен был открыться только после Окончательного решения еврейского вопроса. Часто отмечалось пристрастие руководителей нацистских лагерей смерти к классической музыке, однако почти никто

не учитывает, что люди, разработавшие самые мощные системы контроля, подавления и уничтожения в современном мире, люди, оказавшиеся самыми эффективными цензорами книг, были еще и исследователями культуры, писателями, *большими* читателями — одним словом, любителями книжных магазинов.

> Я пытаюсь обращаться с книгами так, как они обращаются со мной, то есть как человек с человеком. Книги — это либо люди, либо ничто. <...> Когда пытаются извлечь практическую пользу из литературы, она начинает чахнуть, сжиматься и умирать. Книжный магазин — это то бесплатное и идеальное место, которое ни для чего не может быть полезным.
> *Клод Руа. «Любитель книг»*

6. Восточный книжный?

> Иногда я готов дать что угодно, чтобы понять их. И надеюсь, что однажды смогу воздать должное этим странствующим рассказчикам. Но не понимать их было забавно. Для меня они оставались анклавом старой, нетронутой жизни.
> *Элиас Канетти. «Голоса Марракеша»*

Где заканчивается Запад и начинается Восток?

У этого вопроса ответа, разумеется, нет. Вероятно, когда-то он был: во времена Флобера, быть может, или намного раньше, в эпоху Марко Поло, или совсем уж давно, при Александре Македонском. Но и мышление Древней Греции, из которого выросло западное, формировалось в тесном диалоге с философиями, рожденными на других берегах Средиземноморья, и таким образом уже содержало в себе абстракцию под названием *Восток*, несмотря на отрицавшие это позднейшие трактовки. Однако где-то эта глава должна начаться, как предыдущие начинались в Афинах или в Братиславе, и начнется она в Будапеште — одном из тех городов, что, подобно Венеции, Палермо или Смирне, словно плывут меж двух миров, скорее ведущих беседу, чем противоборствующих друг другу.

Как-то летом в начале 2000-х я блуждал по городу, и мое внимание вдруг поглотила расписанная вручную деревянная шкатулка, казавшаяся совершенно бесполезной, потому что ее нельзя было открыть. Зеленый деревянный куб, украшенный филигранью, продававшийся в числе других сувениров на одном из лотков на набережной Дуная. У шкатулки, разумеется, имелась крышка, но не было замка. Продавщица подождала некоторое время и, увидев, что я совершенно отчаялся, вертя в руках герметичный предмет, подошла ко мне со словами «It is a magic box»[41]. Движения ее пальцев переместили незакрепленные детали на деревянной основе, и те расступились, обнажив замок и щель, в которой был спрятан ключ. Эта хитрость восхитила меня, что продавщица сразу же поняла. И тут начался торг.

Противопоставленность запрошенной цены и торга можно было бы считать одной из осей поляризации между Западом и Востоком. Другая ось — материальность и изустность. Эти зыбкие, неформулируемые антитезы способны тем не менее прояснить такие понятия, как «западный читатель» или «восточный книжный». На площади Джемаа-эль-Фна в Марракеше

41 Это волшебная коробка (*англ.*).

библиотека нематериальна и недоступна для того, кто не знаком с местными наречиями: заклинатели змей, продавцы мазей, сказители с помощью завораживающих жестов и дощечек с изображениями человеческих тел или с нарисованными картами выстраивают в воздухе рассказ, тебе не понятный. В «Голосах Марракеша» Канетти связывает это непонимание с некоторой ностальгией по образу жизни, исчезнувшему в Европе, более домашнему, уделяющему больше внимания изустной передаче знания. Безусловно, есть мудрость и великая ценность в устных традициях, которые стекаются на эту пыльную площадь, слегка напоминающую караван-сарай и каждый вечер превращающуюся в огромный, гостеприимный двор с дымящимися блюдами. Но ее идеализация чревата упрощениями и клише относительно арабского и азиатского мира, свойственными нам, так называемым людям *Запада*. Как тот снимок египетского книготорговца, который я сделал в одной деревушке на берегу Красного моря. Потому что арабский и азиатский миры — это миры каллиграфии и книги, древнейшей и могучей текстуальности, доступной нам разве что частично — при помощи перевода.

Географическая близость к Европе сделала в глазах европейских — особенно французских — писателей и художников воплощением Востока Танжер. Первым, кто превратил этот марокканский город в пейзаж, представляющий собой гигантскую абстракцию, был Делакруа в тридцатые годы XIX века. В его бурнусах и лошадях, юношах и коврах на фоне белых строений

с проглядывающим глянцевым морем сосредоточены те сюжеты, что будут раз за разом повторяться в изображениях Северной Африки. Восемьдесят лет спустя Матисс модернизировал все ту же традицию, придав геометричность городу и его обитателям. Испанские художники, такие как Мариано Фортуни, Антонио Фуэнтес и Хосе Эрнандес, добавили этому живописному пейзажу новые штрихи. Эрнандес, будучи частью испанской диаспоры города, выставлял свои работы в Librairie des Colonnes — возможно, самом значительном местном культурном центре последних шестидесяти лет, где, кстати, работал писатель Анхель Васкес, награжденный в 1962 году премией «Планета» и опубликовавший пятнадцатью годами позже свой замечательный роман о городе — «Собачья жизнь Хуаниты Нарбони». Мы привыкли вспоминать награды американских и французских художников, превратившие Международный Город в один из нервных узлов культуры XX века, но вокруг него вращались и многочисленные оригиналы из других стран, вроде упомянутых испанцев или чилийского художника-гиперреалиста Клаудио Браво, жившего в Танжере с 1972 года до самой своей смерти в 2011 году, или собственно марокканских мастеров, участвовавших в создании легенды, таких как художник Мохамед Хамри, или писатели Мохамед Шукри, Абдеслам Булеш, Ларби Лайаши, Мохаммед Мрабе или Ахмед Якуби.

Официальную историю так называемой *танжерской легенды* можно начать с 1947 года, когда в город прибыл Пол Боулз. На следующий год к Боулзу переехала его жена Джейн. Позднее сюда приехали Теннесси Уильямс, Трумен Капоте, Жан Жене, Уильям Берроуз (и прочие представители бит-поколения) и Хуан Гойтисоло. Помимо вечеринок в частных домах и ставших ежедневными кофепитий, было два главных места притяжения для этих таких разных творцов и множества других персонажей. В Танжере бывали богачи и искатели приключений, дилетанты и музыканты, привлеченные африканскими ритмами. Бывали актеры, такие как венгр Пол Лукас, который сыграл в «Веселье в Акапулько» вместе с Элвисом Пресли и в «Лорде Джиме» Ричарда Брукса и умер в Танжере, пока искал место, где провести последние годы жизни. А также режиссеры вроде Бернардо Бертолуччи и музыкальные группы, например The Rolling Stones. Первым в ряду этих местных достопримечательностей — наподобие Гертруды Стайн или Сильвии Бич в межвоенном Париже — был сам Боулз. А местом притяжения — книжный магазин

Librairie des Colonnes, который был основан тогда же, когда в Танжер перебралась чета Боулз, и который их пережил.

Бельгийская чета Жерофи — Робер, архитектор и археолог, друг Жене, Андре Жида и Малкольма Форбса, и Ивонн, библиотекарь по образованию, — опираясь на неизменную поддержку сестры Ивонн Изабель, стояла у штурвала Librairie des Colonnes с самого его открытия летом 1949 года. Место это им предложил Галлимар, хозяин магазина. Брак был фиктивным, как, собственно, и у Боулзов, ведь супруги были гомосексуалами, а Танжер в те времена представлял собой идеальное место для подобных союзов. В то время как *сестры* Жерофи руководили книжным магазином, став в конечном счете культурными достопримечательностями, Робер посвящал себя дизайну и архитектуре. Среди прочих проектов он осуществил перестройку арабского дворца, в котором Форбс, издатель и владелец знаменитого журнала, хранил свою коллекцию, насчитывавшую сто тысяч оловянных солдатиков. На одной фотографии агентства Magnum мы видим его, уже пожилого, он смотрит в камеру, одетый в белый жилет с белой же шляпой руках, словно «manager of the Forbes State»[42]. Между Жерофи и Боулзами сложились тесные отношения, как явствует из открыток, которыми обменивались писатели. Для Пола Жерофи стали чем-то привычным и постоянно присутствующим, частью повседневного пейзажа наряду с площадью Соко-Чико или Гибралтарским проливом. Для Джейн же Ивонн была близкой подругой, а временами и сиделкой, ведь именно она поддерживала Джейн во время долгих периодов психологической неустойчивости. Семнадцатого января 1968 года Джейн вошла совершенно невменяемой в Librairie des Colonnes и, никого не узнавая, попросила в долг два дирхама; затем она взяла две книги и, несмотря на напоминание ее служанки Аиши, ушла с ними, так и не заплатив.

Каждый раз, когда Маргерит Юрсенар случалось бывать в Танжере, она заходила в книжный Librairie des Colonnes повидать своего друга Робера. Когда какой-нибудь американский писатель, например Гор Видал, или европейский или арабский интеллектуал вроде Поля Морана или Амина Маалуфа посещал белый город, он непременно оказывался среди стеллажей, на которых со временем появилось, помимо огромного количества французских, и множество наименований на арабском, английском и испанском. Неслучайно Librairie des Colonnes стал пунктом

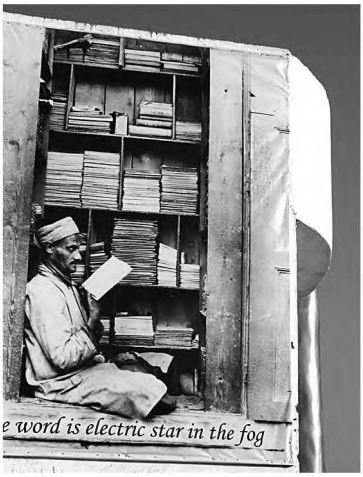
42 Управляющий империи Форбса (*англ.*).

антифранкистского сопротивления, организуя собрания изгнанников и способствуя изданию их книг. Среди испанских писателей, тесно связанных с этим местом, самым известным был Хуан Гойтисоло, начавший свое погружение в арабскую культуру в середине шестидесятых именно в Танжере. Из его книги «В царствах тайфа» мы узнаем, что, едва приехав сюда, он написал Моник Ланж: «Я счастлив, гуляю по десять часов в день, вижусь с Аро и его женой, ни с кем не сплю и смотрю на Испанию издалека, полный интеллектуального возбуждения». Плодом этого возбуждения станет «Возмездие графа дона Хулиана»: «Мое представление о работе основывается на виде испанского берега, открывающегося из Танжера: я хочу оттолкнуться от этого образа и написать нечто прекрасное, превосходящее то, что я писал прежде». Тем временем он делает разрозненные заметки, обкатывает идеи и в своей съемной комнате читает взахлеб литературу испанского Золотого века. Хотя позднее Гойтисоло обосновался в Марракеше, отдыхал он до конца жизни в Танжере и был постоянным посетителем его самого значительного книжного магазина. В одном из своих последних романов, «Хренокомедии», в котором обыгрывается скрытая гомосексуальная традиция в испаноязычной литературе, он вкладывает в уста гротескного *отца де Тренна* такие слова:

> Вы не знаете, по-прежнему ли Жене живет в Минзехе или он переехал в Лараш? Мне рассказывали о великолепной автобиографии некоего Шукри, переведенной на английский Полом Боулзом. Вы ее читали? Как только мы приедем, я раздобуду экземпляр в Librairie des Colonnes. Вы, я так полагаю, дружите с сестрами Жерофи. Кто в Танжере не знает сестер Жерофи! Как! Вы их не знаете? Но это невозможно! Такой благородный танжерец, как Вы, не ходит в их книжный? Простите, но я Вам не верю. Они — двигатель интеллектуальной жизни города!

Менее известным примером, но, быть может, более характерным ввиду его бисексуальности и приверженности к наркотикам и разрушительной бездеятельности, царившей в танжерской интеллектуальной среде, служит Эдуардо Аро Ибарс. Сын эмигрантов, он родился в Танжере в 1948 году и в подростковом возрасте проник в бит-среду, сопровождая Гинзберга и Корсо во время их ночных похождений. «Я вырос в среде, отчасти кочевой, между Мадридом, Парижем и Танжером», — писал он. Его короткую жизнь предопределил, безусловно, пространственный вектор

Танжер — Мадрид, потому что Ибарс завез в испанскую столицу нон-конформистскую бациллу битничества и через нее дал импульс *мовиде*[43], выступая в роли воинствующего гомосексуала, сочиняя поэмы и песни, пробуя самые разные галлюциногенные препараты. Весной 1969 года, после четырехмесячного тюремного заключения, проведенного вместе с Леопольдо Мариа Панеро, он вернулся в танжерский дом своей семьи. В другой раз, уклоняясь от воинской повинности, сел на ночной поезд до Альхесираса, пересек пролив и, поселившись у Джозефа Макфиллипса, друга Боулзов, получил помощь от сестер Жерофи, которые дали ему возможность подрабатывать в их книжном. Он определял себя как *гомосексуала, наркомана, преступника и поэта*. В сорок лет он умер от СПИДа.



Книжные магазины обычно переживают как писателей, питавших их мифологию, так и своих хозяев. После сестер Жерофи их книжным с 1973 по 1998 год управляла Рашель Мюйаль. В «Моих годах в Librairie des Colonnes» мы читаем, что благодаря ей, уроженке Танжера, с 1949 года жившей по соседству с магазином, в его космополитическую палитру добавился оттенок Танжера марокканского:

43 «Мадридская мовида», или «мадридская движуха» — контркультурное движение, зародившееся в испанской столице в последние годы франкизма и просуществовавшее до конца восьмидесятых годов. Движение бросало вызов устоявшимся нормам испанского общества и сыграло важную роль в его либерализации.

> Мне делали честь посещения одного человека — Си Ахмеда Балафрея. Ему нравилось листать журналы о декоре и архитектуре. Его сопровождал Си Абделькебир эль-Фасси, герой сопротивления. В ходе одной из наших бесед Си Ахмед сказал, глядя мне в глаза: «Одному Богу известно, что я сделал все для того, чтобы Танжер сохранил специальный статус и при этом не перестал быть частью Марокканского королевства».

Как и другие великие книготорговцы, которые уже появились или появятся на страницах этой книги, Мюйаль жила в двух шагах от своего заведения и часто устраивала фуршеты и праздники по случаю презентации книг или тех или иных культурных событий. Она тоже стала ключевой фигурой, послом, связующим звеном: каждую неделю три-четыре человека просили ее организовать им встречу с Боулзом, у которого не было телефона. Она отправляла к нему посыльных, и он почти всегда отвечал согласием.

Позднее появились Пьер Берже, Симон-Пьер Амлен и журнал Nejma, посвященный этой международной мифологии, благодаря которой столько марокканских писателей приобрели известность за пределами Танжера. Гибралтарский пролив всегда был местом встречи Европы и Африки, поэтому вполне естественно, что Librairie des Colonnes играл особую роль в культурном обмене между двумя его берегами. На одной конференции, проведенной в городском Ротари-клубе, Мюйаль сказала:

> В легендарном книжном Librairie des Colonnes я могла чувствовать себя в центре города и даже мира. Поэтому я сказала самой себе, что совершенно необходимо вовлечь его в культурное движение Танжера, города, который лучше какого-либо другого города в мире символизирует встречу двух континентов, двух морей, двух полюсов — Востока и Запада, — но еще и трех культур и трех религий, составляющих единое и многообразное население.

Я храню карточку марракешского магазина Librairie Papeterie de Mlle. El Ghazzali Amal из тканевой бумаги, на которой гордо напечатано: «Depuis 1956»[44], и помню, как меня разочаровало скромное количество продававшихся там книг и то, что все они были на арабском языке. Librairie des Colonnes, напротив, не может не воодушевлять европейского читателя, ведь он такой же, как круп-

44 С 1956 года (*франц.*).

ные книжные Европы, только на африканском берегу и с необходимыми оттенками местного колорита. В нем продаются книги на французском, английском и испанском по установленной цене, что исключает торг, который поначалу кажется забавным, но скоро начинает утомлять; здесь это дает нам ощущение безопасности. То же происходит в двух других марокканских книжных, которые я недавно для себя открыл: в Ahmed Chatr, тоже в Марракеше, и особенно в Carrefour des Livres в Касабланке с его ярко расцвеченными полотнами и большим ассортиментом книг на арабском и французском (очевидна связь с Librairie des Colonnes, потому что в обоих магазинах продаются одни и те же белые танжерские книги с печатью Khar Bladna, которые я коллекционирую на протяжении многих лет). Здесь удобно. А вот в марракешском магазине религиозной литературы (на арабском языке) царит просто неимоверная духота — там нет ни единой щели, через которую проникал бы воздух. Но именно такие контрасты дарят нам удовольствие, которого мы ищем в путешествиях. В этом отношении книжные — почти беспроигрышная ставка: их структура нас успокаивает, потому что всегда кажется привычной; мы интуитивно понимаем их порядок, расположение и то, что они могут нам предложить. Тем не менее нам нужен хотя бы один отдел с книгами, набранными знакомым алфавитом, одна секция иллюстрированных книг, которые мы можем листать, —пятна информации, которые мы можем расшифровать.

Именно это со мной случилось на Книжном базаре в Стамбуле: среди тысяч непонятных обложек я обнаружил книгу о турецких путешественниках, изданную по-английски и снабженную фотографиями, — «Глазами турецких путешественников. Семь морей и пять континентов» Алпая Кабакали в аккуратном футляре Toprakbank. Поскольку в моей коллекции, посвященной странствиям, не хватало этой детали головоломки — рассказов турецких путешественников, я решил во что бы то ни стало ее заполучить. Я держал в голове образ будапештской продавщицы волшебных шкатулок, к которой я возвращался день за днем и предлагал все ту же цену, составлявшую ровно треть запрошенной ею, пока в последний день она не уступила мне с улыбкой деланого смирения. Я купил две шкатулки, чтобы подарить их моим братьям. В тот момент, когда она мне их отдавала, завернув в оберточную бумагу, американский турист, держа в руках точно такую же шкатулку, спросил, сколько она стоит. Продавщица удвоила начальную цену. Покупатель безропотно попросил

две, сунул руку в карман и, пока она делала мне знаки, чтобы я молчал, купил ровно то же, что и я, заплатив в шесть раз больше. Теперь я спросил цену книги в голубом футляре у молодого турецкого продавца, который слушал радио за стойкой и на самом деле лишь присматривал за товаром; он крикнул мужчину средних лет, свежевыбритого, который, глядя мне в глаза, сказал, что книга стоит сорок долларов. Двадцать пять мне кажется более справедливой ценой, ответил я ему. Он пожал плечами, снова оставил юношу сторожить товар и ушел туда, откуда пришел.

Пришел он из одного из закоулков Сахафлар Карсиси — так по-турецки называется Книжный базар, который находится в старинном дворе, зажатом между мечетью Баязида и воротами Фесчилер, ведущими к Гранд-Базару, недалеко от Стамбульского университета, и занимает примерно столько же квадратных метров, сколько в течение многих веков было отведено под Хартопратию, бумажный и книжный рынок Византии. Возможно, из-за того, что посередине двора стоит бюст Ибрагима Мутеферрики, где указаны названия первых семнадцати турецких книг, отпечатанных в руководимой им типографии, типографии поздней, начала XVIII века, мне пришло в голову, что антологию путешественников можно получить, следуя той же тактике, которую я использовал в Будапеште. Поскольку Мутеферрика был родом из Трансильвании и мы не знаем, как он попал в Стамбул и почему принял ислам, эта поездка в Турцию ассоциировалась у меня с моими путешествиями по Балканам и Дунаю. В конечном счете я взял за

привычку заходить туда каждый день и каждый раз повышать предложение на пять долларов.

Еще я привык читать по вечерам на террасах Café Pierre Loti с видом на Мраморное море и гулять на закате по Истикляль, или улице Независимости, еще одному крупному книжному центру города. Подобно Буде и Пешту, два берега Стамбула, разделенные Галатским мостом, обладают собственным характером, который ощущается на этих двух полюсах письменности: на Базаре и на Улице. В окрестностях ее когда-то обосновались венецианские и генуэзские купцы; тут есть великолепные пассажи и книжные, где цена каждой книги напечатана на белых этикетках на внутренней стороне обложки. Я напрасно искал антологию путешественников в магазинах вроде Robinson Crusoe 389, где, впрочем, купил две книги Хуана Гойтисоло на турецком. На фотографиях, которые включены в издание «Османского Стамбула», не увидеть ни старинных, ни современных книжных, потому что они никогда не были *темами* литературы о путешествиях или истории культуры. Я искал книги о геноциде армян и в самом конце проспекта, выходящего к Галатской башне, нашел-таки книготорговца, блестяще говорившего по-английски с лондонским акцентом и вручившего мне два тома «Истории Османской Империи и современной Турции» Стэнфорда Дж. Шоу и Эцеля Курала Шоу. Их тематический указатель не оставлял сомнений: «Armenian

nationalism, terrorism; Armenian revolt; Armenian question; war with Turkish nationalism»[45]. Столь же возмутительно, но менее понятно то, что в историческом обзоре, предлагаемом в путеводителе Lonely Planet по Турции, также обходятся стороной систематические массовые убийства, которые стоили жизни более чем миллиону человек и стали первыми в череде геноцидов XX века.

В магазине, расположившемся по соседству с бюстом турецкого первопечатника, венгра по происхождению, я неоднократно завязывал разговор с книготорговцем, прекрасно говорившим по-английски и постепенно становившимся все более откровенным. Орхан Памук, незадолго до того получивший Нобелевскую премию, был, по его мнению, посредственным писателем, который воспользовался своими связями за рубежом. А геноцид армян — это историческое событие, и его, безусловно, неверно обозначать словом «геноцид», потому что сначала нужно отделить факты от пропаганды. Я не знаю, звали ли его Бурак Туркменоглу или Расим Юксель, потому что у меня сохранились и его карточка, и карточка мужчины средних лет, всегда тщательно выбритого, который в тот день, когда я ночным автобусом отправлялся в Афины, продал мне книгу в голубом футляре за сорок долларов. Но я отлично помню, как горели его глаза в полумраке магазина.

Литература, отрицающая исторические факты, в Турции присутствует в изобилии, как и антисемитская литература в Египте и исламофобская в Израиле. В книжном магазине Madbouly на площади Талаат Харб в Каире, рядом с другими, столь же подозрительными книгами, я видел три экземпляра «Протоколов сионских мудрецов». В нем также имелось полное собрание сочинений Нагиба Махфуза — единственного египетского писателя, который подражал Стайн или Боулзу и при жизни превратился в туристическую достопримечательность, будучи постоянным посетителем Fishawi («Кафе зеркал»). В иерусалимском книжном Sefer Ve Sefel, открытом на улице Яффо в 1975 году с целью продавать книги на английском, кафе при котором пришлось закрыть во время интифады, или в Tamir Books на той же улице, торгующем только книгами на иврите, тоже присутствуют — среди прочих — совершенно неприемлемые политические и историографические тенденции. В неспециализированных книжных магазинах

45 Армянский национализм, терроризм; армянский бунт; армянский вопрос; война с турецким национализмом (*англ.*).

обычно как в капле воды отражаются общества, в которых они существуют, так что радикальные меньшинства оказываются представлены на небольшом количестве полок. Но в Иерусалиме я меньше ходил по книжным, чем в Тель-Авиве — городе менее религиозном и потому более толерантном. И книжный, куда я заходил ежедневно во время моего пребывания в Каире, был другим: это был магазин Американского университета, аполитичный и светский. В нем я купил одну из самых красивых книг, которые я когда-либо дарил: «Современную арабскую каллиграфию» Нихада Дукхана.

Я никогда не видел за работой арабского каллиграфа, зато видел китайского. В главных китайских и японских городах я, как обычно, посетил десятки книжных магазинов, но не могу отрицать, что меня интересовали не столько большие магазины, не эти идеально упорядоченные склады с рядами непонятных мне знаков, а пространства иного рода, куда меня, путешественника, влекло их восточное обаяние. В токийском Libro Books я с удивлением обнаружил, что Харуки Мураками издал несколько томов интернет-переписки со своими фанатами. В шанхайском Bookmall с удовольствием листал китайский перевод «Дон Кихота». Но особенно меня зачаровывало смешение открытия и узнавания в чайных в хутунах, на Философском пути, в некоторых садах, в лавках древностей, в мастерской пожилого каллиграфа. Быть может,

оттого, что я не понимал речи, звучавшей вокруг, мне нравилось слушать музыку чжунху или жуаня[46]. Быть может, оттого, что мне была недоступна японская литература в оригинале, я влюбился в бумагу, в которую заворачивают книги, в коробки конфет, в стаканы или тарелки, в это удивительное и утонченное искусство изготовления предметов из бумаги.

В одной пекинской антикварной лавке я вдруг вспомнил свой удачный будапештский опыт. После долгого изучения запыленных стеллажей, полных удивительных предметов, я обратил внимание на чайник, который показался мне более доступным, чем гравюры, ковры или вазы. Поскольку мы друг друга не понимали, прислуживавший мне подросток взял детский калькулятор с огромными клавишами и набрал цену в долларах. Тысяча. Я вырвал у него аппарат и набрал мое предложение: пять. Он сразу же опустил цену до трехсот. Я поднял до семи. Он попросил помощи у хозяина, невозмутимого древнего старика с жадным взглядом, который сел передо мной и парой жестов сообщил мне, что теперь разговор принял серьезный оборот: пятьдесят. Я поднял до десяти. Он попросил сорок, тридцать, двадцать, двенадцать. Эту последнюю цену я и заплатил, довольный собой. Он завернул мне чайник в белую шелковую бумагу.

Когда американский турист в Будапеште заплатил в шесть раз больше, чем я, за такую же точно шкатулку, я начал было гордиться собственным умением торговаться. Когда в Пекине на следующий день после новой покупки я увидел на рынке сотню таких же чайников, как мой, но блестящих, незапыленных, изготовленных серийно и выставленных на коврике на полу по цене доллар за штуку, я понял, что аура связана с контекстом (или снова вспомнил об этом). Сравнение и контекст — основополагающие факторы еще и для того, чтобы оценить значение книги, текст которой представляет собой реальность, привязанную

46 Традиционные китайские струнные инструменты.

к определенному моменту производства. Этим постоянно занимается литературная критика: она устанавливает сравнительную иерархию в рамках конкретного культурного поля. Нет физического места, где мы, читатели, сравниваем больше, чем внутри книжного магазина. Но для того, чтобы провести это сравнение, мы должны понимать язык, на котором написаны листаемые нами книги. Поэтому и для меня, и для множества других западных читателей многие культурные системы, называемые *Востоком*, и книжные магазины, где они материализуются, составляют параллельную вселенную, странствия по которой не только завораживают, но и удручают.

Именно в Китае в начале II века до н. э. была изобретена бумага. Судя по всему, эта заслуга принадлежит евнуху Кай Луню, изготовившему тесто из тряпок, конопли, древесной коры и рыболовных сетей. Поскольку бумага была менее благородна, чем бамбук и шелк, ей понадобились века для того, чтобы стать лучшим носителем письменного слова: лишь в VI веке она вышла за пределы Китая и только в XII веке достигла Европы. Во Франции ее производство оказалось тесно переплетено с производством льна. К этому времени китайские типографы уже владели подвижным шрифтом, но наличие тысяч иероглифов не позволило книгопечатанию произвести революцию, которую осуществил Гутенберг четыреста лет спустя. Это не отменяет того факта, что, как писал Мартин Лайонс: «К концу XV века Китай произвел больше книг, чем весь остальной мир вместе взятый». Каждая книга — предмет. Тело. Материя. Шелковичные черви и их выделения. Гутенбергу пришлось разработать несмываемые чернила на основе оливкового масла, экспериментируя с сажей, лаком и яичным белком. Изготавливать литеры из сплавов свинца, сурьмы, олова и меди. В последующие века было создано другое сочетание: ореховая скорлупа, смола, льняное семя и скипидар. Хотя впоследствии получило распространение промышленное производство бумаги на основе древесины сосны или эвкалипта наряду с коноплей или хлопком, ее изготовление из тряпья, сотканного из этих последних материалов, чистой целлюлозы, очищенной от коры, по-прежнему остается синонимом качества для специалистов. До XVIII века книга все еще зависела от старьевщика; затем были разработаны современные системы, позволяющие извлекать бумагу из древесной массы, и цена книги сократилась наполовину. Потому что тряпье было дешевым, но сам процесс — дорогим. В своих исследованиях о Бодлере, как мы уже

видели, Беньямин настойчиво вводит фигуру старьевщика как коллекционера, как архивариуса всего того, что было уничтожено городом, остатков кораблекрушения капитала. Помимо аналогии между тканью и синтаксисом, между тряпьем и устареванием изданного, важен этот замыкающийся круг: переработка, поглощение мусора промышленностью для того, чтобы машина информации не останавливалась.

На Востоке на протяжении веков сохранялось представление о том, что лучше всего содержимое книги усваивается, если ее переписывать вручную, что ум и память делают со словами то же, что с чернилами делает бумага.

> В пространство знаков мы проникаем через писчебумажную лавку — место и каталог вещей, необходимых для письма.
> *Ролан Барт. «Империя знаков»*[47]

47 *Барт Р.* Империя знаков / Пер. с фр. Я. Бражниковой. М.: Праксис, 2004.

7.
Америка (1): «coast to coast»[48]

48 От побережья к побережью (*англ.*).

> С одной стороны, текст осуществляет пространственную операцию — закреплять или смещать границы, определяющие культурные поля (знакомое против чужого) и вырабатывающие пространственное распределение, которое поддерживает и организует ту или иную культуру. Но для того, чтобы изменить, укрепить или поколебать эти социальные или этнокультурные границы, необходимо пространство игры.
> *Мишель де Серто. «Место другого»*

Классический маршрут *путешествия от побережья к побережью* начинается в Нью-Йорке и заканчивается в Калифорнии. Поскольку и данный «опыт», незаконнорожденный сын Монтеня, — классический, мы последуем именно по этому маршруту с редкими промежуточными остановками. По маршруту, который неизбежно выльется в путешествие, текстуальное и аудиовизуальное, по легендам американской культуры, культуры, которая если чем-то и характеризуется, то как раз производством современных легенд.

Легенды эти связаны по большей части с личностями, но одновременно и со значимыми пространствами, зачастую имеющими коллективные коннотации. То есть Элвис Пресли — это человек, пребывающий в движении, а значит, он маршрут, биография; но он также и Грейсленд, и Лас-Вегас. А Майкл Джексон обрел *пространственное измерение* в Неверленде, так же как Уолт Дисней — в своем первом тематическом парке в Калифорнии. Точно так же можно проследить культурную историю Соединенных Штатов в прошлом веке, перечисляя в хронологическом порядке некоторые характерные места, являющиеся *примерами* необъятного целого. В двадцатые годы XX века проходили знаменитые обеды в ресторане нью-йоркского отеля The Algonquin, где писатели, критики и издатели, такие как Джон Питер Тули, Роберт Шервуд, Дороти Паркер, Эдмунд Уилсон, Харольд Росс, спорили об эстетике и индустрии национальной и международной литературы. В тридцатые в том же городе появился книжный Gotham Book Mart, который специализировался на распространении произведений авторов-экспериментаторов и проводил разнообразные литературные конференции и праздники, в нем постепенно стали собираться эмигрировавшие из Европы авангардисты. В сороковые годы решающую роль в развитии абстрактного экспрессионизма, ставшего главной формой национального авангарда, сыграла нью-йоркская

галерея Art of This Century Пегги Гуггенхайм, а в пятидесятые сан-францисский книжный City Lights взялся за распространение самых значимых книг эпохи, сопровождая это их презентациями и творческими вечерами. Манхэттенская Factory («Фабрика») под руководством Энди Уорхола прославилась в шестидесятые как киностудия, художественная мастерская и место проведения вечеринок с наркотиками, а в последующее десятилетие и в начале восьмидесятых ее слава перешла к ночному клубу Studio 54.

Как можно заметить, речь идет о точечных *хронотопах*, имеющих отношение в первую очередь к Восточному побережью, хотя американскую культуру не понять без постоянного «Coast to Coast»: «Я люблю Лос-Анджелес. Я люблю Голливуд. Они такие красивые. Там все из пластика, но я люблю пластик. Я хочу быть пластиковым», — сказал Уорхол. Если бы мне нужно было выбрать одно-единственное здание как символ интеллектуальной жизни Соединенных Штатов в течение XX века, то им стала бы гостиница Chelsea («Челси»), открывшаяся в 1885 году и действующая до сих пор. Список связанных с ней знаменитостей и важных вех можно было бы начать Марком Твеном и завершить Мадонной (в клипе Sex появляются кадры номера 822). В него войдут некоторые люди, пережившие крушение «Титаника», Фрида Кало и Диего Ривера, самоубийство Дилана Томаса в 1953 году, написание Артуром Ч. Кларком «Космической одиссеи 2001 года», сочинение Бобом Диланом Blonde on Blonde, исполнение Леонардом Коэном Chelsea Hotel #2 и некоторые сцены из «Девяти с половиной недель». Отель, подобно книжному магазину, представляет собой значимое в истории идей пространство, служащее местом встречи мигрантов, местом интенсивного чтения и одиночества (его так

хорошо описал Эдвард Хоппер), письма и творчества, обмена опытом. Он также находится в точке расхождения между уникальностью и клонированием, между независимостью и сетями, а его предназначение подобно предназначению музея. И находится он за пределами институциональной среды, вследствие чего его история соткана из множества непоследовательностей. Казалось бы, сто двадцать пять лет существования Chelsea дают возможность выстроить историю этого отеля, повидавшего сотни художников, в хронологическом порядке, но рассказывать о нем можно, только отталкиваясь от великого множества биографий и дат.

Культовым пространством для представителей бит-поколения и их свидетелем стала гостиница Beat в Париже — городе, который, по словам Берроуза, является «омерзительной дырой для того, у кого нет ни гроша», и который полон французов, «настоящих свиней». Но именно здесь он закончил «Голый завтрак» и работал со своими cut-ups[49] благодаря возможности, представленной ему именно француженкой — госпожой Рашу, управлявшей безымянной гостиничкой по адресу улица Жи-лё-Кёр, 9, где он поселился вместе с Гинзбергом, Корсо и другими друзьями. В определенный момент, когда движение превратилось в течение бит, в моду бит, в *битничество*, эта гостиница получила название Beat. Тот же город, в котором за полвека до того усилиями Хуана Гриса, Жоржа Брака и Пабло Пикассо родился кубизм, теперь встречал постмодернистский расцвет литературных нарезок и монтажа. После Танжера и Парижа употреблять наркотики и творить продолжили в нью-йоркской гостинице Chelsea. Берроуз писал, что это место «как будто специализировалось на смертях знаменитых писателей». Съемки «Девушек из “Челси”», экспериментального фильма Уорхола 1966 года, можно рассматривать как переход от некоего примитивно и по-разному понимаемого романтизма к началу серийного, зрелищного производства современного искусства.

Были ли *битники* хорошими клиентами книжных магазинов? Судя по тому, что о них известно, ответ будет отрицательным. Проще представить, как они одалживают друг другу книги, воруют их, на время берут с полок Shakespeare and Company, но не покупают. Действительно, книжный магазин Уитмена, судя по его обширной переписке, был для них прежде всего источником дохода: «Здешний книготорговец, друг Ферлингетти, держит

49 Нарезками (*англ.*).

на витрине пятьдесят экземпляров моей книги и продает несколько каждую неделю». Великим вором книг был Грегори Корсо, зачастую пытавшийся утром продать книги, которые стянул ночью в том же самом книжном магазине. Битникам определенно интереснее были букинистические, чем магазины, торговавшие современными изданиями. И чтение оригиналов — ведь они испытывали пристрастие не только к химическим веществам, но и к эпистолярному искусству, к лирическому упоению в ритме джаза. Хотя легенды существуют прежде всего для того, чтобы их развенчивать: в Париже, например, битники пользовались доступом к книгам Olympia Press, приобретая произведения запрещенных американских и французских авторов. «Ферлингетти прислал мне вчера 100 долларов, так что мы пообедали, я дал Грегори 20 долларов в счет просроченного платежа за квартиру, и он временно переехал к нам, — пишет Гинзберг Керуаку в письме, датируемом 1957 годом, — мы купили грязную книжку Жене и Аполлинера, пакетик джанка, спичечный коробок гашиша и дорогой пузырек соевого соуса». Живя в Chelsea, они ходили по нью-йоркским книжным вроде The Phoenix Bookshop, который напечатал на стеклографе журнал Fuck You Эда Сандерса и инициировал издание поэтической серии карманного формата, составленной из произведений Одена, Снайдера, Гинзберга и Корсо. Сам Сандерс открыл в 1964 году в бывшем магазине кошерного мяса Peace Eye Bookstore. Помимо книг, контркультурные фетишисты могли приобрести там предметы вроде вставленных в рамку лобковых волос шестнадцати поэтов-новаторов или волоски из бороды Гинзберга за двадцать пять долларов. Вскоре этот книжный превратился в центр политической активности, среди прочего боровшийся за легализацию марихуаны. Второго января 1966 года полиция ворвалась в магазин и задержала владельца, обвиненного в том, что он держал непристойную литературу и развратные пластинки. Хотя судебный процесс он выиграл, конфискованный материал ему не вернули, поэтому магазин пришлось закрыть.

Если в результате сложной культурной, экономической и политической операции, осуществленной не без помощи ЦРУ, абстрактные экспрессионисты в пятидесятые годы превратились в наследников европейских художников-авангардистов, то благодаря слиянию новой социальной силы, новых способов понимания жизни, путешествия, музыки и искусства, перформативных, как мазки Джексона Поллока, бит-поколение стало наследником поколения потерянного и французских сюрреалистов, то есть

неблагонадежных завсегдатаев улицы Одеон. Вплоть до послевоенных лет Gotham Book Mart оставался американским аналогом Shakespeare and Company. В дневнике Анаис Нин мы можем прочесть, что книжный магазин Фрэнсис Стелофф «играл ту же роль, что магазин Сильвии Бич в Париже». Тот же заразительный энтузиазм, та же поддержка нон-конформистских поэтических форм: самой Нин одолжили сто долларов и разрекламировали ее всеми возможными способами, чтобы собрать средства на издание ее книги «Winter of Artifice», выход которой был отмечен большим праздником. Но после Хиросимы Фрэнсис Стелофф не смогла или не захотела разглядеть мощь битников, и в ее знаменитом книжном сохранялся литературный дух довоенной эпохи. Чего не скажешь об искусстве: именно она разыскала для Дюшана ремесленника, изготовившего макет его знаменитого «музея в чемодане», именно на ее витрине была выставлена его инсталляция по случаю выпуска одной из книг Бретона, и именно она вместе с Пегги Гуггенхайм разработала дизайн другой витрины, посвященной Art of This Century. В 1947 году она основала Общество Джеймса Джойса, первым членом которого стал Т. С. Элиот. Почти десятилетием ранее, когда ирландский писатель был еще жив, Стелофф устроила в витрине сцену поминок — в честь «Поминок по Финнегану». Связь с умершим автором стала тем не менее приводить к нежелательным для книжного магазина ассоциациям с музеем. При этом книжный был еще относительно молодым: открывшись в 1920-м, он просуществовал до 2007 года. Его владелице, которой тогда было меньше пятидесяти, суждено было перешагнуть столетний рубеж.

Достаточно прочесть «В компании гениев. Воспоминания владелицы нью-йоркского книжного», для того чтобы констатировать, что, хотя Gotham Book Mart покровительствовал маленьким журналам и фэнзинам, поддерживал молодых авторов и высококачественную литературу, он всегда оставался верен своим корням — литературе первой половины XX века. Перечень ключевых произведений этой эпохи мы находим в мемуарах «We Moderns. 1920–1940», опубликованных в 1975 году. Они напоминают тексты Бич: неслучайно обе владелицы книжных родились в одном и том же 1887 году и посвятили жизнь распространению произведений одних и тех же авторов во главе с Джойсом. В своих текстах Стелофф подражает предшественнице и становится помощницей («Я никогда не обращалась к клиентам, если только мне не казалось, что им нужна помощь») и коллекционером именитых посетителей. С Бич она познакомилась в Париже, а затем они много раз встречались, о чем Стелофф рассказывает в одной из глав мемуаров, закачивающейся так: «Наши магазины зачастую воспринимались как схожие, хотя у меня никогда не было тех преимуществ, которыми пользовалась она».

В двадцатые и тридцатые годы Gotham Book Mart был прежде всего центром распространения запрещенных в стране книг, островом, где можно было найти сокровища вроде книг Анаис Нин, Д. Г. Лоренса и Генри Миллера: именно эти произведения он популяризировал и именно на этой основе зиждилась его репутация. Мы находим упоминания о нем в личной переписке этих авторов. Например, в одном письме автор «Тропика Рака» пишет Лоренсу Даррелу:

> Разумеется, продажи идут не очень бойко — ни «Черной книги», ни «Макса». Но они потихоньку распродаются. Я сам купил, заплатив из своего кармана, немалое число твоих книг, которые у меня просили друзья. А теперь, когда в Америке на них ополчилась цензура, мы можем кое-чего добиться, по крайней мере через Gotham Book Mart. Примерно через десять дней я должен получить от них интересные новости, потому что я рассказал им в письме, как обстоят дела. Предполагаю, что у Кэрнса не нашлось времени с тобой повидаться; пароход отходил на следующий день после его прибытия. Но он очень высокого мнения о тебе и обо всех нас; он хороший малый, честный и немного наивный, но в хорошем смысле. Я считаю его хорошим другом и, возможно, моим лучшим критиком в Америке.

Gotham Book Mart и его знаменитый девиз «Wise Men Fish Here»[50] появляются в комиксе «Ты моя мать?» Элисон Бекдел, в котором говорится: «Этот книжный тут был всегда, это закон жизни». Культура всегда циркулировала и по собственным путям, альтернативным сложившемуся рынку, и по официальным каналам, но особое внимание заслуживает упоминание Хантингтона Кэрнса, которое помогает понять всю сложность отношений между искусством и политической властью в Соединенных Штатах. Ведь речь идет не только о великолепном читателе, но еще и об адвокате, дававшем советы Министерству финансов относительно произведений, которые могли быть сочтены порнографическими. Иными словами, он был цензором. Возможно, самым важным цензором своей эпохи. Письмо, отправленное Миллером из Парижа в марте 1939 года, завершается ни больше ни меньше такими словами: «Здесь в Париже я — дзен, и я никогда не чувствовал себя лучше, более ясно мыслящим, уверенным, сосредоточенным. Только война могла бы меня от этого отвлечь». В другом письме того же времени, которое он отправил Стелофф и в котором предлагал ей последние экземпляры первых изданий «Тропика Рака» и «Черной весны», он заводит свои рассуждения еще дальше: «Мое решение не основывается на страхе перед войной. Не думаю, что она начнется в этом году, и не думаю, что она начнется в следующем». Хорошо, что он посвятил себя писанию, а не гаданию.

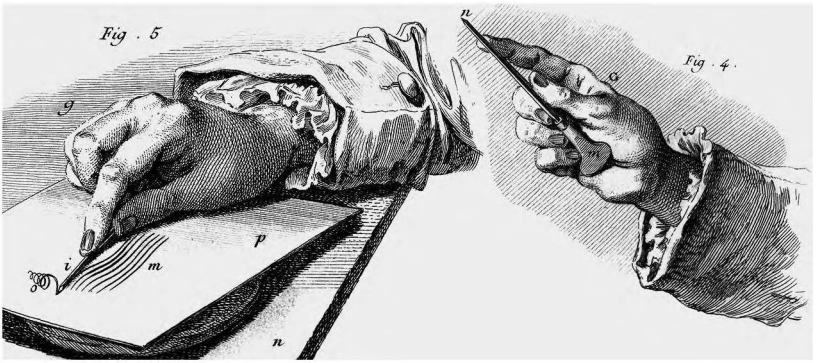
В 1959 году Гэй Талес освещал историю «Любовника леди Чаттерлей» — романа, который до этого времени был запрещен в стране. Федеральный судья отменил постановление о признании романа непристойным, вынесенное двумя годами ранее Верховным судом в ходе судебного процесса Сэмюэла Рота против Соединенных Штатов Америки по обвинению в распространении порнографии:

> Освобождение романа началось благодаря усилиям, предпринятым в суде нью-йоркским издательством Grove Press, которое подало иск и выиграло процесс против Почтового ведомства Соединенных Штатов, до этого времени присваивавшего себе абсолютную власть в вопросах запрета отправок по почте «грязных» книг и других спорных материалов. Сторонники литературной свободы немедленно провозгласили судебный триумф Grove Press национальной победой над цензурой и подтверждением силы Первой поправки к Конституции.

50 Здесь ловят рыбу умные люди (*англ.*).

Так завершилась одна из цензурных эпопей, каковых в истории культуры было множество, хотя уже в 1763 году появилось знаменитое «Письмо о книжной торговле» Дидро, где автор скрупулезно исследует издательскую систему, от авторских прав до отношений писателя с типографом, издателем и книготорговцем. С некоторыми поправками его исследование применимо к немалому числу составляющих, на которые с юридической и концептуальной точки зрения по-прежнему делится торговля книгами. Тому же Дидро, продавшему свою библиотеку, чтобы дать приданое дочери, автору «Энциклопедии» и многих известных писем (например, «Письма о глухонемых» или писем к Софи Волан), Дидро, бывшему, возможно, любовником русской царицы и издавшему после ее смерти один из первых великих романов современности под названием «Жак-фаталист», принадлежат такие строки об обращении запрещенных книг:

> Прошу, назовите мне хотя бы одну опасную и запрещенную книгу, незаконно напечатанную за границей или у нас в королевстве, которая за каких-нибудь четыре месяца не стала бы столь же ходовой, как и издание, выпущенное по привилегии. Найдется ли книга, более противная благонравию, религии, общепринятым философским и государственным воззрениям, короче — более противная всем распространенным предрассудкам, а значит и более опасная, чем «Персидские письма»? Можно ли сочинить что-нибудь ужаснее? Тем не менее существует сотня изданий «Персидских писем», и любой ученик Коллежа четырех наций способен за двенадцать су раздобыть экземпляр этой книги на набережной. У кого нынче нет переводов Ювенала или Петрония? А уж переизданий «Декамерона» Боккаччо, «Басней» Лафонтена или романов Кребийона и подавно не счесть. <...> Разве наши, французские наборщики не могут проставить в нижней части титульного листа: «Издательство Меркюс, Амстердам» точно так же, как это делает работник Меркюса? <...> «Общественный договор» многократно перепечатывался и продавался всего за один экю у самых ворот королевского дворца. Что же это означает? А то, что подобных книг у нас не стало ни больше, ни меньше, но за их изготовление мы заплатили иностранным мастерам, хотя терпимое отношение магистрата и более разумные меры могли бы уберечь нас от этих трат. Теперь же приходится иметь дело с разносчиками, которые наживаются на запрете, удвоившем или даже утроившем любопытство читателей, и запрашивают слишком высокую цену в возмещение той действительной или



мнимой опасности, коей они подвергаются, пытаясь это любопытство удовлетворить.

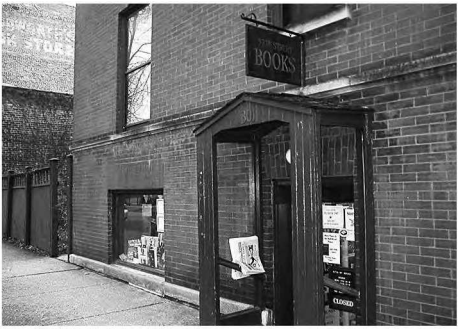
В то время как маленькие лавочки, зачастую существующие очень недолго, подпитывают литературное воображение вне рамок *мейнстрима*, книжные, кичащиеся огромными размерами, напоминают нам о том, что издательское дело основывается не на произведениях для избранных, публикуемых малыми тиражами, а на массовом производстве, подобном производству пищевых товаров. С нью-йоркской гостиницей Chelsea в смысле независимости, долговечности и значимости мог бы соперничать магазин Strand с его «18 милями книг». Его основал в 1927 году Бенджамин Басс, завещавший его сыну Фреду, который, в свою очередь, оставил его в наследство дочери Нэнси, а та уже передала его в 2006 году собственным детям Уильяму Питеру и Аве Роуз Уайден. «Семейное дело» — это сказано о них. Четыре поколения и два магазина: первый, в «Книжном ряду» на 4-й улице, оставшийся единственным из почти пятидесяти когда-то здесь торговавших, и новый — на углу 12-й улицы и Бродвея. Хосе Доносо красноречиво описывал его значение в статье под названием «Нью-йоркская одержимость»:

> Тем не менее я хожу не по крупным книжным: мой путь непременно пролегает через Strand на углу 12-й улицы и Бродвея, это святилище букинистических книг, где можно найти все или заказать все и где субботними вечерами и по утрам в воскресенье можно увидеть знаменитостей из мира литературы, театра и кино в джинсах и без макияжа в поисках чего-то, что могло бы дать подпитку их пристрастиям.

Отмечу это дважды повторенное *все*: мысль о том, что есть книжные, подобные Вавилонской библиотеке, в противоположность другим, которые похожи на стол Якоба Менделя в кафе Glück. Strand может похвастаться двумя с половиной миллионами наименований. Размер, количество, рекордную протяженность полок как инструмент рекламы используют многие книжные в Соединенных Штатах — стране, которой по определению присуща мегаломания. И в соседней Канаде: «World's Biggest Bookstore»[51] находится в Онтарио, а прежде здесь располагался большой боулинг. Двадцать километров его книжных полок увековечила эта запоминающая машина, этот читатель в режиме автопилота под названием Номер 5 в сиквеле «Короткого замыкания», когда его жадность до информации приводит к большой неразберихе в книжном. Реклама же к югу от американо-канадской границы сообщает, что самый большой академический книжный в мире находится в Чикаго. В те месяцы, что я жил в чикагском Гайд-Парке, я был его завсегдатаем: Seminary Coop Bookstore на 57-й улице, рядом с университетской библиотекой, — лучшее укрытие в снежную погоду. Его визитной карточкой служил The Front Table — цветной буклет с перечислением самых интересных новинок; бесплатно можно было брать и другие буклеты. В его залах можно было подолгу листать книги в полном одиночестве. Главным магазином тем не менее считался не тот, что на 57-й улице, а располагавшийся в подвале Теологической семинарии, посреди университетского кампуса, где теперь находится Институт экономических исследований имени Беккера и Фридмана. Чикагский университет заслуженно гордится двадцатью четырьмя Нобелевскими премиями по экономике, присужденными его преподавателям, приглашенным исследователям и выпускникам, но вот о пребывании в его коридорах и неоготических аудиториях Сола Беллоу и Джона Максвелла Кутзее рассказать мне не смог никто. Зато в интернет-журнале Gapers Block я обнаруживаю рассказ книготорговца Джека Селлы, который вспоминает, что Беллоу с удовольствием копался в только что доставленных, еще не распакованных книгах, этих новейших обитателях книжного мира.

Prairie Lights, наоборот, сумел воспользоваться близостью к самым известным в стране курсам литературного письма — курсам Университета Айовы. На его сайте указаны имена и фамилии

51 Самый большой книжный в мире (*англ.*).



семи лауреатов Нобелевской премии по литературе, которые его посетили: Шеймас Хини, Чеслав Милош, Дерек Уолкотт, Сол Беллоу, Тони Моррисон, Орхан Памук и Дж. М. Кутзее. Речь идет о личном проекте Джима Харриса, выпускника факультета журналистики, решившего вложить небольшое наследство в книготорговлю и в 1978 году открывшего свой книжный. Нынешний магазин, принадлежащий его бывшим сотрудникам, по чистому совпадению занимает то же помещение, где в тридцатые годы располагалось литературное общество, куда входили Карл Сэндберг, Роберт Фрост и Шервуд Андерсон. Один из выпускников знаменитых писательских курсов, Абрахам Вергезе, в книге «Мой книжный. Писатели рассказывают об излюбленных местах для поисков, чтения и покупок» писал, что поставщиками книг в Prairie Lights служили также и преподаватели, «формировавшие наши вкусы, и — что еще важнее — обращавшиеся с нами как с серьезными писателями, с людьми, обладавшими большим потенциалом, хотя у нас самих в то время такой веры в себя не было». В той же книге Чак Паланик, рассказывая о Powell's City of Books, иронизирует над презентациями издательских новинок: Марк Твен умер от стресса во время одного из рекламных турне.

Следующей остановкой в нашем книжном путешествии *от побережья к побережью* можно назначить Tattered Cover в Денвере, ведь здесь останавливаются все значимые авторы, совершающие поездки по Соединенным Штатам, в том числе Барак Обама. С 1973 года его возглавляет Джойс Мескис, настоящий гражданский лидер, которую ее соседи и клиенты уважают настолько, что около двухсот человек помогали ей при переезде магазина, перенося заполненные книгами коробки в близлежащие помещения. Мескис установила минимальную торговую наценку, от одного до пяти процентов, чтобы выдержать конкуренцию

с сетевыми книжными и показать клиенту, что именно он является главным героем и главным выгодополучателем. Ее открытость и дружелюбие проявляются и в наличии десятков кресел, которые, по мысли хозяйки, должны напоминать посетителю о том, что он находится в месте, похожем на гостиную его дома. Отличительной чертой Tattered Cover всегда была защита гражданских прав. В 2000 году эта его деятельность попала в национальные выпуски новостей: после того как полиция попыталась получить сведения о покупателе книги, содержавшей, по данным правоохранителей, инструкцию по изготовлению метамфетамина, книжный магазин, опираясь на все ту же Первую поправку, добился от Верховного суда решения в свою пользу. В конце концов оказалось, что речь шла об учебнике японской каллиграфии.

Через две тысячи километров, оставив по левую руку Лас-Вегас и Рено, мы добрались бы до другого американского книжного, который в обязательном порядке посещает каждый писатель, рекламирующий свою новую книгу, — уже упоминавшегося Powell's в Портленде. Его оформление в виде казино должно нравиться Паланику: бесчисленные связанные между собой торговые залы, лабиринт, где у каждого из девяти помещений есть свое имя (Позолоченый, Розовый, Пурпурный), как у персонажей «Бешеных псов». Или как в огромном борделе. Как и в Strand или других отличающихся мегаломанией книжных, качество — это сокровище, которое нужно искать среди бесчисленного количества. Полтора миллиона книг — ни больше ни меньше. Пройти его — значит совершить путешествие, используя карту магазина в качестве компаса: быть может, цель заключается в том, чтобы найти Rare Books Room с изданиями XVIII–XIX веков или просто добраться до кафе, отдышаться там и передохнуть. Ведь Powell's в Портленде настолько прославился своими размерами (быть может, это *действительно* самый большой книжный в мире), что превратился в туристическую достопримечательность и поэтому сюда стекаются посетители со всей огромной страны.

Калифорния находится на юге. Чтобы доехать до Лос-Анджелеса, где был снят шедевр Квентина Тарантино, где было спроектировано и даже построено так много книжных, торгующих художественной литературой, нужно проехать через Беркли и Сан-Франциско. В маленьком университетском Беркли стоит зайти в Moe's Books — здание с двумястами тысячами книг, новых, букинистических, старинных. Это книжный с более чем

полувековой историей. Основанный Мо Московицем в 1959 году, он стал культурным центром в пропитанные политикой шестидесятые на фоне протестов против войны во Вьетнаме. В 1968 году книготорговец был арестован за продажу скандальных изданий (вроде комиксов Роберта Крамба и книг Валери Соланас). После его смерти в 1997 году у штурвала встала его дочь Дорис, которая теперь руководит магазином вместе со своим сыном Эли, представителем третьего поколения независимых книготорговцев. А в соседнем Сан-Франциско нас ждут четыре замечательных книжных: самый старый магазин Калифорнии Books Inc., самый известный в стране City Lights, самый, быть может, восхитительный из известных мне Green Apple Books и, наконец, один из самых интересных, если говорить об отделах искусства и общественных наук, Dog Eared Books.

История первого восходит к середине XIX века, когда в самом разгаре была золотая лихорадка. В 1853 году швабский путешественник Антон Роман стал продавать книги и музыкальные инструменты шахтерам Шаста-Сити в магазине под названием Shasta Book Store напротив гостиницы El Dorado. Магазин вскоре расширился за счет художественной галереи, организованной Романом: в этой глуши еще только предстояло создать все — культуру, историю, музыку, само представление о фронтире. Через четыре года магазин вместе с галереей переехал в Сан-Франциско, где при нем появились типография и издательство. С тех пор он менял месторасположение и название столько раз, что единственное, что ему принадлежит наверняка, это девиз: «Самый старый независимый книжный Запада».

О City Lights, которым и сегодня руководит поэт Лоуренс Ферлингетти, в этой книге уже говорилось, когда речь шла о связях с Францией, неоднократно прослеживаемых в истории культуры Соединенных Штатов. Разумеется, магазин расположен в центре города — рядом с китайским кварталом, Маленькой Италией и большинством туристических достопримечательностей.

Green Apple Books, напротив, разместился на периферии: на Клемент-стрит, главной транспортной артерии колоритного района. Он фигурирует в романе «Королевская семейка» Воллманна как место, куда стоит прийти в поисках ответов. Это происходит с героем романа, который открывает буддистские письмена и читает: «Вещи не уходят и не приходят, не появляются и не исчезают, их даже не приобретают и не теряют». Впервые

оказавшись в Сан-Франциско, я отправился в паломничество в City Lights, потому что тогда еще верил в силу виртуального паспорта, однако, когда десять лет спустя я вернулся и меня привели на Клемент-стрит, я почувствовал, что приобретаю нечто, чего никогда не потеряю.

Потому что гармония между новыми и букинистическими книгами, продуманный беспорядок, десятки коридоров, проходов, переходов и лестничных пролетов, десятки написанных от руки отзывов, служащих своего рода руководством для покупателей в их выборе, а также деревянный пол делают Green Apple Books тем, чем он является — книжным доступным и традиционным. Ведь книжный магазин состоит в первую очередь из того, что отличает его: из постеров, фотографий, рекомендуемых или выставленных на видные места книг. В Green Apple Books можно увидеть окантованное «Открытое письмо» Хантера С. Томпсона, которого в середине шестидесятых годов привлек в Сан-Франциско магнетизм движения хиппи. Над лестницами раскинулась огромная карта Соединенных Штатов; но есть и отдел при входе под названием «Read the World» («Читай мир»), где выставлены переводные новинки. А правая стена первого этажа — настоящий музей африканских и азиатских масок, созданный Ричардом Савоем, открывшим магазин в 1967 году, когда ему было всего двадцать пять, и работавшим до того радиотехником в American Airlines.

Но прежде всего здесь читают. Лабиринты Green Apple Books полны скрывающихся, погруженных в молчание, словно запертых в кельях буддистского монастыря или в катакомбах первых христиан, читателей — любого возраста и достатка, стоящих, опустившихся на корточки или сидящих. А это бесценно.

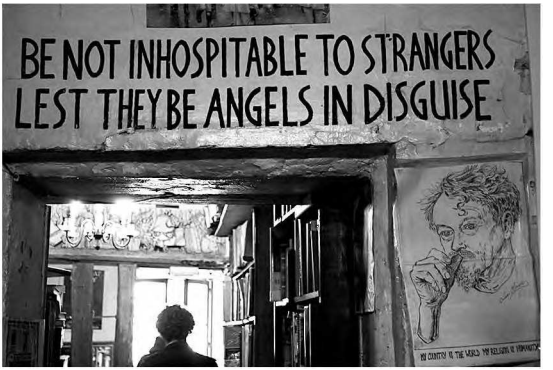
Книжный — это община верующих. Это нигде не ощущается так явственно, как в магазине Dog Eared Books, создающем начиная с 1992 года атмосферу подлинного сопереживания с обитателями Мишн-Дистрикт. Помимо журналов, книг, дисков и произведений графики, мы обнаруживаем в витрине идеальное изображение той полной нежности и уважения связи, которую книжный магазин создает со своими клиентами-читателями: это алтарь мертвых, его каждую неделю обновляет художница Вероника де Хесус. В нем сосуществуют безымянные соседи, личные друзья, писатели и поп-звезды. Знаменитые или безвестные читатели, породненные смертью и почитаемые книжным магазином, ощущающим себя прежде всего частью района.

На один из стеллажей Green Apple Books кто-то приклеил фотографию Мэрилин Монро, читающей «Улисса». Телесная красота Голливуда и ирландская Душа. Душа писателя, уехавшего в Триест или в Париж. Соединенные Штаты читают Европу. В старой музыкальной комедии «Забавная мордашка» эта ситуация получила любопытный поворот. По заданию издателя модный

фотограф, которого играет Фред Астер, должен найти новую модель, соединяющую в себе красоту и ум, девушку, чьи мысли «так же хороши, как и внешность». Операция поиска и вербовки проводится в книжном магазине Embryo Concepts в Гринвич-Виллидж, придуманном на голливудской съемочной площадке: в нем он знакомится с Джо Стоктон, прекрасной девушкой, философом-любителем (в обличии Одри Хепберн), и убеждает ее поехать вместе в Париж на фестиваль моды. Она соглашается, но не потому, что ее привлекает перспектива съемок, а потому, что так она сможет посещать уроки философа, специализирующегося на «эмпатикализме». Любопытно смещение традиционных ролей в фильме 1957 года: он воплощает собой поверхностность, она — глубину. Но в конце, как и должно быть в мюзикле, они целуются, стирая или, по крайней мере, замораживая все предыдущие недоразумения. «Ноттинг Хилл» начинается с противоположной ситуации: он (Хью Грант) управляет независимым книжным, специализирующимся на путешествиях, а она (Джулия Робертс) — голливудская актриса. Пока она, впервые зайдя в этот книжный (вымышленный Travel Book Company — на самом деле обувной магазин, который теперь называется «Ноттинг Хилл»), разглядывает книги, он ловит вора и вежливо информирует его о том, что тот может оплатить покупку или вернуть экземпляр, спрятанный им в штаны. Именно вор узнает знаменитую актрису и просит у нее автограф; книготорговец же всего лишь влюбляется в нее.

Всякий книжный, эта территория любви, по определению выступает как место встречи: книготорговцев и книг, читателей и книг, читателей и продавцов, самих посетителей. Сближение между людьми в них более вероятно, чем в других пространствах, ведь они по природе своей могут служить и убежищем и путеводителем. Это странное ощущение, когда видишь издание Толстого или Лорки на арабском или японском, узнавая это по названию, или по фотографии автора, или благодаря собственной интуиции. Этот взаимный опыт новой встречи с кем-то в каком-то книжном мира. Поэтому неудивительно, что зарождение любви в библиотеке является устойчивым литературным и кинематографическим топосом. В сиквеле «Перед рассветом» два героя первого фильма, рассказывающего о чудесных часах, которые они провели в Вене девятью годами ранее, когда путешествовали по отдельности на поезде по Европе, вновь встречаются в книжном Shakespeare and Company. Объективная случайность: он стал писателем, а именно в этом месте в Париже американские писатели представляют

свои книги. Мгновение, когда он узнает ее, обладает магией классического эротического представления. Пока он излагает публике сюжет книги, которую он намерен написать, книги, которая была бы соткана из минимума настоящего и максимума воспоминаний и длилась бы столько же, сколько какая-нибудь популярная песня, через флешбэки нам открывают историю, о которой эта другая поверхностная история на самом деле рассказывает, фрагменты предыдущего фильма, той ночи в Вене. Тогда он поворачивается вправо и видит ее. И сразу ее узнает. Он начинает сильно нервничать. У них снова будет всего несколько часов, чтобы подхватить нить, которую они выпустили из рук почти десятилетием ранее. На рубеже прошлого и нынешнего веков преобладает романтизм, обволакивающий представление о книжном и превративший его в символ общения, дружбы, любви, как можно видеть на примере других образцов популярной культуры, от романов «Тень ветра» и «В погоне за Жасмин» до фильмов «Помни меня» и «Джули и Джулия» (в обоих присутствуют сцены, снятые в Strand) и особенно «Вам письмо». В последнем независимому книжному угрожает недавно открытый поблизости сетевой магазин, и управляющая первым (Мег Райан), и директор второго (Том Хэнкс) поддерживают отношения по переписке, не зная друг друга ни в лицо, ни по имени.



Платоническая любовь — любовь при знакомстве. В одной из серий первого сезона телесериала «Западное крыло» показывается, как полицейские устраивают оцепление всякий раз, когда президенту Бартлету приходит в голову купить старые книги: к ним он питает настоящую любовь. Большая часть книг, которыми он обзаводится, издана в XIX — начале XX века и довольно необычна:

Федр, Лукреций, сочинения об охоте на медведя, о горных лыжах. В современном фильме книжный магазин представляет собой пространство знаний, недоступных в официальных учреждениях — Библиотеке или Университете, — потому что книжный, будучи заведением частным, свободен от регулирования и потому что книготорговцы — еще бóльшие фрики, чем библиотекари или университетские профессора. Поэтому жанр фантастики и жанр ужасов превратили книжный под руководством нетипичного мудреца, собирающего изысканные и запретные сведения, в антикварный магазин с тайной комнатой или подвалом. Многие современные комиксы изображают книжный как тайный архив, например «Пацаны» Гарта Энниса и Дарика Робертсона, где подвал магазина комиксов хранит реальную память о мире супергероев, или «Неономикон» Алана Мура, в книжном которого можно купить самые разные предметы, имеющие отношение к магии и садомазохизму. Этот отрывок из рассказа «Битва, завершившая столетие» Лавкрафта идеально иллюстрирует представление о циркуляции субкультуры, находящейся за пределами системы:

> Отчет мистера Талька о данном событии, иллюстрированный известным художником Кларкаш-Тоном (изобразившим бойцов в виде бескостных грибов — символика, понятная только посвященным), был напечатан после нескольких отказов придирчивым редактором журнала «Мешок с призами из Города Ветров» У. Питером Шеф-поваром. Этот отчет, усилиями Отиса Адальберта Клайна, был, наконец, выставлен на продажу в книжном магазине «Размытый и Текущий». Три с половиной копии, благодаря соблазнительному описанию в каталоге Самюэля Филантропа, эсквайра, были все-таки проданы[52].

Но не только оккультизм, магия, религия или книги, запрещенные Инквизицией или диктатурами, находятся в кладовках или подвалах книжных: любая книга, обладающая аурой таинственности, малоизвестности, книга для happy few[53], неисчислимого меньшинства, connaisseurs[54], посвященных, может занимать эту

52 *Лавкрафт Г. Ф., Барлоу Р. Х.* Битва, завершившая столетие (Рукопись, найденная в машине времени) / Пер. с англ. А. Черепанова. http://samlib.ru/c/cherepanow_a_j/thebattlethatendedthecentury.shtm

53 Немногих счастливцев (*англ.*).

54 Знатоков (*франц.*).

потайную нишу. Будучи изданными, книги по большей части оказываются доступны множеству читателей: их цена рассчитывается на основании факторов, действующих в настоящем. С течением времени, в зависимости от *удачи* произведения и автора, в зависимости от его своеобразия или ауры, в зависимости от его принадлежности к числу классиков и сопутствующей ему славы, цена взмывает ввысь или обрушивается — книга попадает в аристократическое измерение или же опускается до уровня отбросов, мусора. Книга может быть предметом вожделения благодаря силе своего воздействия, или же вследствие силы рынка, причем первая зачастую тесно связана со второй. Например, Джордж Стайнер следующим образом вспоминает о том, как открыл для себя творчество Борхеса:

> Помню, как один из первых знатоков борхесовского творчества в начале пятидесятых показывал мне в задних подвалах одной книжной лавочки в Лиссабоне борхесовский перевод «Орландо» Вирджинии Вулф, его предисловие к аргентинскому изданию «Превращения» Кафки, опубликованное 8 февраля 1942 года в газете «Насьон» важнейшее эссе об искусственном языке, изобретенном Джоном Уилкинсом, и редкое сокровище — «Пространство надежды», книжечку небольших эссе, вышедшую в 1926-м, но волей самого Борхеса больше не переиздававшуюся. Эти мелочи преподносились мне со скрытым превосходством. И поделом. Я прибыл к сокровищнице слишком поздно[55].

В парижском книжном магазине Алена Брие сосуществуют в одном и том же пространстве книги и старинные листы с изображениями человеческих черепов и хирургических инструментов XIX века. Настоящая кунсткамера. Представление об антикварном книжном как складе диковинок основано столько же на реальности, сколько на нашем воображении, как и все, что относится к сфере *вымысла*. Книжный Florish and Blotts в Косом переулке, прямо за лондонской Чаринг-Кросс-роуд — одно из тех мест, куда Гарри Поттер и другие изучающие магию студенты приходят в поисках учебных материалов в начале каждого курса. Прототипом, а позднее и декорацией при съемках фильма служил книжный Livraria Lello & Irmão в Порту. Книжный Monsieur

55 *Стайнер Дж.* Тигры в зеркале / Пер. с англ. Б. Дубина. М.: Иностранная литература, 1995. № 1.

Labisse в столь же пленительном «Хранителе времени», напротив, был построен специально для фильма. Для этого потребовались сорок тысяч книг. На голливудской студии Альфред Хичкок воссоздал сан-францисский книжный The Argonaut для съемок одной знаменитой сцены «Головокружения». В сценарии переименованный в The Argosy, магазин описывается в уже знакомых нам категориях. Акцент на старине, сумрачный антураж, насыщение пространства старыми книгами, служащими источниками маргинального знания. А сосредоточенность на Калифорнии эпохи первопроходцев оправдывает посещение Скотти, собирающего данные о «грустной Карлотте», как ее определяет Поп Лейбел, вымышленный книготорговец. Образцом для него послужило реальное лицо — Роберт Д. Хейнс, ставший другом Хичкока, потому что последний часто бывал в The Argonaut. «Она умерла», — говорит Лейбел. «Как?» — спрашивает Скотти. «Наложила на себя руки, — отвечает книготорговец и грустно улыбается: — Таких историй так много...» В сноске отмечено: «Внутри книжного стемнело и фигуры превратились в силуэты».

Из интернета я узнал, что книжный магазин Book City в Голливуде закрылся. Это был огромный склад подержанных и уцененных книг, своего рода копия Strand на Западном побережье, в двух шагах от Аллеи Славы. Здесь продавались и сценарии, лежавшие в больших картонных коробках, по десять, пять, одному доллару — по цене pulp, бумажной массы, отпечатанные на машинке, схваченные скрепкой, сценарии, по которым никогда не снимались фильмы (возможно, их никто даже не читал), купленные на вес у продюсеров, которые получали и получают их в избытке, с черно-белыми обложками, матовыми и прозрачными, со спиральными пружинами из пластика — того самого, который так нравился Энди Уорхолу.

> Она читает «Улисса» Джеймса Джойса в подозрительных обстоятельствах, поскольку читает одну и ту же книгу — один и тот же экземпляр — в разных местах и по-разному одетая, как если бы она к тому же читала одну и ту же страницу, от которой она не может оторваться, потому что не может выйти из себя или потому что не может вернуться внутрь книги, как если бы в первом случае она проживала конец некой эпохи чтения (расставание с последней страницей, которую можно прочесть), а во втором — начало другой (прибытие в мир нечитаемости).
>
> *Хуан Хосе Бесерра. «Интерпретация книги»*

8.
Америка (2): с севера на юг

Но еще была книжная лавчонка на улице Шерш-Миди, и был теплый вечер, налетавший порывами, и был вечер и час, была пора цветенья, и было Слово (вначале было Слово), и был человек, который считал себя человеком. Какая глупость, боже мой, какая глупость. Она вышла из лавчонки (только теперь понимаю, что это — почти метафора: она выходит не откуда-нибудь, а из книжной лавки), мы перебрасываемся парою слов и идем выпить по рюмочке pelure d'oignon в кафе на углу Севр-Вавилон.
Хулио Кортасар. «Игра в классики»[56]

Livraria Leonardo da Vinci в Рио-де-Жанейро, должно быть, самый поэтизированный книжный в мире. Марсиу Катунда посвятил ему стихотворение «A livraria»[57], где описывается улочка, ведущая к магазину в подземном уровне Edifício Marquês de Herval, к этим витринам, ярко-ярко освещенным в попытке создать иллюзию дня. Ксерокопию этого стихотворения сделала для меня Милена Пираччини, директор книжного, с которой я, помнится, беседовал об истории магазина; годом ранее — дело было в конце 2003 года — книжному исполнилось полвека. Мы стояли около огромных письменных столов, на которых два больших калькулятора выполняли роль кассовых аппаратов, рядом с полной коллекцией La Pléiade. Ее мать — итальянка по матери, румынка по отцу — Ванна Пираччини официально возглавила книжный в 1965 году, после смерти мужа Андрея Душиаде, но именно она была у руля с самого начала существования магазина. Ванна столкнулась с самыми невероятными проблемами в истории торговли и преодолела их: экономические рецессии, долгая военная диктатура и пожар, полностью уничтоживший магазин в 1973 году. Ее друг Карлос Друммонд де Андраде написал: «Подземный магазин / выставляет свои сокровища / как будто защищая их / от настигающего голода».

С 1994 года в той же подземной галерее, прямо напротив, располагается другой книжный, которому также суждено стать историческим: Berinjela. Основанный Даниэлем Хомски, рассказывает мне издатель Анибал Кристобо, живший в Рио в начале этого столетия, «этот магазин напоминает тот, что показан в фильме “Дым”: место встречи писателей, он может превратиться как в звукозаписывающий лейбл, так и в издательство

56 *Кортасар Х.* Игра в классики / Пер. с исп. Л. Синявской. М.: Амфора, 2003.
57 В книжном магазине (*порт.*).

(он выпустил четыре номера Modo de usar — быть может, лучшего журнала о современной бразильской поэзии) или же в почти что тайный оплот для организации чемпионатов по таинственному виду спорта под названием футеботао». Между двумя книжными возникает энергия сродни, как мне кажется, той, что некогда ощущалась на улице Одеон. Но энергия подземная.

Магазину Livraria Leonardo da Vinci посвящено и другое стихотворение, «A cidade e os livros»[58] Антониу Сисеру, ксерокопию которого я храню:

Рио казался неистощимым
подростку, коим был я.
В одиночестве сесть в автобус Кастелу,
выскочить на конечной, бесстрашно шагать
к центру запретного города
среди толпы, не замечавшей,
что я ей не принадлежал, и вдруг,
безымянным среди безымянных,
в упоении ощутить, что да, принадлежал
я ей, а она мне, войти в переулки,
проходы, бульвары, галереи,
кинотеатры и книжные: Леонардо
да Винчи Ларга Рекс Сентрал Коломбу
Маррека Ириш Мейу-Диа Космос
Альфандега Крузейру Кариока
Маррокуш Пассуш Сивилизасао
Каве Саара Сао Жозе Розариу
Пассейн Публику Увидор Падрао
Витория Лаврадио Синеландия:
места, которых раньше я не знал,
показывались на бесконечных перекрестках
улиц, беспрестанно расширявшихся
по всем существующим городам.

58 Город и книги (*порт.*).

Таков взгляд подростка на город, его пространства и культуру. Пожирающий, полный эротики взгляд. Для Хуана Гарсии Мадеро поэзия сначала сосредоточена на факультете философии и филологии Национального автономного университета Мексики и в комнате в пригороде Линдависта, но вскоре перемещается в определенные инфрареалистические бары, кафе, дома и книжные, где, если нет какого-либо собеседника, можно обезболить голод. На первых страницах «Диких сыщиков» Роберто Боланьо литература обретает сексуальность: иначе и быть не могло, ведь речь идет о героях-подростках. Хуан обнаруживает стихотворение Эфрена Ребольедо, декламирует его, представляет, как на нем скачет официантка, и несколько раз мастурбирует. Вскоре одно из литературных собраний заканчивается минетом. Если пьянки и секс преобладают в ночной литературе, то характерной чертой литературы дневной становятся книжные, в лабиринте которых он пытается найти «двоих исчезнувших друзей»:

> Поскольку делать мне было нечего, я решил пуститься на поиски Белано и Улисеса Лимы в книжных магазинах Мехико. Я обнаружил букинистический книжный Plinio el Joven на улице Венустиано Карранса. Книжный Lizardi на Донселес. Букинистический книжный Rebeca Nodier на Месонес, рядом с Пино Суарес[59]. В Plinio el Joven единственным сотрудником был старичок, который, подобострастно обслужив «ученого из Колехио де Мехико», тут же задремал на стуле, стоявшем рядом с кипой книг, величественно игнорируя меня; я украл у него антологию «Астрономики» Марка Манилия с предисловием Альфонсо Рейеса и «Дневник безымянного автора» одного японского писателя времен Второй мировой войны. В книжном Lizardi я, как мне показалось, увидел Монсивайса. Незаметно для него я приблизился посмотреть, какую книгу он листает, но, когда я к нему подошел, Монсивайс повернулся, прямо посмотрел на меня, вроде бы изобразил улыбку и, твердо держа книгу и пряча ее название, отправился поговорить с одним из сотрудников. Заинтригованный его поведением, я стянул книжечку арабского поэта по имени Омар ибн аль-Фарид, изданную университетом, и антологию молодых американских поэтов, опубликованных City Lights. Когда я ушел, Монсивайса уже не было.

59 Станция метро в Мехико.

Этот фрагмент относится к серии (8, 9, 10 и 11 декабря первой части «Диких сыщиков»), посвященной книжному измерению города Мехико. И библиоклептомании — столь же старой, как и сами книги. Одно за другим следуют описания посещений книжных магазинов Rebeca Nodier, Sótano, Mexicana, Horacio, Orozco, Milton, El Mundo и Batalla del Ebro, хозяин которых — «старенький испанец по имени Криспин Самора». Герой признается ему, «что воровал книги, потому что не было денег». Итог — две книги, подаренные доном Криспином, и двадцать четыре, украденные за три дня. Одна из них принадлежит перу Лесамы Лимы, ее названия мы никогда не узнаем. Само собой разумеется, что в романе о становлении появляется книжный магазин, связанный с всепоглощающим желанием. В романе «Рай» один из персонажей страдает сексуальной дисфункцией, связанной с книгами, и друг разыгрывает его в книжном:

> Когда вошел владелец книжного, он спросил: «Вам уже завезли “Гёте” Джеймса Джойса, которого только что издали в Женеве?» Книготорговец подмигнул ему, понимая шутливый тон вопроса. «Нет еще, но мы ждем его со дня на день». — «Когда его привезут, отложите мне один экземпляр», — сказал ему человек, разговаривавший с Фосионом, не понимавшим шутки, потому что она относилась к ненаписанному произведению. Голос был низкий, со слюновыделением, как от затвердевшего безе, а пот, выступивший на руках и на лбу, выдавал силу его нейровегетативных кризов. «В той же серии издан китайский Сартр VI века до нашей эры, — сказал Фосион, — попросите продавца, чтобы он вам и его отложил». — «Китайский Сартр, должно быть, обнаружил некую точку соприкосновения между у-вэем и “ничто” сартрианских экзистенциалистов».

Бессмысленный разговор продолжается, придумываются новые книги, пока собеседник продавца не покидает книжный и, пройдя по улице Обиспо, не поднимается в гостиничный номер, в котором живет. Тогда рассказчик сообщает нам, что тот страдал от «сексуального кризиса, который проявлялся в ложном и торопливом культурном беспокойстве, превращавшемся в патологию, когда он слышал о книжных новинках и издании редких произведений». Фосион знает об этом и наслаждается этим преходящим безумием в «лабиринте», как он называет книжные магазины. Эрекция. Фетиш. Накопление товара. Накопление эротических впечатлений подобно приумножению прочтенных книг: их след

носит виртуальный характер, это чистая память. Воровать, покупать или получать книги в подарок означает обладать ими. Систематически читающий человек считывает конфигурацию своей библиотеки если не как модель всей своей жизни, то хотя бы как параллель своего становления как личности в юности, когда это обладание играет решающую роль.

Гильермо Кихасу было восемнадцать лет, когда его дед, учитель и книготорговец Вентура Лопес, попросил его отнести рукопись одной книги чертежнику, затем сходить в типографию и, наконец, забрать экземпляры. Словно по волшебству, из невидимых байтов появилась книга со страницами, запахом и весом. На самом деле эта книга не появилась из ничего: ее существование было частью цепи смыслов, восходившей к тридцатым годам XX века, когда юноша Вентура Лопес сделал все возможное, чтобы добиться стипендии и получить диплом преподавателя в сельской местности, а некоторое время спустя — преподавателя начальных учебных заведений. За участие в развитии сельского кооператива и вступление в 1949 году в коммунистическую партию его уволили с должности доцента. Тогда, объединившись с несколькими товарищами, оказавшимися в сходной ситуации, он создал общий фонд, который позволил ему открыть магазин книг и канцелярских товаров, ставший культурным очагом и центром по распространению грамотности, и в конечном счете начал издавать книги, связанные с местной культурой. Учитель скончался в 2002 году, но Proveedora Escolar в Оахаке существует и по сей день благодаря усилиям его внука. Два унаследованных магазина и пять новых сосуществуют с личным проектом Кихасу, издательством Almadía.

Если в магазинах, где продают новые книги, как правило, царит порядок, то букинистические погружены в хаос: беспорядочное нагромождение знания. Зачастую об этом говорят и сами названия книжных. На Донселес и прилегающих к ней улицах мы обнаруживаем Inframundo («Инфрамир»), El Laberinto («Лабиринт») или El Callejón de los Milagros («Переулок чудес») — некомпьютеризованные книжные, где успех поиска зависит исключительно от примитивных каталогов, твоей удачи или опыта и прежде всего от памяти и интуиции продавца. Эхо катакомбы или пещеры, книжной лавки Заратустры, описано Валье-Инклаком в «Огнях богемы»: «Груды книг громоздятся, заслоняя стены. Четыре стекла одной двери залеплены четырьмя ужасающими иллюстрациями длинного романа, выходящего по главам в газетах. В пещере веселятся кот, попугай, пес и книготорговец». В Каракасе находится магазин La Gran Pulpería del Libro, где реальность подземного магазина принимает крайние формы: стопки книг громоздятся на полу, словно они хлынули с полок стеллажей, которые многие годы пытались их сдержать. Владельца магазина, историка и журналиста Рафаэля Рамона Кастельяноса, основавшего его в 1976 году и с тех пор совмещающего работу продавца книг и писателя, в одном интервью спросили о каталогизации продаваемых им книг. Он ответил, что попытки информатизировать книжный закончились провалом и что все было сосредоточено у него, Кастельяноса, в «памяти, в памяти моих помощников и моего сына Ромуло».

Обедая с Улисесом Мильей в середине 2012 года в каракасском ресторане, я подумал, что он был ближе всего (по крайней мере, с фонетической точки зрения) к Улисесу Лиме. Он рассказал мне историю об изгнанниках из Испании и Латинской Америки, историю многочисленных странствий по этой земле, образовавших культуру, карту которой Боланьо набросал рваными чертами. Книжные магазины, преобразующие боль, долгую, естественную и всегда побеждающую, в личную память, человеческую, короткую и всегда ускользающую. Бенито, Леонардо и Улисес — три поколения издателей и книготорговцев, чья фамилия ассоциируется со скоростью, расстоянием и переводом[60]. *Улисес Милья* — подумал я в том ресторане, где подают мясо под сливочным сыром с авокадо, — это почти тавтология. В течение пятнадцати лет он занимался графическим дизайном — с его по-

60 Милья (milla) по-испански означает «миля».

мощью он пытался ускользнуть от семейного дела. Но это был дизайн книг. И в конечном счете он все-таки стал издателем и книготорговцем.

Бенито Милья родился в Вильене, в Аликанте, в 1918 году и, будучи секретарем «Молодых анархистов Каталонии», в 1939 году влился в республиканскую эмиграцию. После нескольких лет в Париже, где родился его старший сын Леонардо, жена убедила его («Моя бабушка стояла за всеми переездами моего деда») переехать в Монтевидео. Там он начал с книжного лотка на Пласа Либертад и закончил тем, что основал издательство Alfa и руководил различными журналами о культуре на протяжении пятнадцати лет, с 1951 по 1967 год, в период экономического кризиса и политических конфликтов в Уругвае, которые в следующем десятилетии привели к установлению военной диктатуры. «Мой дед уехал из Монтевидео в 1967 году и отправился в Каракас, где возглавил только что созданное издательство Monte Ávila Editores, — рассказал он мне. — Alfa в Монтевидео осталось у моего отца, а в 1973 году мы вместе с издательством перебрались в Буэнос-Айрес, откуда нам пришлось свалить, когда после смерти Перона к власти пришли военные; лишь в 1977 году Леонардо очутился в Каракасе — так начался венесуэльский период Alfa, которому вследствие административных причуд пришлось назваться Alfadil». У проекта деда начался и третий этап — в Барселоне («Моя бабушка — каталонка»), где он был компаньоном издательства Laia с 1980-го до своей смерти в 1987 году. Дело закончилось плохо. Кружок закрылся. Как если бы кружки, являющиеся конкретными пространствами, могли закрываться в множественных измерениях параллельных вселенных. Он издавал Хуана Карлоса Онетти, Эдуардо Галеано, Марио Бенедетти, Кристину Пери Росси (в голосе Улисеса звучит гордость). От анархизма он перешел к гуманизму, ключевым словом которого — как напоминал Фернандо Аинса — был *мост*: между людьми и тем, что они читают, между странами Латинской Америки, между обоими берегами Атлантики. И между различными поколениями одной семьи: Леонардо Милья, который в детстве не завтракал до тех пор, пока не продавалась первая книга, в восьмидесятые годы превратил издательство Alfa в издательскую группу Alfa и расширил сеть своих книжных («Но я никогда не осознавал, что это можно считать сетью») двумя магазинами Ludens и тремя Alejandría 332 B. C. («Александрия, 332 год до н. э.»; это год, когда после побед в Египте Александр Великий приступил к созданию города и легенды о себе).

В пору изобретения собственного языка на основе тахиграфии, который он назвал «тахи» и на котором написаны многочисленные, до сих пор не расшифрованные фрагменты, Фелисберто Эрнандес и его супруга, художница Амалия Ньето, открыли в 1942 году в гараже ее родителей книжный магазин El Burrito Blanco («Белый ослик»). Разумеется, их ждал провал. Монтевидео — город таинственный, столица таинственной страны, где подобных историй множество. В ее размерах и скоростях есть что-то от Швейцарии или от Португалии. Живя в Аргентине, я каждые три месяца ездил в Уругвай, чтобы продлить свою туристическую визу, получить гонорар за мои заметки для приложения о культуре газеты El País и посетить книжные магазины города. Магазины, полные некаталогизированных аргентинских книг и книг уругвайских, которые можно было купить только в Уругвае, равно как и издания местного филиала Alfaguara или Trilce. В каждой поездке мне открывались новые повороты истории вынужденных и добровольных переселений, изгнаний и возвращений. Поэтому я не удивился, обнаружив их следы в Перу, когда несколько лет спустя в первый и единственный раз отправился в столицу этой страны.

В углу El Virrey de Lima между двух кресел есть шахматная доска. Медленно, словно миксер на минимальной скорости, вращаются потолочные вентиляторы. Кругом дерево, книги и дерево. Смутное воспоминание об изгнании. Мне захотелось узнать историю этого книжного, и я спросил у его владелицы, существуют ли какие-то письменные ее свидетельства. Владелицу звали Малена.

Она сказала, что мне нужно поговорить с ее матерью, и дала мне мейл Чачи Сансевьеро, который я охотно записал, намереваясь взять у нее интервью. Мне это не удалось: она сослалась на потерю голоса, но приложила к своему ответу текст, написанный ею по просьбе журнала Cuadernos Hispanoamericanos. El Virrey de Lima открылся в 1973 году на сбережения, отложенные для переезда в Уругвай. На логотипе изображен Инка Атауальпа с книгой в одной руке и кипу[61] в другой — как символ, объединяющий две системы коммуникации двух культур, привнесенную и аутентичную. По легенде инкский правитель, узнав, что эту книгу выдавали за правдивую историю настоящего бога, бросил ее на землю в знак того, что истинными являются его боги. Чачи пишет о книготорговце как о человеке, который всегда недооценивает чтение и превращает книги в «вечных кандидатов», «потому что, за некоторыми особенными исключениями, он их никогда не дочитывает». Он их листает, начинает читать, берет с собой, идя к прилавку, и, возможно, даже домой, кладет на письменный стол или на ночной столик, и на том дело и кончается.

Семейная традиция совершила неожиданный поворот в 2012 году, когда Малена и ее брат Вальтер открыли собственный книжный Sur, стремясь следовать по пути, предначертанном их отцом Эдуардо. В интернете я вижу, что это чудесный книжный, где прямые линии стеллажей вдоль стен и изгибы столов с новинками объединяются, превращая книгу в главного героя. Иногда я думаю, что интернет — это преддверие рая, где меня ждут книжные магазины, которые я еще не успел посетить. Преддверие виртуальных призраков.

61 Кипу — мнемоническая и счетная система у инков, представляющая собой веревочные переплетения и узлы.

«В 1999 году, по возвращении из Венесуэлы, — писал Боланьо по случаю получения премии Ромуло Гальегоса, — мне приснилось, что меня ведут в дом, где жил Энрике Лин, в стране, возможно Чили, в городе, возможно Сантьяго, если считать, что Чили и Сантьяго когда-нибудь походили на ад». Родившийся в Чили Боланьо провел отроческие годы в Мехико. В 1973 году он предпринял путешествие по маршруту, обратному тому, по которому следовал Эрнесто Гевара двадцатью годами ранее, и добрался до Чили, намереваясь поддержать демократическую революцию Сальвадора Альенде. Через несколько дней после переворота Пиночета Боланьо был задержан и спасся от вполне вероятной гибели с помощью одного из охранявших его полицейских, своего бывшего однокашника. Писатель вернулся в Мексику, также по суше, где пережил все то, что впоследствии легло в основу его первого шедевра. Я оказался в чилийской столице через три месяца после его смерти. В книжном магазине Fondo de Cultura Económica я купил его «Каток» и «Нацистскую литературу в Америке», вышущенные издательством Planeta. В последней два самых пространных жизнеописания посвящены «фантастическим братьям Скьяффино» (Итало и Архентино, он же Эль-Граса) и Карлосу Рамиресу Хоффману (он же Подлец). Два аргентинца и один чилиец.

Большую часть жизни Боланьо провел в Мексике и Испании, и если в его творчестве они оказываются преобладающим географическим и биографическим фоном, то литературные его корни — в Южном конусе[62]. Как латиноамериканец по происхождению, Боланьо основательно изучил литературу своего континента, как каталонец и испанец по месту жительства — читал своих испанских и каталонских современников, как страстный поклонник французской поэзии — изучал ее великих мастеров, как заядлый читатель — набрасывался на любое произведение мировой литературы, оказывавшееся у него под рукой. В годы своей мексиканской молодости он противостоял Октавио Пасу, точнее, тому, что олицетворяла его фигура в категориях культурной политики. В течение взрослой жизни он периодически встречал врагов, литературные ипостаси тех армий, с которыми сражался на встречах в Бланесе вместе с любителями военных и стратегических игр. Ощущал он себя в первую очередь частью традиции Южного конуса, если такая традиция действительно существует, и в его

62 Южный конус — южная часть Южной Америки: Аргентина, Чили, Уругвай, иногда к нему относят также Парагвай и юг Бразилии.

честолюбивом писательском уме эта традиция делилась на поэтическую и прозаическую. На Чили и Аргентину. Как поэт, Боланью ощущал близость к Лину и Никанору Парре. И одновременно близость и удаленность от Пабло Неруды, который для чилийской поэзии представляет собой то же, что Борхес для аргентинской прозы: они — Чудовища, Отцы, Сатурны, пожирающие детей. Любопытно, что мексиканские писатели второй половины XX века не воспринимали так Рульфо — в отличие от Октавио Паса или Карлоса Фуэнтеса. Часто я спрашиваю себя, что произошло бы, если бы Рульфо стал эталоном для латиноамериканских писателей рубежа прошлого и нынешнего века и занял бы то место, которое история отвела Борхесу. Хуан Рульфо — деревенский, анахроничный, минималистический, смотревший в прошлое, веривший в Историю, сказавший «нет». А не Хорхе Луис Борхес — горожанин, современный, точный, глядевший в будущее, презиравший Историю, говоривший «да». В «Билете на танец» Боланьо рассказывает историю своего экземпляра «Двадцати стихотворений о любви и одной песни отчаяния», который проделал долгий путь «по различным селам на юге Чили, затем по различным домам в Мехико, потом по трем городам Испании». Он рассказывает, что в восемнадцать лет прочитал великих латиноамериканских поэтов, что его друзья делились на приверженцев Вальехо и Неруды, что сам он «был приверженцем Парры в пустоте, без тени сомнения» и что «родителей нужно убивать, поэт — по природе сирота». Чилийская поэзия в этом тексте выстраивается танцевальными дуэтами: «Нерудианцы в геометрии с уидобрианцами в жестокости, мистралианцы в юморе с рокианцами в смирении, паррианцы в костях с линеанцами в очах». Его любовь к Парре и Лину ущемляется безмерностью Неруды, чьего влияния не может избежать ни один поэт, пишущий на нашем языке. В «Билете на танец» от констатации политических противоречий Неруды он переходит к потрясающему экскурсу о Гитлере, Сталине и самом Неруде, об институциональном подавлении, братских могилах, Интернациональных бригадах и пыточной дыбе:

> 58. Когда он вырастет, он хочет быть нерудианцем в синергии. 59. Вопросы на сон грядущий. Почему Неруде нравился Кафка? Почему Неруде не нравился Рильке? Почему Неруде не нравился де Рока? 60. А Барбюс ему нравился? Судя по всему, да. И Шолохов. И Альберти. И Октавио Пас. Странная компания для путешествия в Чистилище. 61. Но ему нравился и Элюар, писавший поэмы о любви.

62. Если бы Неруда был кокаинистом, героиновым наркоманом, если бы его убил осколок в 36-м году в осажденном Мадриде, если бы он был любовником Лорки и совершил самоубийство после его смерти, история была бы другой. Если бы Неруда был тем неизвестным, которым он, по сути, и является!

Когда сестра подарила Боланьо книгу Неруды, он читал полное собрание сочинений Мануэля Пуига. Свою приверженность идейной, левой, художественной аргентинской прозе он лучше всего выразил в рассказе «Сенсини» (из «Телефонных звонков») через образ Антонио Ди Бенедетто. В «Блужданиях зануды» чилиец Боланьо определяет собственное место в аргентинской прозаической традиции и рассматривает проблему литературного канона. Боланьо неоднократно подчеркивал, сколькими он обязан Борхесу и Кортасару, без которых невозможно понять направленность его творчества, его работу с самовыражением, с повествованием или со структурами в «Диких сыщиках» и «2666». Именно в этом последнем романе Боланьо подверг резкой критике своих аргентинских современников (хотя и позиционировал себя как их наследника), уловки и отговорки, к которым они прибегали, отрицая значение Борхеса — тех, кто последовал за Освальдом Сориано, кто видел в Роберто Арльте Антиборхеса, кто почитал Освальда Ламборгини. То есть Рикардо Пилью, Сесара Айру и многих писателей, имена которых не называются.

В те три или четыре дня, что я провел в Сантьяго, я опрометчиво решил, что из всех книжных города больше всего меня интересует Libros Prólogo. Тогда я записал:

> Он не так велик, как университетский книжный Аламеды (пол которого устлан ковровым покрытием и в котором царит стиль семидесятых годов) или сеть Feria Chilena del Libro, и рядом с ним нет букинистических магазинов, как те, что есть на улице Сан-Диего, но у Libros Prólogo хороший ассортимент, и находится он на улице Мерсед, рядом с кинотеатром, театром и кафе и недалеко от антикварных лавок и букинистических магазинов, что на улице Ластаррия.

Других заметок у меня не сохранилось. В моей памяти это место сопротивления, центр, оплодотворявший культурную жизнь при диктатуре, но доказать, а значит, и знать этого я никак не могу. В поисковиках — ни следа. Возможно, это был бред путешественника, плененного «Чилийским ноктюрном» — романом, где Боланьо воспроизводит ошеломительную речь священника Себастьяна Уррутии Лакруа, который под псевдонимом Ибакаче восхваляет реакционные и примитивные стихи Рамиреса Хоффмана в «Далекой звезде», а в завершающей части произведения вспоминает уроки политической теории для военной хунты и литературные вечера в доме Марианы Кальехас. Прообразом этого персонажа послужил Хосе Мигель Ибаньес Ланглуа, священник из «Опус Деи», подписывавшийся псевдонимом Игнасио Валенте в журнале El Mercurio, автор книг по теории философии и теологии («Марксизм: критический взгляд», «Социальное учение Церкви»), по литературной критике («Рильке, Паунд, Неруда: три ключа к современной поэзии», «Чтобы читать Парру», «Хосемария Эскрива как писатель») и поэтического сборника «Догматические поэмы». Он не только был самым значимым литературным критиком в годы диктатуры и перехода к демократии, но и вел семинар по марксизму для военной хунты. То есть Пиночет был его учеником. Пиночет: читатель, писатель, любитель книжных. Рикардо Куадрос писал:

> Ибаньес Ланглуа никогда не признавал, но и не отрицал своего присутствия на литературных вечерах Марианы Кальехас в огромном доме, который она делила со своим мужем Майклом Таунли, сотрудником ДИНА[63], в богатом районе Сантьяго, эти собрания действительно проходили, а в подвалах дома среди прочих был замучен до смерти Кармело Сориа, испанский чиновник ООН.

63 ДИНА (Управление национальной разведки) — политическая полиция, созданная Пиночетом вскоре после переворота 1973 года.

Этот подвал в захваченном доме представляет собой точную антитезу того, чем было, есть и будет большинство книжных в мире. В разных городах (в Боготе, в Лиме, в Пальма-де-Майорке) были и есть книжные, названные в честь рассказа Кортасара «Захваченный дом», потому что название это стало жить самостоятельной жизнью и обозначать «пространство, захваченное книгами». Но рассказ-то, напротив, о том, как книги исчезают. Герой, от лица которого ведется повествование, жалуется на то, что с 1939 года во французские книжные Буэнос-Айреса не поступает никаких новинок, так что он не может пополнять свою библиотеку. Если политическое истолкование рассказа верно и перонизм служит метафорой вторжения в сокровенные уголки души, то неслучайно в первой занятой части дома находится библиотека. Сестра рассказчика — вязальщица; он — читатель. Но начиная с первого захвата дома чтение постепенно исчезает из его жизни. Когда дом будет окончательно захвачен и брат с сестрой навсегда закроют его двери, они заберут с собой лишь одежду, которая будет на них, часы — и ни единой книги. Нить оборвана: «Увидев, что клубки — там, за дверью, Ирене равнодушно выронила вязанье».

Когда десять лет спустя я вернулся в Сантьяго-де-Чили, то внезапно впал в транс, словно лунатик, который по ночам продолжает идти, держась за нити, оставленные во время своего дневного пути. Был полдень, светило яркое солнце, но я шел по району Ластаррия в состоянии, почти бессознательном. Незадолго до этого я случайно наткнулся на гостиницу, где жил во время своего предыдущего приезда, и, быть может, вспышка связанных с ней любовных воспоминаний толкнула меня к этим блужданиям, во время которых я вдруг вернулся в свои двадцать с небольшим лет. Меня не удивило, что я неожиданно оказался в Libros Prólogo — книжном магазине, больше всего привлекавшем мое внимание во время предыдущего пребывания, в те дни, что следовали за ночами, проведенными в гостинице, с их играми, поцелуями и смятыми простынями. Как и не удивило меня то, что за прилавком я увидел Вальтера Сунигу, словно на протяжении десяти лет он ждал меня в той же рубашке и с теми же морщинами.

— Что вы так внимательно читаете? — спросил я его, побродив несколько минут по магазину.

— Биографию Феллини Туллио Кесича; я купил ее вчера на ярмарке, — ответил он; уж его-то стариковские уши, такие большие, умели слушать. — Самое смешное, что у меня здесь

давным-давно стоят два экземпляра, и, как ни странно, я их так и не продал.

— Если она у вас есть, зачем же вы ее купили?

— Она была совсем дешевая...

Какое-то время мы говорили о других, закрывшихся, филиалах его магазина, и он признался мне, что хорошо дела идут у его книжных Karma, «специализирующихся на гаданиях, картах таро, нью-эйдже и боевых искусствах». Я попросил у него недавно изданную книгу о передовом кибернетическом проекте, запущенном при Сальвадоре Альенде...

— «Киберреволюционеры», — прервал он меня, стуча по клавиатуре. — Сейчас у меня нет ни одного экземпляра, но я тебе ее раздобуду через два дня. — И, сняв трубку, заказал ее у поставщика.

Через несколько минут он попрощался со мной, вручив мне свою карточку. Номер телефона был исправлен черной ручкой. Это была точно такая же карточка, что и хранившаяся в моем архиве книжных магазинов. Тот же шрифт с красными буквами. «Libros Prólogo. Литература-Кино-Театр». Иллюзия возвращения к той поездке десятилетней давности, к себе самому тогдашнему была пугающе реальной. В городе и во мне самом изменилось все, кроме этой визитной карточки. Прикосновение к ней выводило меня из лунатического состояния, грубо вырывало меня из прошлого.

Тогда я прошел полсотни шагов, перешел улицу и вошел в Metales Pesados, в пространство настоящего, — это произошло само собой. Здесь не было ни кусочка дерева — лишь алюминиевые полки, книжный как огромный конструктор, мало отличающийся от магазина хозтоваров или компьютерной лаборатории. Облаченный в черный костюм и белую рубашку, за столиком, какие стоят на террасах кафе, на раскладном металлическом стуле сидел Серхио Парра, сухопарый денди. Я попросил у него «Дровосека» Майка Уилсона — книгу, за которой я уже несколько месяцев охотился по всему Южному конусу. Он мне ее протянул, пряча взгляд за очками в пластиковой оправе. Я попросил книги Педро Лемебеля, и тогда он на меня взглянул.

Позднее я узнал, что он возглавлял кампанию за присуждение Лемебелю Национальной премии по литературе; и что они друзья; и что они оба поэты; и что они соседи. Но в то мгновение я видел лишь большой постер, где были изображены репортер и перформансист и хорошо видны книги, потому что всякий

книготорговец продает видимость. Он посоветовал мне пару документальных книг, которых у меня не было:

— Metales Pesados — скорее не книжный, а аэропорт. Внезапно заходит Марио Бельятин или некто, кому Марио или кто-то другой посоветовал сюда зайти, друзья друзей со всего мира, многие оставляют тут чемоданы, потому что уже выписались из гостиницы и у них осталось еще несколько часов, чтобы съездить в горы или пойти в Музей изящных искусств. Поскольку я тут практически живу, работая с понедельника по воскресенье, я превратился в своего рода ключевую фигуру.

Книжный как аэропорт. Как перевалочный пункт для пассажиров и книг. Взад и вперед — чтение. Магазин Lolita, вдали от центра, на перекрестке в жилом квартале, работает в расчете на то, что люди тут будут оставаться. За прилавком здесь тоже сидел писатель: рассказчик Франсиско Муа, чья страсть к футболу заставила его посвятить раздел книгам о спорте. В только что открытый книжный меня проводил репортер Хуан Пабло Менесес, объяснив, что там бывали Хуан Вильоро, Мартин Капаррос, Леонардо Фаччо и другие общие друзья, представленные книгами, которые они посвятили маленькому круглому богу. У Муа текучий взгляд и любезные, приветливые жесты, несмотря на устрашающий рост: меня не удивляет, что три его читательских кружка собираются в полном составе каждый понедельник, среду и пятницу.

— По книге в неделю — неплохой ритм чтения, — говорю я ему.

— Мы и раньше его придерживались, в другом магазине; у меня есть читатели, которые приходят уже несколько лет; когда я открыл Lolita, я привел их в этот новый дом.

Преданность чтению выражена в девизе: «Без книг мы жить не можем». Преданность и в логотипе: принадлежавшая семье Муа собака, которая смотрит на нас с корешков книг, выпущенных издательством Lolita.

В последний день пребывания в Сантьяго я наконец посетил Ulises, спроектированный архитектором Себастьяном Грайем, этот забитый книгами магазин, огромные зеркала которого, до бесконечности отражающие полки и книги, возносятся над тобой и приумножают тебя под великолепным зеркальным потолком. Быть может, потому, что я находился в одном из самых красивых и борхеанских книжных мира, в четвертом углу невидимого квадрата, я подумал, что остальные три — Libros Prólogo, Metales

Pesados и Lolita — воплощают собой три эпохи любого книжного: архивное прошлое, переходное настоящее, будущее сообществ, объединенных желанием. В совокупности они образовывали идеальный книжный, книжный, который я взял бы с собой на необитаемый остров.

И я вдруг вспомнил забытую сцену. Далекую и повторяющуюся, словно угасающее эхо или звонок из черного ящика со дна океана после катастрофы. Мне, должно быть, девять или десять лет, в тот пятничный вечер или в субботнее утро моя мама отправилась в мясную лавку, булочную или супермаркет, и я провожу время в магазине канцелярских товаров нашего района Рокафонда на захолустной окраине Барселоны. Поскольку в районе нет ни одного книжного, я пристрастился к киоскам с их комиксами о супергероях и журналами о видеоиграх, к табачной лавке Ortega, на витрине которой красуется внушительная коллекция книг и научно-популярных журналов, и к магазину канцтоваров на той же улице, где живут братья Васкес и другие школьные товарищи. В глубине, за стендами обычных и поздравительных открыток и моделей для вырезания, книги — что-то порядка сотни. Я влюбился в учебник идеального детектива: я помню его синюю обложку, помню (и сила воспоминания прямо-таки давит меня, когда я выхожу из Ulises и сажусь в такси, чтобы отправиться в аэропорт), что каждую неделю я стоя прочитывал пару страниц о том, как получить отпечатки пальцев или составить фоторобот. Каждую неделю до тех пор, пока наконец не наступило то ли Рождество, то ли Сант-Жорди[64] и мои родители не подарили мне вожделенную книгу. Прочитав ее дома, я понял, что знаю ее наизусть.

В течение почти всего моего детства (как я мог об этом забыть!) я ощущал в себе два призвания — быть писателем и частным детективом. Второе проявилось в моем пристрастии коллекционировать истории и книжные магазины. И кто знает, не являемся ли мы, писатели, в первую очередь детективами, изучающими самих себя, персонажами Роберто Боланьо.

На террасе барселонского Café Zürich Нату Поблет, возглавляющая буэнос-айресский книжный Clásica y Moderna, рассказывала мне, что в 1981 году, когда она оставила архитектуру,

64 Сан-Жорди — Святой Георгий (*каталонск.*), чья память празднуется 23 апреля. По традиции в Каталонии в этот день, официально провозглашенный Днем книги, люди дарят друг другу розы и книги.

чтобы заняться семейным делом, и до конца последней диктатуры оставалось еще два года, в ее магазине были организованы курсы по литературе, театру и политике. Вели их люди, которым вход в университет был заказан, такие как Давид Виньяс, Абелардо Кастильо, Хуан Хосе Себрели, Лилиана Экер, Энрике Пеццони, Орасио Вербицкий. «Занятия превращались в вечеринки, мой брат и я приносили вино и виски, приходило много народу, и разговоры продолжались допоздна», — говорила она, потягивая стакан Jameson. На этих вчеринках родилась мысль объединить книжный магазин с баром. Это означало разворот на сто восемьдесят градусов. Ее дед, мадридский книготорговец Эмилио Поблет, основал в Аргентине в начале XX века сеть Poblet Hnos. Ее отец Франсиско в 1938 году открыл вместе со своей женой Росой Феррейро Clásica y Moderna, а сестра и брат Нату и Пако стали вести дела после смерти отца в 1980 году. В том году военная хунта приказала сжечь полтора миллиона книг, выпущенных Издательским центром Латинской Америки. В условиях возрожденной демократии, после семи лет подпольной деятельности, они поручили архитектору Рикардо Планту радикально преобразовать пространство, где сосуществуют бар и ресторан, книжный магазин и выставочный и концертный залы. «Первые три года мы были открыты круглые сутки, но потом у нас начались проблемы с некоторыми пьяницами по ночам и мы решили ограничиться более традиционным расписанием», — продолжает Нату. С тех пор они принимали у себя актеров вроде Хосе Сакристана и певцов вроде Лайзы Миннелли. Пианино им подарил Сандро, завсегдатай Clásica y Moderna в сумасшедшие годы, чью биографию отражают названия его дисков: Beat Latino, Sandro de América, Sandro... Un ídolo, Clásico, Para mamá[65].

«Мне очень часто снится книжный папы», — поделилась со мной Нату Поблет, допивая свой стакан перед тем, как мы отправились в долгую прогулку по барселонской ночи. В Рио-де-Жанейро Милена Пираччини говорила мне о том значении, которое ее мать Ванна придавала личному подходу к каждому ее клиенту, и о том, какие черты ее личности можно объяснить европейским происхождением. В Каракасе Улисес Милья вкратце обобщил историю своей уругвайской семьи и рассказал мне о других книготорговцах из Монтевидео и Каракаса вроде Альберто Конте, от которых он столькому научился. Чачи Сансевьеро пишет:

65 «Бит латино», «Сандро из Америки», «Сандро... Кумир», «Классик», «Маме» (*исп.*).

Моим учителем был Эдуардо Сансевьеро, великий книготорговец и ученик дона Доминго Маэстро, видного уругвайского книготорговца. Слабостью Эдуардо были шахматы, история и старинные книги. Но еще он любил поэзию и имел странную привычку на вечеринках выдавать стихи за анекдоты. Неисправимый коммунист, во времена деспотизма он получал удовольствие, устраивая в своем близком окружении конспиративные собрания. Однако в конце дня он возвращался к вытиранию пыли и расстановке книг.

Традиция книготорговли — одна из самых закрытых. Зачастую она носит семейный характер: Нату, Милена, Ромуло, Гильермо и Малена, как и многие другие, — книготорговцы во втором и даже третьем поколении. Почти все они начинали помощниками в книжных магазинах своих родителей и других предпринимателей, имевших дело с печатной продукцией. Рафаэль Рамон Кастельянос вспоминает, что, приехав в Каракас из внутренних районов Венесуэлы, он устроился работать в книжный Viejo y Raro, принадлежавший бывшему аргентинскому послу: «Позднее, в 1962 году, благодаря приобретенным знаниям я создал мой собственный книжный» — Librería de Historia, который стал предшественником La Gran Pulpería del Libro.

Разве не загадочна фигура книготорговца? Разве не более понятны писатель, типограф, издатель, распространитель, даже литературный агент? И не эта ли таинственность послужила причиной отсутствия жизнеописаний и воспоминаний? Эти парадоксы на мгновение, что длится свет спички, озарил Эктор Яновер в «Воспоминаниях книготорговца»:

> Это книга притязательного книготорговца. Это первые строки этой книги. Эти слова станут первыми словами первой страницы. И все слова, строки, страницы составят книгу. Представляете ли вы, гипотетические читатели, как ужасно книготорговцу писать книгу? Книготорговец читает, когда отдыхает; когда он читает, он читает книжные каталоги; когда прогуливается, останавливается перед витринами других книжных; когда едет в другой город, другую страну, посещает книготорговцев и издателей. И вот однажды этот человек решает написать книгу о своем занятии. Книгу внутри другой книги, которая присоединится к другим на витринах или полках книжных. Еще одну книгу, которую нужно поставить, отметить, которую придется чистить, ставить заново, окончательно исключить. Книготорговец — существо, лучше всех осознающее ничтожество книги и ее значение. Поэтому он — человек разрывающийся; книга — это товар, который продается и покупается, а он создает этот товар. Он покупает и продает самого себя.

Яновер управлял Librería Norte в Буэнос-Айресе и, по словам Поблет, был великим книготорговцем города в последней четверти прошлого века. Теперь магазином руководит его дочь Дебора. Также Яновер выпустил знаменитую серию пластинок, на которых свои вещи читают, среди прочих, Кортасар и Борхес. Когда автор «Преследователя» приезжал на родину, то превращал Librería Norte в свой оперативный штаб: здесь он проводил весь первый день, поклонники могли оставлять ему там письма и посылки с книгами. Я не знаю, находятся ли эти пластинки где-то в «Архиве Боланьо», слушал ли он их мертвые голоса, как слушал оперу или джаз. На жизнь автора «Вымыслов», однако, наложил отпечаток книжный Librería de la Ciudad, находившийся рядом с его домом, на противоположной стороне улицы Майпу, в пассаже «Галерея Востока». Борхес ходил сюда каждый день. Здесь он прочел десятки бесплатных лекций, а в прилегающих к книжному помещениях представлял книги из серии «Вавилонская библиотека», которой руководил по поручению миланского издателя Франко Мария Риччи и в рамках которой частично издал свою собственную библиотеку. Борхес и Кортасар познакомились не в книжном магазине, а в частной квартире на улице Диагональ Норте, где младший из них узнал, что его рассказ «Захваченный дом» настолько понравился мэтру, что уже отправлен в типографию. Они вновь встретились в Париже много лет спустя, когда оба уже были признаны французским академическим миром. В Буэнос-Айресе я не смог

найти книжный магазин, где в 1932 году Кортасар купил «Опиум» Жана Кокто — книгу, изменившую его творчество, я имею в виду — его жизнь. Зато я обнаружил интервью Уго Герреро Мартинеитца, где автор «Никарагуа, беспощадно нежного края» пытался оправдать поведение Борхеса во время военной диктатуры: Борхес верил, что она восстановит порядок, и в ее годы определил себя как «безобидного анархиста» и «революционера». Революционра, выступавшего, как отмечал его биограф Эдвин Уильямсон, «против государства и против границ между государствами». И решил умереть в Женеве. Риторические трудности Кортасара подобны тем, что мы обнаруживаем в строках Боланьо о Неруде: «Его рассказы среди лучших в мировой истории литературы; кроме того, он написал “Всемирную историю бесчестья”».

Она стала образцом для «Нацистской литературы в Америке» — книги, написанной Боланьо вдали, в Европе. Нет ничего труднее, чем оценивать сложность: Ибанес Ланглуа защищал Неруду и Парру, двух отцов поэта Боланьо, и дал толчок карьере Рауля Суриты, в чьих строках, написанных на небесах[66], виден след одиозного Рамиреса Хоффмана. Не будет преувеличением рассматривать все творчество Боланьо как попытку осмыслить судьбу собственной библиотеки, разоренной, уничтоженной, вновь воссозданной, где потерь столько же, сколько приобретений.

66 В прямом смысле: в начале восьмидесятых годов его стихи выписывали в небе самолеты при помощи струй белого дыма.

Библиотеки, отрезанной от него расстоянием, которое не позволяло ему правильно оценить происходившее в Чили, но вместе с тем наделяло необходимой ясностью и критичностью ума для чтения между строк. Библиотеки, пострадавшей в переездах и восстановленной в европейских книжных. В одной статье из сборника «В скобках» мы читаем:

> С другой стороны, я не припомню и того, чтобы отец дарил мне какую-нибудь книгу, хотя как-то раз мы зашли в книжный и он по моей просьбе купил мне журнал с длинной статьей о французских поэтах. Все эти книги, включая журнал, вместе со множеством других книг потерялись в ходе моих путешествий и переездов, или я их кому-то одолжил и больше не видел, или продал, или подарил. Тем не менее есть одна книга, о которой я помню не только когда и где я ее купил, но и час, в который я ее купил, кто меня ждал на улице у книжного, чем я занимался той ночью, счастье (совершенно иррациональное), которое я испытал, взяв ее в руки. Это была моя первая купленная в Европе книга, и она до сих пор хранится в моей библиотеке. Речь идет о «Поэтических произведениях» Борхеса, которые были выпущены издательством Alianza / Emecé в 1972 году и которых уже не найти было в продаже. Я купил эту книгу в Мадриде в 1977 году и, хотя поэтическое творчество Борхеса было мне небезызвестно, начал читать ее в ту же ночь и не мог оторваться до восьми утра, словно чтение этих стихов было единственным возможным для меня чтением, единственным чтением, которое могло отвлечь меня от прежде необузданной жизни, и единственным чтением, которое могло заставить меня размышлять, потому что в природе поэзии Борхеса есть ум, есть храбрость и отчаяние, то есть единственное, что побуждает размышлять и благодаря чему поэзия остается живой.

Нет идеологических сомнений. Нет нравственных подозрений. Борхес просто не принадлежит революционной традиции, но это не умаляет его ценности. Он менее проблематичен, чем Неруда. В «Советах ученика Моррисона фанатику Джойса» Боланьо и А. Г. Порта настойчиво говорят о книжных магазинах Парижа: книжный как проводник политического чтения (герой читает в ней El Viejo Topo[67]), книжный как приглашение нравственному вуайеристу («Мне всегда нравились витрины книжных.

67 «Старый крот» — журнал, посвященный культуре и политике. Выходил в Испании с 1976 по 1982 год, стал снова издаваться с 1993 года.

Изумление, испытываемое от того, что, глядя сквозь стекла, находишь последнюю книгу самого большого м*дака или самого косноязычного из отчаянных»), книжный как красота сама по себе («Я побывал в двух или трех самых красивых книжных, которые когда-либо видел»). Одним из них, хотя это и не уточняется, был, по-видимому, Shakespeare and Company. Его ремейк. Из посещения рождается мысль снять Ulises на Super-8:

> Париж. Места, где жил Джойс. Рестораны, Les Trianos, Shakespeare and Company — Left Bank Facing Notre-Dame 68 (хотя это не тот же самый. Первоначальный книжный располагался сначала в доме номер 8 по улице Дюпюитрен, а затем, с лета 1921 года, в доме 12 по улице Одеон).

В «Бродяге во Франции и Бельгии», одном из рассказов из сборника «Шлюхи-убийцы», герой по имени Б ходит по букинистическим магазинам Парижа и в одном из них, на улице Вье-Коломбье, обнаруживает «старый журнал “Луна-парк”». Имя одного сотрудника, Анри Лефевра, «вдруг вспыхивает подобно спичке в темной комнате»; он покупает журнал и выходит на улицу, чтобы потеряться, как до него поступили Лима и Белано. Другое имя вспыхивает на странице, которую я пишу: имя Berthe Trépat[69], которое Бруно Монтане и он выбрали для журнала, отпечатанного ими на ротаторе в Барселоне в 1983 году. Вспышка длится не очень долго, но ее оказывается достаточно для того, чтобы мы увидели некоторые традиции писателей и книготорговцев, некое родство, объединяющее историю литературы и историю книжных, то есть историю культуры. Они как географический разлом, как дрожание — между свечой и ночью, между маяком и ночным сводом, между далекой звездой и темной болью.

> Грамши, Троцкий, Мандель, Ленин и, разумеется, Маркс. В 1976 году ветер переменился, а эти книги продолжали продаваться. А что было делать продавцам книг? Уничтожать то, что было деньгами, деньгами, которые им было нелегко заработать? Они клали их под прилавок и продавали тайком. Многие из-за этого пропали.
> *Эктор Яновер. «Возвращение осевшего книготорговца»*

68 На левом берегу, напротив Нотр-Дам (*англ.*).

69 Имя одного из второстепенных персонажей «Игры в классики» Хулио Кортасара.

9.
Париж
без мифов

Теннесси Уильямс жаловался на недостаточную сексуальную верность марокканских парней, в которых он влюблялся, пока они с Труменом Капоте бродили по улицам в поисках наслаждений, предлагаемых этими прекрасными подростками.
Адриан Мело. «Любовь юношей: гомосексуальность и литература»

В 1996 году режиссер и писатель Эдгардо Козаринский выпустил игровой документальный фильм «Танжерские призраки», повествование в котором велось на французском и арабском языках. Его герой — переживающий кризис писатель; он приезжает на африканский берег, следуя как за призраками американскими, уже появлявшимися в нашей книге, так и за французскими, придавшими когда-то *легендарный ореол* белому и интернациональному городу. В роли антагониста — мальчик, пытающийся эмигрировать в Испанию. В ленте Козаринского литературный Танжер сосуществует с Танжером нищим и жалким. Писательство и сексуальный туризм взаимодействуют в одной и той же зыбкой плоскости, где границы, несмотря на кажущуюся расплывчатость, четко очерчены: клиент и работник, эксплуататор и эксплуатируемый, тот, у кого есть франки и доллары, и тот, кто надеется их получить. Французский выступает тут как лингва франка между обеими сторонами, противостоящими друг другу при видимости диалога. Следы Фуко и Барта путаются со следами Берроуза и Гинзберга, сливаясь в борделях, где марокканские юноши издавна занимались проституцией.

Документальная составляющая фильма — о тех, кто пережил ту якобы золотую эпоху, которую мы внезапно начинаем воспринимать как смутное время. «Здесь, в этой библиотеке, — говорит Рашель Мюйаль о Librairie des Colonnes, — побывали все». И тут же делится историей, наверняка рассказанной уже много раз: «Я увидела Жене и Шукри за чашкой кофе; когда к ним подошел чистильщик обуви и спросил, не хочет ли кто-нибудь начистить ботинки, Хуан Гойтисоло вытащил пятисотфранковую купюру. Дело было за пару лет до его смерти». Три современных легенды в одном образе, который, как кажется, только владелица книжного хранит нетронутым. «Я не испытываю никакой ностальгии по “интернациональному Танжеру”, это была жалкая эпоха», — говорит Шукри в интервью, включенном в фильм. Боулз плохо отзывается о Керуаке и остальных битниках. А Хуан Гойтисоло рассказал мне, что никогда не бывал

в Танжере одновременно с Жене. Рашель Мюйаль также утверждала годы спустя, что я ошибаюсь. Фильм Козаринского лежит в одном из чемоданов, с которыми я путешествую, это копия на видеокассете, уже не воспроизводимая. Как знать, кто прав, если вообще возможно быть правым? Каждая легенда переживает когда-то возрождение.

Взгляд автора «Хлебом единым»[70] на этот «золотой иностранный легион» особенно интересен. Для Шукри, отягощенного экономической зависимостью от Пола Боулза (Боулз помог ему написать первую книгу и перевел ее на английский, открыв тем самым доступ к международному рынку), Жене был не более чем мошенником. Не только потому, что его нищета была смешной в сравнении с нищетой марокканцев, о которой так жестко рассказал сам Шукри в своих автобиографических книгах, но и потому, что Жене не знал ни слова по-испански, вследствие чего его рассказы о преступности в Барселоне или в некоторых кругах в Танжере всерьез воспринимать нельзя. Боулза Шукри окрестил «узником Танжера»: тот провел свои последние годы, валяясь на диване, и, по мнению Шукри, на самом деле не соприкасался с окружавшей его арабской культурой. Достаточно лишь прочитать письма Боулза, чтобы заметить, что, хотя физически он находился в Марокко,

70 Роман выходил также под названием «Голый хлеб».

его культурные запросы действительно сосредоточивались на Соединенных Штатах — по мере старения все сильнее. Тем не менее он отдавал себе отчет в том, что приток англосаксонских писателей придавал городу литературный флер, хотя их, как и самого Боулза, не занимало глубокое исследование марокканского общества. В статье 1958 года под названием «Миры Танжера» он писал, что «город, как и человек, когда узнаешь его глубоко, почти всегда предстает в разных обличьях», но для такого познания нужно время. И никогда в последующие сорок лет он не считал, что найденного им времени было достаточно. В 1948 году он писал Джейн из танжерского отеля Ville de France: «Мне по-прежнему нравится Танжер, быть может из-за ощущения, будто я нахожусь на грани, которую однажды перейду».

«Пол Боулз. Узник Танжера» начинается так: «Какой абсурд. Ничто не кажется мне более абсурдным, чем эта раздутая ностальгия по былому Танжеру и эти воздыхания по его прошлому, когда он был международной зоной». Но я при этом не могу не задаться вопросом, почему на самом деле Шукри пишет эту книгу или ее близнеца «Жан Жене и Теннесси Уильямс в Танжере»? Не таится ли под его обличительным порывом подспудная уверенность, что на *Западе* его будут читать, только пока он говорит об англосаксонских или французских знаменитостях? Ответ на эти вопросы вряд ли найдется. В чем не возникает сомнений, так это в искренности той боли, которой сочатся его слова, неслучайно он постепенно уничтожает собственного литературного отца: «Ему нравилось Марокко, но не марокканцы». Презентация его книги о Боулзе, изданной «Кабаре Вольтер», прошла в Танжере в середине 2012 года с участием его переводчицы Раже Бумедиан эль-Метни и Хуана Гойтисоло. Разумеется, в Librairie des Colonnes.

В своих воспоминаниях Мюйаль описывает первую встречу с Шукри: «Мы ужинали на чудесной, полной ароматов террасе ресторана La Parade летним вечером с молодыми и красивыми кузинами, когда незнакомый юноша решил преподнести нам цветы. Увидев, что мы их не принимаем, парень начал обрывать с них лепестки и есть их». Она вспоминает, как потряс ее «Хлебом единым», ведь она и не подозревала, что в ее собственном городе существует такая безнадежная, такая беспощадная бедность. Вспоминает и то, как часто они стали говорить о литературе и политике, когда он заходил в магазин. Тахар Бенджеллун перевел книгу на французский, так что перевод на оба главных

в издательском мире языка осуществили выдающиеся переводчики. Но в оригинале «Хлебом единым» сразу стал бестселлером и был запрещен: «Две тысячи экземпляров были распроданы за несколько недель, и я получила из Министерства внутренних дел уведомление о запрете продажи этой книги на всех языках. Тем не менее отрывки из его книги были опубликованы в ливанской и иракской прессе». Когда в «Открытом городе» (2011) Теджу Коула рассказчик просит другого героя посоветовать ему книгу, «отвечающую его представлениям о настоящей литературе», тот без колебаний пишет на листе бумаги название самого известного произведения Шукри. Он противопоставляет его Бенджеллуну, более лиричному, ориентированному на западные круги, тогда как Шукри «остался в Марокко и живет со своим народом», никогда не покидая «улицу». В романе «Улица воров», изданном годом позже и на другом континенте, Матиас Энар также заставляет рассказчика подчеркивать магнетизм марокканского писателя: «Его арабский был сухим, как удары, которыми осыпал его отец, жестким, как голод. Новый язык, манера письма, которая мне показалась революционной». Коул, американский писатель нигерийского происхождения, отмечая вклад историка литературы Эдварда Саида в наше понимание *восточной* культуры, очень точно заметил: «Отличия никогда не принимаются». На протяжении всей своей жизни Шукри занимался именно защитой своего права на отличие, приближаясь к тем, кто видел в нем то, чем он был, — выдающегося писателя, и в то же время отдаляясь от них, как бывает в любой жизни, в любой сделке».

В книге «Париж никогда не кончается» Энрике Вила-Матас говорит о Козаринском, с которым он часто пересекался в кинотеатрах французской столицы. «Я помню, что восхищался им, потому что ему удавалось сочетать два города и два художественных призвания», — отмечает он в 65-м фрагменте своей книги. Он имеет в виду Буэнос-Айрес, родной город Козаринского, и Париж — город, его принявший. При этом во всем его творчестве присутствует линия напряжения между Танжером и Парижем, между Западом и Востоком, между Латинской Америкой и Европой. «Особенно меня восхитила, — добавляет Вила-Матас, — его книга “Городской вуду”, книга изгнанника, книга транснациональная, где он использовал гибридную структуру, которая в те дни была по-настоящему новаторской». Если Боланьо вновь встретился с Борхесом в Мадриде, то Вила-Матас, следуя по стопам Козаринского, открыл для себя рассказы Борхеса

в парижском книжном Librairie Espagnole: «Наибольшее впечатление на меня произвела вычитанная в одном из его рассказов мысль о том, что будущего, возможно, не существует».

Знаменательно, что мысль эта открылась ему благодаря книжному магазину, управляющий которым Антонио Сориано, эмигрант-республиканец, как раз питал надежду на будущее без фашизма. В подсобке его книжного диаспора продолжала свое культурное сопротивление. Как часто бывает, история этого магазина переплетается с историей более раннего — Librairie Espagnole Леона Санчеса Куэсты, начавшейся в 1927 году в помещении площадью пять квадратных метров на улице Гей-Люссака. Там имелись две витрины: посвященная Хуану Рамону Хименесу и молодым поэтам вроде Салинаса и Бергамина. Управляющий Хуан Висенс де ла Льяве намеревался даже издавать книги на испанском языке в Париже (первой должен был стать «Улисс» в переводе Дамасо Алонсо). Решив вернуться в Мадрид в разгар событий 1934 года[71], он передал руководство магазином своей сотруднице Жоржет Рюкар. Однако во время войны, будучи уполномоченным республиканского правительства по вопросам пропаганды при посольстве в Париже, он использовал его как центр распространения антифранкистских идей. Именно Рюкар после Второй мировой войны, как рассказывает Ана Мартинес Рус в «"Книготорговец Сан-Леон": культурные начинания Санчеса Куэсты», связалась с Сориано, занимавшимся книжной торговлей в Тулузе, для того чтобы он взял на себя управление фондом своего бывшего книжного. Так что эта книга могла бы назваться не «Книжные магазины», а «Метаморфозы».

Попав в мансарду Маргерит Дюрас в 1974 году, Вила-Матас присутствовал при предсмертных хрипах этого мира, если не при его вскрытии. Уже будучи зрелым, автор «Краткой истории карманной литературы» осмысляет свой опыт инициации в Париже, в Париже его личных легенд вроде Хемингуэя, Ги Дебора, Дюрас или Реймона Русселя, где все отсылает к блестящему, но безвозвратно утраченному прошлому, которое, как это ни парадоксально, не выходит из моды. Потому что каждое поколение в молодости вновь проживает свой Париж, и этот Париж демистифицируется лишь по мере старения человека.

71 Имеется в виду восстание рабочих и левых сил в Астурии в октябре 1934 года, которое было подавлено с исключительной жестокостью: после окончания боев правительственные войска расстреляли без суда и следствия около трех тысяч человек.

На двери запасного выхода книжного магазина La Hune красовался силуэт Дюрас, сидящей на полу, а слева — ее знаменитая фраза: «Faire d'un mot le bel amant d'une phrase»[72]. Мне понадобились пять поездок в Париж, чтобы понять, что из сотен местных книжных, лучшие, пожалуй, — Compagnie, L'Écume des Pages и La Hune. Во время предыдущих приездов, помимо обязательных посещений Shakespeare and Company, я заходил во все книжные, которые оказывались у меня на пути, но по какой-то причине ни один из трех названных магазинов в мои маршруты не попадал. В последний раз перед отъездом я спросил совета у самого Вила-Матаса и вскоре нашел их. Я увидел постер Сэмюэла Беккета на доске пробкового дерева в Compagnie. И полки в стиле ар-деко в L'Écume des Pages. И эту невероятную лестницу и белоснежную колонну посреди La Hune, созданную в ходе реставрации 1992 года Сильвеном Дюбюиссоном. Первый магазин находится между Сорбонной, музеем Клюни и Коллеж де Франс. Второй и третий — в Сен-Жермен-де-Пре, совсем рядом с Café de Flore и Deux Magots, они открыты каждый день до полуночи в соответствии со старой богемной традицией, требующей к книге кофе и бокал вина.

Когда Макс Эрнст, женившись на Пегги Гуггенхайм и став завсегдатаем Gotham Book Mart, Анри Мишо, бросивший

72 Превратить слово в прекрасного возлюбленного фразы (*франц.*).

литературу ради живописи, или Андре Бретон после своей американской ссылки вернулись в Париж, на улице Одеон уже не было книжных, и они обрели в La Hune новое место для встреч и листания книг. Магазин был основан в 1944 году четырьмя друзьями — книготорговцами Бернаром Геербрантом и Жаклин Лемунье, его будущей супругой, писателем и режиссером Пьером Рустангом и Норой Митрани, болгарской писательницей-сюрреалисткой и социологом. В 1949 году, после переезда на бульвар Сен-Жермен, 170, книжный La Hune устроил в пользу семьи Джойса выставку и аукционную распродажу книг, рукописей и мебели из его парижской квартиры и той части архива Бич, что касалась издания его шедевра. Вскоре после этого Мишо стал экспериментировать с мескалином, и созданные им графические произведения легли в основу книг середины пятидесятых вроде «Жалкого чуда» и таких выставок, как «Описание невзгоды» в Librairie-Galerie La Hune. Бернар Геербрант, скончавшийся в 2010 году, был видной фигурой парижской интеллектуальной жизни и в течение десяти с лишним лет возглавлял Клуб книготорговцев Франции. Значимость его как издателя текстов и графики такова, что его архивы теперь хранятся в Центре Помпиду, где в 1975 году Геербрант курировал выставку «Джеймс Джойс и Париж». После короткой и неудачной попытки продвинуться в другом направлении книжный La Hune окончательно закрылся в июне 2015 года. Художница Софи Каль решила последней подойти к его прилавку. Стать последним посетителем, последним читателем. Устроенный ею перформанс положил начало трауру, который все еще продолжается и не ограничивается одними лишь парижскими клиентами La Hune, но охватывает и всех нас, тех, кто когда-либо входил в его двери и выходил изменившимся — немного, почти незаметно, но навсегда.

Как и большая часть упомянутых в настоящей книге магазинов, эти три являются фетишами сами по себе и местами, где фетиши выставляются. Это фетишизм, выходящий за рамки классического марксистского определения товарного фетишизма, согласно которому человек, превращая наделенную ценностной характеристикой вещь в товар, тем самым одухотворяет его. Это фетишизм, продвигаемый капиталистическими агентами (издателями, распространителями, книготорговцами, каждым из нас), которые изображают (мы изображаем) защиту производства и потребления культуры, словно и не думают подчиняться тирании *интереса*. Фетишизм, приближающийся к фетишизму

религиозному и даже сексуальному (во фрейдистском ключе): книжный магазин как храм, где хранятся идолы, предметы культа, как склад эротических кумиров, источников наслаждения. Книжный как частично секуляризированная церковь, превращенная в секс-шоп. Потому что книжный подпитывается энергией предметов, пленяющей за счет накопления, избытка предложения, трудности определения спроса. Эта трудность обретает конкретные формы, когда, наконец, находится предмет, который возбуждает, который требует, чтобы его немедленно купили и затем, возможно, прочли. Возбуждение не всегда сохраняется, но остается шлейф процентов от продажи книги, расходов и выгод.

Дин Макканелл препарировал структуры туризма и определил базовую схему: отношение между *туристом* и *зрелищем* посредством *маркера*. То есть: посетитель — достопримечательность — и то, что ее определяет как таковую. Решающее значение имеет маркер, указывающий или создающий стоимость, важность, привлекательность места и превращающий его в потенциальную туристическую достопримечательность. В фетиш. Магазин якобы антикварных предметов в Пекине был великолепным маркером. Хотя стоимость изначально носит символический характер, в конечном счете она приобретает и дискурсивный смысл: Эйфелева башня в первую очередь является открыткой, фотографией и лишь затем ассоциируется с биографией автора, с историей своего строительства, вызвавшего столько споров, с одной из многих башен в мире, с топографией Парижа. Самые значимые книжные магазины мира с бóльшим или меньшим основанием притязают на обладание маркерами, которые делают их особенными, принося коммерческий успех или делая туристической меккой. Такими маркерами служат возраст (*основан в, самый старый книжный в*), размер (*самый большой книжный в, столько-то миль полок, столько-то сотен тысяч книг*), вехи в истории культуры (*центр такого-то движения, здесь часто бывал, книжный, в котором покупал книги X, его посещал, основал, как можно видеть на фотографии, книжный-побратим такого-то*).

Искусство и туризм схожи в том, что нуждаются в существовании некоего яркого знака, того, что привлекает к произведению. Вряд ли «Давид» Микеланджело вызывал бы внимание, находись он в городском музее Аддис-Абебы и будь творением неизвестного автора. В 1981 году Дорис Лессинг, с большим успехом издавшая «Золотую тетрадь», отправила в различные издательства свой новый роман под псевдонимом

еще не публиковавшейся писательницы — ей все отказали. В сфере литературы именно издательства первыми пытаются создать маркеры через текст на обложке или газетные публикации; однако затем критики, ученые и книжные магазины создают собственные маркеры, которые и определяют судьбу книги. Иногда это делают сами авторы, сознательно или бессознательно, выстраивая рассказ вокруг условий создания своих произведений или своих жизненных обстоятельств в те годы. Самоубийство, бедность или контекст написания книги зачастую становятся составляющей маркера. Этот рассказ, его легендарный характер — один из факторов, позволяющих тексту выжить и стать классическим. Первая часть «Дон Кихота», предположительно написанная в тюрьме, а вторая — как реакция на незаконное присвоение сюжета Авельянедой. Восприятие «Дневника чумного года» как хроники реальных событий. Процессы против «Госпожи Бовари» и «Цветов зла». Чтение по радио «Войны миров» и порожденная им коллективная паника. Кафка на смертном одре, приказывающий Максу Броду сжечь свои произведения, и сгоревшие, исчезнувшие рукописи Малкольма Лаури. Скандалы вокруг «Тропика рака», «Лолиты», «Воя» и «Хлебом единым». Маркер порой непредсказуем и создается спустя долгое время. Так было с романами, не принятыми многими издательствами, вроде «Ста лет одиночества» или «Сговора остолопов». Разумеется, эти обстоятельства не использовались для стимулирования продаж тогда, когда произведения, наконец, публиковались, но, когда книги добивались успеха, они становились частью легенды.

Процесс написания многих парижских книг, таких как «Улисс», «Голый завтрак» или «Игра в классики», был подвергнут явной фетишизации и сегодня является общим местом в истории современной культуры. Для бит-поколения, ощущавшего себя наследником символизма и французского авангарда, «Улисс» служил очевидным символом идеи разрыва, а само его легендарное

издание — очень близким примером. Написанный в смутные танжерские годы, заказанный Гинзбергом и Керуаком, завершенный во Франции, «Голый завтрак» был передан на суд Мориса Жиродиа, издателя Olympia Press на Левом берегу, который счел его полной галиматьей и отказался публиковать. Однако полтора года спустя, когда благодаря публикации некоторых отрывков роман обрел провокационную и непристойную славу — маркер, — Жиродиа вновь заинтересовался рукописью. К тому времени успех «Лолиты» уже сделал его богатым человеком, и роман Берроуза, от написания которого у автора остались довольно расплывчатые воспоминания, помог ему разбогатеть еще больше. Он вписывался в давнюю французскую традицию — традицию торговли скандальными книгами, зачастую запрещенными по обвинению в непристойности или порнографии: в XVIII веке их издавали в Швейцарии и ввозили во Францию после уплаты соответствующей взятки на границе, а в XX веке публиковали в Париже и завозили в Соединенные Штаты, прибегая к хитроумным уловкам.

По поводу романа «В дороге» Керуак писал: «Считалось, что "Улисса" читать сложно, а сегодня его считают классикой и все его понимают». Ту же мысль мы встречаем у Кортасара, для которого эта традиция имеет основополагающее значение: она сплелась с Парижем не только в атмосфере первой части его шедевра, но и в своего рода переписывании «Нади» Бретона. В письме, адресованном Франсиско Порруа, своему издателю, он рассматривает этот свой постулат как парадигму сложности, разрыва, сопротивления и различения среди его ровесников: «Такое, полагаю, случалось всегда и всюду. Я не знаком с критическими работами об "Улиссе", но смею думать, что и там не лучше. "Мистер Джойс

пишет плохо, коль скоро не пишет на языке нашего клана"»[73]. Как и «Голый завтрак», «Игра в классики» представляет собой порядок чтения, который действует, отталкиваясь от фрагмента, коллажа, случая, с революционным политическим намерением: разрушить буржуазное упорядочение дискурса, взорвать литературные условности, столь похожие на условности общественные. Поэтому в своих письмах издателю Кортасар пытается указать маркер, дискурс, который должен направлять чтение книги. Нужно представить сложность процесса издания, осуществленного в эпистолярной форме, задержки, недоразумения, потери (в одном конверте, например, был утрачен шаблон верстки книги, подготовленный автором):

> Если я так упорно настаиваю на этом, Пако, то в первую очередь потому, что боюсь, как бы не слишком напирали на слово «роман». В таком случае мы в известной мере надуем читателя. Да, я знаю, что «Игра» тоже роман и, возможно, если она чего и стоит, то именно в этом качестве. Но я писал «Игру в классики» как контрроман, и Морелли взял на себя труд твердо сказать об этом, он более чем убедительно разъяснил все в тех главах, которые я назвал выше. В конечном счете, я считаю, что надо сделать упор на аксиологических аспектах книги. Здесь я имею в виду последовательное и яростное изобличение неаутентичности человеческого бытия... : иронию, насмешку, издевку, всякий раз, когда автор или персонажи соскальзывают в философскую «серьезность». Согласись, после романа «О героях и могилах» самое малое, что мы можем сделать для Аргентины, так это выставить на посмешище выморочную «серьезность» наших онтологических м*даков, которые мнят себя писателями.

Связь «Игры в классики» с ее молодыми современниками установилась мгновенно. Описанный в ней Париж обновляет классическое, то есть богемное видение города; многочисленные топографические детали превращают ее в вероятный путеводитель для культурного туриста, как подчеркивают издания, снабженные картой или списком любимых кафе писателя; ее энциклопедическое измерение (литература, живопись, кино, музыка, философия...) расширяет возможности ее прочтения. Классическое произведение — это произведение, которое всегда можно прочесть

73 *Кортасар Х.* Письма к издателю / Пер. с исп. Э. Брагинской. М.: Центр книги Рудомино, 2012.

по-новому. Классик — это автор, который никогда не выходит из моды. А именно в Париже зародилась мода в том виде, в каком мы понимаем ее сегодня, и потому неудивительно, что по крайней мере до шестидесятых годов благодаря постоянному притоку творческих людей со всех концов мира он сохранял способность создавать горизонт ожиданий определенных читателей по отношению к определенным произведениям, фетишистскую ауру. Паскаль Казанова пишет:

> Гертруда Стайн дала самое короткое определение местоположению современности: «Париж, — пишет она в "Париж-Франция" — находится там, где находится XX век». Париж — настоящее время литературы, столица современности. Совпадение Парижа с настоящим временем разного рода искусств и художеств происходит потому, что именно в нем производятся модные вещи, а мода — основной параметр современности. В знаменитом «Путеводителе по Парижу», изданном в 1867 году, Виктор Гюго подчеркивает авторитет города-солнца не только в области политики и интеллектуальной жизни, но и в области вкуса и элегантности, то есть моды и современности.

Можно сказать, что логика, частично объясняющая отношения между римской и греческой культурой в античности, в которой преемственность, подражание, заимствование и насильственное присвоение служили для империи инструментами обеспечения собственной культурной гегемонии, когда мифы были переформулированы (от Зевса к Юпитеру), а эпос переписан (от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера к «Энеиде» Вергилия), — эта логика могла бы стать моделью для понимания и прочтения отношений между Соединенными Штатами и Францией в современную эпоху. Хотя Лондон тоже был культурной столицей XIX столетия, Париж, как мы уже видели, стал для него центром литературы и живописи. В двадцатые и тридцатые годы XX века знаменитости вроде Хемингуэя, Стайн, Бич, Дос Пассоса, Боулза или Скотта Фицджеральда обрели в Париже ощущение столичности и богемную экзальтацию. Для целого поколения американских интеллектуалов, а эти громкие имена представляют собой ничтожную часть тех, кто приезжал в Париж и увозил оттуда идеи вместо сувениров, Франция стала моделью культурного grandeur[74] и управления символическим наследием. Если

74 Величия (*франц.*).

был прав Хемингуэй и французская столица представляла собой *праздник, который всегда с тобой*, неудивительно, что он смог эмигрировать в тридцатые годы, когда нацизм пришел к власти в Германии и в конечном счете разразилась Вторая мировая война. Пикассо остался в Париже и там создал систему рынка современного искусства; там осталась Бич, а Хемингуэй вернулся как солдат освобождения. Но большинство французских авангардистов и американских романистов вновь встретились или познакомились друг с другом — а также с художниками, галеристами, историками, журналистами, архитекторами, дизайнерами, кинорежиссерами или книготорговцами — в Нью-Йорке. Том же городе, что, проведя крупные выставки, посвященные Ван Гогу или Пикассо, постепенно создал на этой основе собственное изложение современного искусства, возвеличив сначала абстрактных экспрессионистов, а позднее поп-арт во главе с Уорхолом и «Фабрикой». Эти пятидесятые и шестидесятые годы очаровывают, потому что американские писатели, больше всего созвучные своей эпохе, по-прежнему посещают Париж. Но с другим смыслом. Потому что, когда во Францию едут Керуак или Гинзберг, они следуют по пути, обратному тому, что проделал Боулз, и останавливаются в Танжере, словно один город равнозначен другому. Для Керуака французский был родным языком, а Ферлингетти переводил сюрреалистов вроде Жака Превера. Позднее во французскую столицу отправятся и другие американские авторы, также тесно связанные с воображаемым миром книжного магазина, такие как Пол Остер, переводчик Малларме, но главные литературные авторитеты для этих позднейших поколений — американцы, а не европейцы. Париж превратился в Библиотеку Мировой Литературы, тогда как в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Чикаго или Нью-Йорке постоянно открываются книжные магазины, призванные войти в число самых важных культурных центров второй половины XX века. Хорошо это или плохо, но одним из таковых является второй Shakespeare and Company, который не находится на американской территории и кажется посольством или чужаком.

В документальном фильме «Портрет книжного магазина в старости» некто говорит, что Джордж Уитмен был самым американским человеком, которого он знал, в силу своей прагматичности и бережливости: работать в книжном должны были молодые люди, питающие страсть к литературе, без какой-либо оплаты, в обмен на кровать, еду и — этого он не говорит — престижный опыт: ведь они работали и жили в Shakespeare and

Company, в самом сердце Парижа. По сути Уитмен воплотил мечту каждого молодого американского читателя: его магазин соответствовал стереотипу так же, как книжный в «Гарри Поттере», и был туристической достопримечательностью с очень ярким маркером, столь же важной для студента, изучающего литературу, как Эйфелева башня или Джоконда. Кроме того, в нем можно было еще и *жить*, он давал возможность — как и карта в издании «Игры в классики» — придать литературе пространственное измерение, превратить ее в тело или в гостиницу. «Living the Dream»[75] могло бы быть его девизом. И сделал он это посредством концептуальной и коммерческой операции по отношению к первоначальному Shakespeare and Company, которую можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны — как продолжение или наследие; как присвоение или даже узурпацию — с другой. В одном интервью Уитмен говорил: «Она никогда ничего о нас не знала. Мы ждали ее смерти, потому что если бы я ее попросил и она ответила бы мне отказом, то я не смог бы взять название даже после того, как она умерла. Тем не менее я думаю, что она бы согласилась». Очевидно, что он не выбрал La Maison des Amis des Livres в качестве названия для своего магазина как из-за своего англосаксонского происхождения, так и из-за коммерческого потенциала бренда, который обеспечивал приток туристов. И их естественную растерянность.

Фильм показывает деспотичного и непостоянного книготорговца, способного как на жестокие оскорбления, так и на поэтическую сентиментальность, использующего своих гостей как добровольцев на трудовом поприще, где их никогда должным

75 Воплощение мечты (*англ.*).

образом не извещали об условиях работы. Богемный и скромный книготорговец, несмотря на значительные доходы от книжного и пять миллионов евро, в которые было оценено его здание, не тративший денег на одежду и еду, не знавший ни общественной, ни личной жизни за пределами своего живописного царства. Сжегший волосы перед камерой, поднеся к ним две свечи — кто знает, из-за старческого ли маразма или чтобы сэкономить на походе в парикмахерскую. И назвавший свою дочь, ныне владеющую магазином, Сильвией Бич Уитмен.

Справедливости ради портрет стоит дополнить хроникой «Самый знаменитый книжный в мире» Джереми Мерсера. На ее страницах Уитмен предстает таким же непостоянным и постаревшим существом, но при этом щедрым, влюбчивым, мечтательным, готовым поделиться с каждым, кто находит ночлег в его жилище, важнейшими книгами и определенными воспоминаниями о Париже. Воспоминаниями о Лоренсе Даррелле, напивавшемся по ночам после целого дня работы над «Александрийским квартетом»; об Анаис Нин, которая, возможно, была любовницей Уитмена; о Генри Миллере, бит-поколении и Сэмюэле Беккете, наносившем, разумеется, только молчаливые визиты; обо всех книгах и журналах, получавших от его книжного помощь; о Марго Хемингуэй, которую он водил по Парижу в поисках города ее деда.

Приняв наследство от своего отца, Сильвия Бич Уитмен первым делом перенесла книжный в XXI век. Магазин был отремонтирован и снабжен новым освещением, а также пережил некоторые изменения для удобства входа-выхода и перемещений

внутри. Кроме того, на все том же первом этаже был открыт кафетерий, запланированный, но так и не открытый Джорджем Уитменом. Одним из первых действий новой собственницы был выпуск цветного издания, которое воспроизводило часть документального и графического архива, хранившегося в чемоданах и коробках на протяжении десятилетий. Насколько мне известно, впервые Кортасар был упомянут в качестве одного из постоянных посетителей в шестидесятые и семидесятые годы наряду с французскими и англосаксонскими завсегдатаями сомнительной репутации. Решительный шаг к большой книге или большой выставке, которая отразит значение легендарного книжного в культурной жизни Парижа второй половины XX века. Так, после первой жизни на улице Одеон и второй битнической жизни началась третья жизнь Shakespeare and Company.

Чем был и чем является Shakespeare and Company? Коммунистической утопией или магазином скряги? Туристической иконой или по-настоящему значимым книжным? Был ли его владелец гением или сумасшедшим? Не думаю, что на такие вопросы есть ответы, а если и есть, то они не будут односложными. Ясно то, что L'Écume des Pages и La Hune не являются *легендарными* книжными в том же смысле, в каком легендарен Shakespeare and Company, и не обладают такой же известностью в мире, а это заставляет нас вновь задаться вопросом: из какого теста сделаны легенды? И прежде всего — как мы можем их развенчать?

Я сам вовлечен в процессы создания легенд. Все путешествия и все книги пристрастны. Когда я, наконец, посещу Le Divan, истоки которого восходят к двадцатым годам в Сен-Жермен-де-Пре и который был возрожден издательством Gallimard в 1947 году, а с 1996 года находится в пятнадцатом округе, и изучу его историю; когда я открою Tschann, основанный на Монпарнасе в 1929 году господами Чан — друзьями тех, кто участвовал в художественной жизни знаменитейшего богемного района, дочь одного из них Мари-Мадлен была популяризатором творчества Беккета во Франции, я смогу, наконец, удовлетворить требования переводчика Ксавье Нуэно, который, надеюсь, представит меня нынешнему управляющему Фернандо Барросу — тот рассказывает в своих интервью, что думает и о прошлом, и о будущем магазина; когда, наконец, книги, путешествия или друзья приведут меня в другие районы и другие книжные, моя культурная карта Парижа изменится, а с ней и мой рассказ. Пока же я признаю ограниченность этой невероятной будущей

энциклопедии, светлой и темной, как и прочие, неполной, постоянно переписываемой.

> Когда после полувека занятий книжной торговлей в Париже я оглядываюсь назад, все мне кажется произведением Шекспира, которое никогда не кончается, в котором Ромео и Джульетты вечно молоды, тогда как я стал восьмидесятилетним стариком, постепенно, словно Король Лир, утрачивающим рассудок.
> *Джордж Уитмен. «The Rag and Bone Shop of the Heart»*[76]

76 Магазин старьевщика сердец (*англ.*)

10. Сетевые книжные

Скорость влечет за собой текучесть и сокращение содержания предметов. Они превращаются в панорамы, в образы. Ничто не объединяет существующие промежутки маршрута, кроме панорамного вида того, что вырисовывается там, снаружи, вдали от чувств, все еще соотносящихся с технической системой, которая поддерживала тесную связь с твердой землей. Поезду известно лишь время отправления и время прибытия; подобно прохожему, присутствующему в воображении урбанистов, путешественник есть элемент внутри этой системы циркуляции.
Ренато Ортис. «Современность и пространство. Беньямин в Париже»

С 1981 года Shakespeare and Company представляет собой целую сеть *независимых* книжных с четырьмя магазинами в Нью-Йорке, расположенных каждый близ какого-то университета. Собственные магазины, где продаются как учебники, справочники и входящие в учебные программы книги, так и — прежде всего — футболки, свитеры, чашки, постеры, карты, открытки и прочие туристические приманки, связанные с университетской жизнью, есть у многих университетов. Тем не менее рынок этот колонизировала компания Barnes & Noble, создав более шестисот книжных в американских *колледжах*, к которым следует прибавить более семисот городских филиалов с непременной кофейней Starbucks (любопытно, как повлияло на эту цифру сделанное в 2013 году заявление о том, что треть заведений закроется в ближайшие десять лет).

Хотя первый Barnes & Noble открылся в Нью-Йорке в 1917 году, семья Барнс была связана с полиграфической промышленностью с семидесятых годов XIX века. Столетие спустя он стал первым книжным магазином, разместившим свою рекламу на телевидении, и в наше время представляет собой главную угрозу для маленьких самостоятельных книжных. Что само по себе парадокс, ведь открывать филиалы, будущие ячейки одного бренда или одной сети, стремятся многие магазины. Известные сети начинались с отдельных независимых книжных. Задолго до того, как обзавестись десятками филиалов по всей Мексике, Gandhi, открытый Маурисио Ачаром в 1971 году, располагался в южной части Мехико. Крупнейшие книготорговые сети Бразилии возникли благодаря иммигрантам. Так, Жоаким Игнасиу да Фонсека Сарайва родом из португальской области Траз-уш-Монтиш открыл в 1914 году первый книжный магазин Saraiva,

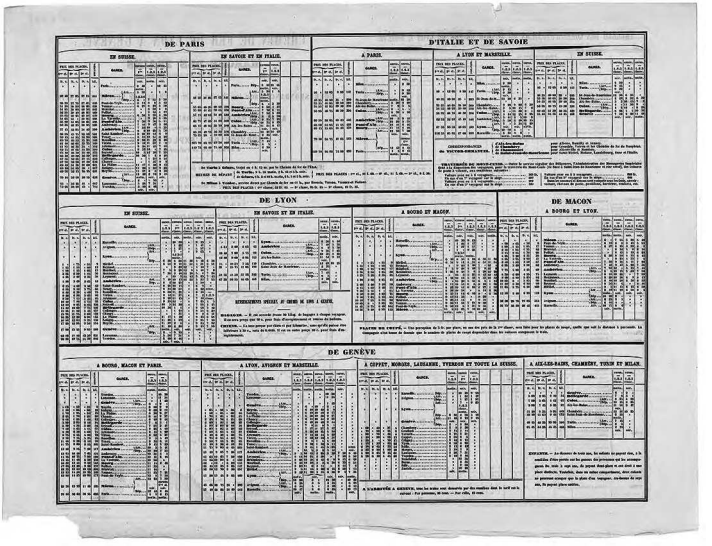
хотя тогда он назывался Livraria Acadêmica. Первый Nobel был основан в 1943 году итальянцем Клаудио Милано (в 1992 году его внук перешел на систему франшизы, вследствие чего количество магазинов умножилось). Книжный Livraria Cultura обязан своим появлением задумке иммигрантки, немецкой еврейки Эвы Херц, в 1950 году превратившей собственную гостиную в пункт выдачи книг, он преобразовался в магазин лишь в 1969 году. Три империи родились в одном и том же городе, Сан-Паулу, и распространились по всей стране. Компании Family Christian Stores сегодня принадлежит около трехсот магазинов, и в 2012 году она пожертвовала миллион Библий для распространения по всему миру, а ведь началось все с остатков тиражей, которые в тридцатые годы братья Зондерван продавали на одной ферме. Своим расширением их бизнес был обязан популярности дешевых изданий религиозных книг, свободных от авторских прав, вроде различных переводов Библии на английский язык.

В XVII–XVIII веках Голландия, которая была убежищем для кальвинистов и в которой отсутствовала религиозная и политическая цензура, превратилась в один из крупнейших мировых книжных центров. Среди ее типографов выделялась семья Эльзевиров, издававшая в период с 1622 по 1652 год книги классических авторов в небольшом формате с примечаниями эрудитов той эпохи, это были, по сути, предшественники наших покетбуков. Как напоминает нам Мартин Лайонс, «издание полного собрания сочинений Вергилия, осуществленное в 1636 году, имело такой успех, что

переиздавалось пятнадцать раз. Классики в небольшом формате вскоре стали называться “эльзевирами”, несмотря на то, кто именно был издателем». Несмотря на свою успешность, такого рода продукт предназначался для образованной элиты. Нужно понимать, что «Энциклопедию», настоящий бестселлер, распроданный в двадцати пяти тысячах экземпляров, приобретали в основном дворяне и духовенство — социальные классы, основы которых она подрывала. Простой народ и читатель потреблял прежде всего дешевые книги объемом в несколько страниц, листки с большим количеством картинок или издания bibliothèque bleue, «голубой библиотеки», переплетенные голубой бумагой от пакетов с сахаром — ими торговали продавцы вразнос, известные как colporteur во Франции, Jahrmarkttrödler в Германии и leggendaio в Италии. Жизнеописания святых, невероятные приключения, фарсы, пародии, песни, распевавшиеся по ночам в кабаках, сказки и легенды, рыцарские романы, календари сбора урожая, гороскопы, руководства по азартным играм, книги рецептов и даже сжатые изложения классиков — вот подлинные бестселлеры до появления романтических и реалистических романов и серийной фельетонной литературы в XIX веке.

Коммерчески успешные книги появляются благодаря Вальтеру Скотту, а затем Чарльзу Диккенсу и Уильяму Теккерею. Продажи книг Скотта в Европе достигли таких объемов, что с 1822 года его романы стали издаваться одновременно по-английски и по-французски. В 1824 году в Германии был опубликован «Валладмор» — пародия на произведения Скотта, в которой выведен был он сам: известно, что ничто не может обеспечить такой успех, как подражание и высмеивание. В середине того же столетия братья Мишель и Кальманн (Кальмус) Леви выпустили в Париже собрание его сочинений по цене в один франк. До этого они разбогатели на продаже оперных либретто и театральных пьес и открыли на бульваре Итальянцев один из крупнейших книжных XIX века, располагавший разделом уцененных книг. Помимо книжного магазина, братья вкладывали деньги в железные дороги, страховые компании и коммунальные службы в колониях. В ту же эпоху Бедекер и Мюррей популяризировали путеводители, которые, в числе других книг, можно было приобрести во множестве торговых точек: в продуктовых лавках, киосках, у торговцев вразнос, в независимых и сетевых книжных магазинах. Эйлин С. ДеМарко в «Чтении и путешествиях» исследует опыт торговли сети Hachette на железнодорожных станциях во

Франции — опыт, успешно развивавшийся почти столетие, с первых шагов в 1826 году до начала Первой мировой войны, в то время как первый парижский магазин открылся в 1853 году. Поезда быстро превратились в важные инструменты распространения книг: наряду с бумагой, типографским оборудованием, запасными частями, они перевозили из одного города в другой работников, писателей, книги и, прежде всего, читателей. Сеть стала эффективной за счет найма на работу женщин — femmes bibliothécaires[77], потому что инициатива получила название La Bibliothèque de Chemins du Fer[78]. В письме, отправленном управляющим основных железнодорожных компаний Франции с целью убедить их в обоснованности своего предложения, Луи Ашетт настаивал на образовательном характере предприятия, ведь легкие, удобные книги, которые он намеревался предложить, выполняли бы именно образовательную роль, а не просто помогали бы скоротать время в пути. В июле 1853 года уже существовало сорок три филиала, где продавалось около пятисот наименований книг. Годом позже в них появились ежедневные газеты, со временем превратившиеся в основной источник доходов. А через три года и продукция других издательств при сохранении монополии на торговлю книгами на вокзалах. В конце столетия сеть распространилась и на метро.


DE PARIS
D'ITALIE ET DE SAVOIE
DE LYON
DE MACON
DE GENÈVE

77 Женщин-библиотекарей (*франц.*).

78 Железнодорожная библиотека (*франц.*).

До 2004 года книготорговая сеть A. H. Wheeler & Co. обладала монополией на торговлю на железнодорожных вокзалах в Индии. Как и в случае с Hachette, на сегодня являющейся транснациональной издательской группой с годовым оборотом в двести пятьдесят миллионов книг, ее железнодорожная история завораживает. Первая точка открылась в 1877 году на вокзале в Аллахабаде после того, как французский писатель Эмиль Моро и его компаньон Т. К. Банерджи позаимствовали торговую марку человека, который, вероятно, в Азии никогда не бывал, — Артура Генри Уилера, владевшего сетью книжных в Лондоне Викторианской эпохи. Соглашение с индийским правительством обеспечило им монополию на продажу книг и газет с очевидной общественной и образовательной целью: в течение ста с лишним лет компания служила главным инструментом распространения культуры в самых отдаленных уголках страны, где зачастую A. H. Wheeler & Co. был единственным книжным в радиусе многих километров. В 1937 году, когда уже просматривалась перспектива независимости, Моро перевел часть собственности на имя своего индийского друга и компаньона, семья которого продолжает управлять ею и поныне. Компания вступила в XXI век, обладая шестьюстами торговыми точками на почти трехстах вокзалах, но в 2004 году националистический порыв министра железных дорог Лалу Прасада Ядава лишил ее монополии: он выступил против английского названия индийской компании. Однако семь лет спустя решение было отменено: сеть книжных стала столь значимой частью повседневного пейзажа, что ее нельзя не воспринимать как культурное наследие.

Как рассказывает Шекхар Кришнан в опубликованной в The Indian Express статье, откуда я почерпнул эти сведения, «увидимся в Wheeler» — расхожее выражение в Бомбее: настолько неотъемлемой частью жизни страны стал этот бренд. В его книжных и киосках часто договариваются о встречах, покупают газеты и садятся на поезд, деля с друзьями или знакомыми долгий путь домой. Во многих торговых точках на протяжении десятилетий устраивались посвященные литературе и политике вечера, участники которых общались стоя, держа в руках чашку чая.

В Мумбаи родился Редьярд Киплинг, чья судьба оказалась связана с фамилией Уилер, поскольку так звали издателя Civil and Military Gazette[79], в которой семнадцати лет от роду начал

79 Гражданской и военной газеты (*англ.*).

работать будущий писатель. Две трети дня он проводил в редакции, даже летом, когда стояла адская жара: по словам одного из его товарищей, пот и чернила превращали его костюм «в шкуру далматинца». Приходилось ему и разъезжать поездами по мусульманским и индуистским территориям империи, где он, случалось, задерживался на долгие месяцы, освещая происходившие там события. Там он впитывал атмосферу и черпал сюжеты для своих первых рассказов, которые опубликовал в 1888 году в The Railway Library — серии карманных изданий, выпускавшейся A. H. Wheeler & Co. Позднее в таких романах, как «Ким» или «Книга джунглей», память окутает эти колониальные впечатления сказочными грезами.

Книжные сети Hachette и Moreau у Banerjee следовали британским образцам, ведь в 1848 году, за пять лет до появления первого французского книжного, на вокзале Юстон в Лондоне уже существовал магазин, принадлежавший WHSmith, — возможно, первой в истории крупной книготорговой сети. Связь между г-ном Смитом и железнодорожным бумом была настолько тесной, что различные консервативные правительства назначали его министром. Его книжные плодились по всему острову по мере появления современных вокзалов с просторными залами, где находилось место чистильщикам ботинок и продавцам цветов. И по мере того, как пассажирам поездов начали предлагать ту роскошь и удобства, которая уже сделала пароходы похожими на гостиницы. Уже в конце XVIII — начале XIX века, как объясняет Фредерик Барбье в «Истории книги», лондонские книжные открылись улице с помощью витрин с выставленными ценниками, плакатов и даже зазывал, предлагавших досужим прохожим зайти внутрь. Тогда и сама книга приобрела характер товара: на последних страницах давались остальные наименования той же серии или того же издательства; обложки обрели единообразие, чтобы повысить узнаваемость марки, а тексты украсились лучшими образцами иллюстраторского искусства; цену стали печатать в качестве объявления или приманки. La Bibliothèque de Chemins du Fer продавала книги по цене, колебавшейся от 0,75 до 2,50 франка. Средняя цена книги во Франции снизилась с 6,65 франка в 1840 году до 3,45 в 1870-м. Стали выпускаться книжные серии по цене в один франк книга, потому что потребление печатной продукции росло, как и число книготорговых точек. И точек библиотечных. И библиотек, и передвижных книжных, которые, как и поезда, были порождены беспокойной сущностью

промышленного переворота. И профессиональных читателей: в XIX веке были те, кто зарабатывал себе на хлеб, громко читая новости или манерно декламируя отрывки из Шекспира (в детстве в Стратфорде-на-Эйвоне этим занимался и Брюс Чатвин, изображая средневекового менестреля).

Великое изобретение XIX века — *мобильность*. Поезд меняет восприятие пространства и времени: он не только ускоряет течение человеческой жизни, но и превращает понятие сети, сетевой структуры в нечто такое, что, несмотря на протяженность, можно объездить за несколько дней. Целая система, приспособленная для тела. Путешественники, умевшие читать только в тишине, после некоторого периода адаптации учатся делать это и в движении. И не только: они смогут даже отрывать взгляд от страницы, связывать фрагменты, которые они прочитали, а значит, и представили себе, с фрагментами, увиденными через окно (в ожидании появления кинематографа). Появляется лифт, и города теперь могут расти по вертикали после долгих веков роста по горизонтали. Тяжелая мебель аристократии и крупной буржуазии превращается в легкую, которую можно перевозить. «Господство улицы над жилищем» — так выражает это в пространственных категориях Ренато Ортис. Осуществляются самые быстрые и массовые миграции в истории человечества. Всемирные выставки в Париже и Лондоне — это детища растущей промышленности и имперской экспансии, выражение потребности в мировом превосходстве. Они — чудовищные витрины, иллюстрирующие Миф о Прогрессе. Рождается мода головокружительных ритмов, нуждающихся в серийном производстве, новое общество потребления, основанное на всеобщем сроке годности.

Мода и легкость распространяются и на книги: карманные издания, дешевые иллюстрации, издания со скидкой, упаковочные коробки, столы, где выставляются букинистические издания. Все это происходит в Англии и Франции, в Лондоне и Париже, в тех же условиях, при которых происходит становление современных книжных, а с ними — и книжных сетей.

Первый магазин Hudson News с газетами и коммерческими книгами, такой, каким мы знаем его сегодня, открылся в аэропорту Ла-Гуардия в 1987 году вторым после точки в Нью-арке. Теперь в Соединенных Штатах у него шестьсот точек продажи. Магазин принадлежал Hudson Group до 2008 года, когда его приобрела швейцарская группа Dufry, специализирующаяся на магазинах беспошлинной торговли. До самой своей смерти в 2012 году лицом компании был Роберт Бенджамин Коэн, который на протяжении нескольких десятилетий занимался в основном продажей ежедневных газет и журналов. Согласно его некрологу, опубликованному в The New York Times, в 1981 году Коэн был осужден за то, что дал взятку профсоюзу распространителей прессы ради получения преимуществ. Hudson Group не только открыла сотни книжных магазинов и киосков в аэропортах, на железнодорожных и автобусных вокзалах по всему миру, но и создала соответствующие рестораны быстрого питания. Потому что если в XIX веке мир ускорился, то после двух мировых войн Соединенные Штаты придали ему второе ускорение. И если книжные магазины, независимые и сетевые, — при условии, что это различение имеет смысл и частично не опровергается бесчисленным количеством промежуточных стадий — определяют их топографию в XIX веке, то начиная с пятидесятых годов происходят крупные изменения в потреблении времени и пространства под воздействием американской массовой культуры. Торговый центр, изначально подражавший европейской модели (пассажу) и располагавшийся в центре города, постепенно смещается в пригороды. А тематический парк сливается с рестораном быстрого питания: в том же году, когда был создан Диснейленд, открывается первая франшиза «Макдоналдс». Как и гостиницы, они связаны с сетью автодорог в Соединенных Штатах, этим имперским клубком, у которого есть свой двойник в виде воздушных трасс и который в XX веке представляет собой эквивалент европейского железнодорожного клубка предыдущего столетия.

Книжному магазину второй половины XX столетия будет присуще свойство объединять разные вещи, характерные для

торговых центров, где сосуществуют — в тесном или не очень соседстве — книги, детские комнаты, площадки для представлений, рестораны, пластинки, видеокассеты, компакт-диски, DVD, видеоигры и сувениры. На американскую городскую модель, жизненную и потому книжную, в значительной мере ориентируются другие державы, такие как Япония, Индия, Китай или Бразилия, а за ними и остальные страны. И у старых империй не останется иного пути, кроме как приспособиться к этой доминирующей тенденции массового предложения досуга, что обеспечивает беспрепятственную продажу товаров, относящихся к сфере потребления культуры. Так, WHSmith и супермаркеты Coles объединятся для того, чтобы создать Chapters. А компания Fnac, появившаяся в 1954 году как своего рода литературный клуб социалистического толка, начнет продавать телевизоры и будет владеть восемьюдесятью магазинами во Франции и более чем семьюдесятью в других странах. У всех сетей есть нечто общее: в их ассортименте преобладают культурные товары американского производства.

В «Атласе европейского романа. 1800–1900» Франко Моретти отобразил на картах влияние авторов вроде Скотта, Диккенса, Дюма, Гюго, Стендаля или Бальзака и вирусное распространение в Старом Свете таких поджанров, как сентиментальный роман, роман о мореплаваниях, религиозный роман, восточный роман или *роман серебряной вилки*[80], которые зачастую не выходили

80 Silver-fork novel, или роман серебряной вилки — разновидность романа, популярная в Великобритании во второй четверти XIX века. В таких произведениях описывалась жизнь и манеры высшего общества. Название этому направлению дали в насмешку литературные критики.

за пределы своего региона. Это позволяет понять логику формы романа XIX века, выражавшей две преобладающие модели:

> различные формы, различные Европы. Каждый литературный жанр обладает своей географией и даже своей геометрией, но все они — фигуры, не имеющие центра. Обратите внимание на то, насколько странна и совершенно неочевидна география романа. Причем она странна вдвойне. Ведь роман в первую очередь изолирует европейскую литературу от любого иностранного влияния: усиливает и даже изобретает свой особый европейский характер. Но эта глубоко европейская форма затем лишает почти всю Европу всякой творческой свободы: два города, Лондон и Париж, господствуют в ней на протяжении всего столетия, издавая половину всех европейских романов (и эта доля постоянно растет), что отражает безжалостную и непреклонную централизацию культуры. Централизация — известный факт, но центр предстает таким, какой он есть, то есть не данностью, а процессом. <...> Поэтому английские библиотеки и европейские библиографии посылают нам один и тот же сигнал: с появлением романа в Европе рождается общий литературный рынок. И рынок единый, централизованный. И по этой причине неравный. Потому что в решающее столетие, с 1750 по 1850 год, специфический географический вектор централизации приводит к тому, что почти во всей Европе романы — это просто-напросто иностранные книги. Венгерские, итальянские, датские, греческие читатели знакомятся с новой формой, читая английские и французские романы; так английские и французские романы неизбежно превращаются в образцы, достойные подражания.

Если применить аналитический метод Моретти к каталогам Barnes & Noble, Borders, Chapters, Amazon или Fnac, как поступает он с каталогами circulating libraries[81] и cabinets de lecture[82] XIX века, мы увидим, что при наличии соответствующей доли местных изданий в общем потреблении литературы преобладают американские книги или книги, им подражающие. Политика Англии и Франции в XIX веке в сфере художественной литературы была заимствована в Соединенных Штатах: голливудское кино, а позднее телесериалы превратили аудиовизуальные произведения в *образец, достойный подражания*. Точно так же, как Лондон и Париж породили в свое

81 Народных библиотек (*англ.*).

82 Читальных комнат (*франц.*).

время известное представление о книготорговле, они навязали определенное пространственное обустройство семейной жизни (с телевизором в центре), просмотра фильмов (в мультиплексах) и чтения книг (путем слияния книжного магазина, сувенирной лавки и кафетерия в стиле Starbucks).

По этой причине крупные американские сетевые магазины отражают тот формат распространения и торговли культурными товарами, который мы называем *книготорговой сетью* и зачастую характеризуем словом «крупная». Ведь у маленькой сети — полдюжины книжных с одним владельцем и одной маркой — капитал по-прежнему сосредоточен локально, что и отличает независимые магазины от крупных сетей, почти всегда представляющих собой транснациональные конгломераты, где книготорговец перестает быть собой, потому что утрачивает прямую связь с книгой и с клиентом. Книготорговец — это сотрудник, исполнительный директор, заведующий заказами или начальник персонала. Сети книжных, погруженные в эту динамику акционеров и генеральных директоров, запускают череду событий, которые происходят с крупными компаниями. Так Waterstones была создана Тимом Уотерстоуном после того, как его уволили из WHSmith. WHSmith он, в свою очередь, купил в 1999 году и несколькими годами позже продал компании, уже приобретшей главную конкурирующую с ним сеть Dillons, магазины которой превратились в магазины Waterstones. После прихода нового руководства в 2008 году кардиффский филиал Waterstones отменил чтения поэта Патрика Джонса: ассоциация Christian Voices пригрозила магазину бойкотом, поскольку книга поэта была «богохульной и непристойной». Повороты и пируэты поэтому носят не только неолиберальный, но и кафкианский характер.

В начале 2016 года я приехал в Лондон, где у меня появилась возможность взять интервью у Джеймса Донта, генерального директора трехсот магазинов сети Daunt Books и владельца восьми из них. Мы встретились в кафетерии Waterstones на Пикадилли, и меня удивило, когда он первым делом спросил, что я буду пить, затем пошел к стойке, заказал кофе с молоком и с улыбкой принес его мне. Пятидесятидвухлетний Джеймс Донт оказался высоким и элегантным мужчиной, чьи сердечные манеры внушали спокойствие, контрастируя с острым, пронзительным взглядом. В 2011 году его нанял российский миллионер Александр Мамут, незадолго до этого выкупивший у HMV

Group сеть, находившуюся на грани банкротства, за шестьдесят семь миллионов евро. То есть я взял интервью у человека, который спас Waterstones.

Когда в 2011 году вы возглавили проект Waterstones, что вы обнаружили?
Сеть находилась на грани банкротства. Kindle завоевал прочные позиции, рынок просел на двадцать пять процентов. Что я сделал? Первым делом я стал мотивировать продавцов книг, но перед этим мне, к сожалению, пришлось уволить треть штатного состава. Я задался целью превратить Waterstones в компанию, где я сам бы работал с удовольствием. Это совсем непросто, если учитывать, что у нас больше нет фиксированных цен и Amazon может продавать книги по цене, которая бывает до сорока процентов ниже твоей. Поэтому книготорговец должен восполнить эту разницу в цене своими человеческими качествами, преданностью и использованием той энергии, что есть между читателем, книгой и ним. Этой энергии не может быть на Amazon.

Помимо увольнения штатных сотрудников, какие другие важные изменения вы внесли?
Преобразование книжного магазина — процесс медленный. Hatchards был большим книжным, очень важным, но пришел в упадок, и у нас ушло три года на то, чтобы возродить его в составе Waterstones. Мы добиваемся этого и в случае с другими книжными сети: наши доходы выросли с девяти миллионов фунтов стерлингов до тринадцати миллионов в прошлом году. Первым делом я доверился продавцам и предоставил им полную свободу решать, какие книги будут продаваться, а какие нет. Для этого мне пришлось превратить Waterstones в единственную сеть, которая не позволяет издательствам покупать выставочное пространство — ни столы, ни витрины. До моего прихода Waterstones заработала на этом около двадцати семи миллионов фунтов стерлингов. Но принять эти деньги означает, что издатель может оказывать на тебя давление и что продавец не может выбирать, не может курировать собственный книжный, в результате чего работа перестает увлекать. Покупка выставочного пространства создает однообразные, одинаковые книжные. Другое введенное мной важное изменение касалось возврата товара. Этот показатель снизился с двадцати семи до трех процентов сегодня, и моя цель состоит в том, чтобы не возвращали вообще ничего.

Вся система основана на этом поступлении новинок на склад и периодических возвратах. Переговоры с издателями, должно быть, шли непросто.

Издатели ненавидят эти меры. Нужно быть смелым, если хочешь изменить издательскую систему. Я встретился с ними и спросил следующее: «У вас есть идея получше? Потому что если мы не внесем изменения, то бизнес умрет». Постепенно они стали понимать. Если ты крупный издатель, если ты выстраиваешь большой каталог, с нами ты выживешь; а если нет, если тебя интересуют только новинки, посредственные книги, которые тебе, возможно, удастся продать при помощи каких-то ухищрений, ты пойдешь ко дну.

Как вы позиционируете себя по отношению к клиентам, к читателям?

Наша цель — удовлетворить запросы более интеллектуального клиента и не запугать клиента менее интеллектуального. Во всех моих книжных таксисты должны себя чувствовать в своей тарелке. Эти люди читают много газет и книг, и я хочу, чтобы они приходили в мои магазины и находили в них то, что им хочется прочесть. Я не наивен и знаю, что магазины Waterstones — это книжные для среднего класса, а клиенты Daunt Books обладают более высоким социальным статусом. Каждый книжный должен знать свою публику и не пытаться конкурировать с супермаркетами или заведениями другого рода, где тоже продаются книги.

Каков продавец книг в Waterstones? И в Daunt Books?

Моя задача в том, чтобы они в конце концов стали похожи. Хороший продавец книг должен быть дружелюбным, интересоваться культурой, быть способным заражать других этим интересом, быть интеллектуально связанным с книгами и, кроме того, быть энергичным (не стоит забывать, что это еще и физическая работа). Мы хотим, чтобы работа у нас привлекала молодых и читающих людей: они будут чувствовать, что в этой сети во главу угла не ставится эффективность и стандартизация, а что здесь живет некий дух любознательности и любви к книгам. Поэтому мы также меняем дизайн пространства. Всякий раз, когда я езжу в Испанию, я обращаю внимание на La Central: для меня это один из образцов, так же как и сеть книжных Feltrinelli в Италии...

Здесь, на втором этаже, это чувствуется, отделка из теплых цветов дерева напоминает La Central в мадридском районе Кальяо. Вы знаете, что за этими проектами стоит один и тот же дизайнер: аргентинец Мигель Саль?
Вот именно! Я обедал с Мигелем всякий раз, когда он приезжал в Лондон. Он был интеллигентным, веселым, озорным человеком... Еще и прекрасным клиентом — всегда покупал кучу книг. Очень жаль, что его так неожиданно не стало.

Что вы думаете о новом замысле Amazon открыть физические книжные?
Я только что вернулся из Сиэтла. Там книжный потрясает. Книги выставлены так, что ты видишь не корешок, а всю обложку. Там всего пять тысяч книг, которые выставлены на основе математического расчета, без рекламы, без иерархии, так, что ты поневоле чувствуешь себя первооткрывателем. Они деконструировали понятие книжного: под другим названием он выглядел бы смехотворно, но поскольку он называется Amazon, то выглядит блестяще. Потому что там нужно все время себе напоминать, что WHSmith — это не книжный, а Amazon — да.

«Что может быть лучше для войны с Amazon, чем амазонка?» — вопрошал Ян Хоффман в колонке о McNally Jackson Books, опубликованной в The New York Times. Воительницей, по его мысли, была Сара Макнэлли, которая в уголке книжного, знаменитого своим расположением к испаноамериканским писателям (им управляет Хавьер Молеа), программой своих мероприятий и своим фондом литературных произведений, устроенным по географическому принципу, поместила Espresso Book Machine — машину, способную всего за несколько минут отпечатать и переплести любую из семи миллионов книг облачного книжного, зависящего от осязаемого книжного на Манхэттене.

На сцене, где физически преобладает Barnes & Noble, а виртуально — Amazon, после закрытия сотен книжных Borders Американская ассоциация книготорговцев запустила кампании «Book Sense» и «IndieBound». Важнейшими в их деятельности являются литературная премия и список самых продаваемых книг, учитывающий только покупки в независимых книжных, — в отличие от списка The New York Times, где подсчитываются продажи в киосках, книжных сетях, супермаркетах, магазинах подарков и драгсторах и, кроме того, учитываются реестры самих

издателей, что зачастую приводит к двукратному расхождению в цифрах, касающихся одной и той же книги. В 2010 году Андре Шиффрин так описывал эту панораму в «Словах и деньгах»:

> На Манхэттене, где в послевоенные годы было 333 книжных магазина, теперь едва наберется 30, включая сетевые. Сходные процессы происходят и в Англии, где Waterstones, вытеснившая из бизнеса многих игроков при помощи скидок, была в свою очередь куплена сетью газетных киосков WHSmith. Smith, давно известная крайне коммерческим подходом и политической осторожностью, вскоре трансформировала новое приобретение в сеть, ориентированную на продажу дешевых книг в мягкой обложке[83].

В своем тексте издатель использует различные ярлыки для того, чтобы отличать качественные книжные от книжных сетевых — «книжные, выполняющие культурную функцию», «интеллектуальный книжный», «книжный, служащий образцом», и говорит о протекционистских стратегиях, которых придерживались во Франции, чтобы обеспечить выживание первых. Несколько лет спустя правительство Олланда разработало новые стратегии. Отличаясь от Видеоклуба и не доходя до крайности Библиотеки, Книжный обладает аурой престижа, традиционной значимостью, сравнимой со значимостью Театра или Кинотеатра — пространств, нуждающихся в поддержке и развитии за счет бюджетных ассигнований. Такой подход отсутствует в Соединенных Штатах, но не было бы ничего удивительного, если бы вакуум, оставшийся после Borders, заполнили не другие сети, а новые магазины интеллектуального толка, которые предлагали бы индивидуальный подход и стремились бы стать центрами культуры, а в будущем и ориентирами. Книжные, которые имели бы странички в социальных сетях и хорошие сайты, предлагали бы возможность печати по заказу или сотрудничества с типографией. Маленькие магазинчики, где подавали бы кофе и домашнюю выпечку или устраивали мастер-классы по письму, как те изысканные винные магазины, что организуют курсы дегустации. Книжные магазины, где пыль вытирали бы не безликие уборщики, а сами книготорговцы, стремящиеся запомнить, на какой полке стоит каждый из этих редких, малочисленных, кустарно

83 *Шиффрин А.* Слова и деньги / Пер. с англ. М. Леонович, Е. Быкова, В. Еремеева. Изд. 2-е, испр. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.

изготовленных и вышедших из моды томов, которым не находится места в больших книжных сетях и которые только книготорговцы уровня Бич, Монье, Яновера, Стелофф, Сансевьеро, Ферлингетти, Мильи, Монтрони или Макналли могут поместить на полки или на столы с новинками — и сделать их видимыми.

Первая мировая война нарушила планы Уоллеса. В октябре 1918 года он был тяжело ранен в бою во Франции. В течение долгих месяцев лечения он сосредоточился на чтении многих журналов, выжимая из статей самую их суть. Вернувшись к себе домой в Сент-Пол, он продолжил работать над *переваривaнием* других газетных статей и собрал тридцать одну статью в пробник того *переваренного журнала*, который он хотел продавать. Первое издание *Reader's Digest* датируется февралем 1922 года.

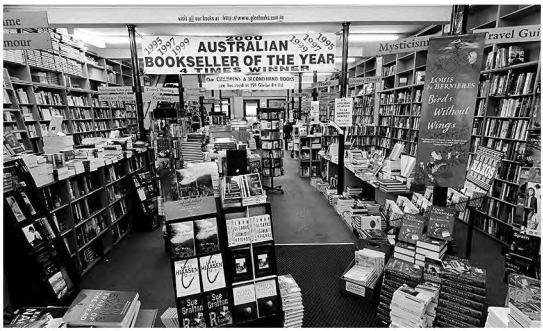
www.referenceforbusiness.com

11.
Книги и книжные на краю света

Этот комментарий к Апокалипсису, который я предаю в руки читателя, не притязает на то, чтобы быть плодом учености.
Кристобаль Серра. «Апокалипсис»

Что я сделал первым делом, приехав в Сидней? Отправился на поиски книжного и купил карманное издание «Троп песен» Чатвина, которые задолго до того прочитал в испанском переводе, и «Аустерлица» Зебальда, который только что был издан по-английски. На следующий день я посетил Gleebooks и поставил одну из первых печатей в моем виртуальном паспорте, имевшем для меня, скажем так, *трансцендентный* смысл в те времена (лето 2002 года), когда я блуждал по книжным, кладбищам, кафе, музеям — храмам современной культуры, которую еще обожал. Как, наверное, уже стало ясно из предыдущего содержания этой книги, я давно смирился со статусом культурного туриста, или метапутешественника, и перестал верить в воображаемые паспорта. Тем не менее эта метафора кажется мне довольно уместной: для любителей книжных магазинов она может служить прикрытием фетишистского и прежде всего потребительского пристрастия, порока, иногда напоминающего мне синдром Диогена. Из двухмесячного путешествия по Австралии я вернулся с двадцатью семью книгами в рюкзаке; некоторые из них исчезли в ходе моих переездов до того, как я успел их прочесть, полистать или хотя бы раскрыть.

Так вот, на следующий день я отправился в Gleebooks, но две главные в той поездке книги я купил в ничем не примечательном магазине. Нужно различать великие книжные мира и книжные, куда идешь с какой-то определенной целью. Разумеется, последние снабжают нас самыми необходимыми книгами, с покупкой которых нельзя затягивать, такими, например, которые помогуть скоротать время в полете или путешествии на поезде. В подобных местах ты покупаешь подарок в последний момент или долгожданную книгу в самый момент ее появления. Без таких магазинов не было бы и других: они просто не имели бы смысла. Книжная торговля должна быть сложным узором, где между киоском и главным книжным города рассыпаны скромные лавочки и книжные побольше, сетевые магазины и стойки бестселлеров в супермаркетах, магазины уцененных книг и специализирующиеся на кино, комиксах, детективах, университетских изданиях, средствах информации, фотографии, путешествиях.



Я дошел до номера 49 по Глиб-Пойнт-роуд: передо мной стоял дом в колониальном стиле, уралитовый портик которого поддерживали металлические колонны. Путеводитель называл его типично австралийским книжным и сообщал, что многократно получал премии как лучший магазин страны. Дело происходило в июле 2002 года, и эта книга была лишь одной из тех, за которыми я охотился. Заметки, сделанные во время той поездки, сегодня контрастируют с постоянно обновляющимся сайтом магазина. «Основан в 1975 году», — читаю я свою запись. Далее — «Деревянные стеллажи», читаю:

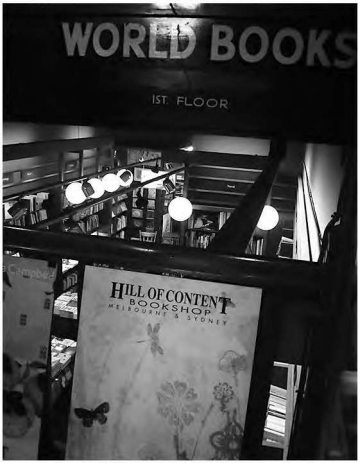
> Хаотичный на первый взгляд (книги лежат даже на полу). Задняя часть выходит в простой двор, обсаженный деревьями. Большое количество австралийской, англосаксонской и переводной литературы. Продаются записные книжки-молескины. Выставка во всю стену с обложками книг, подписанных их авторами. Прелестная мансарда с таким же ковровым покрытием, что и нижний этаж, здесь много естественного света, вентиляторы и деревянные балки, открыта внутренняя сторона крыши. Издание романа Кэри о Келли, бумага и печать сделаны под старину. Полка со свежими журналами. В мансарде проходят литературные мероприятия. Листаю «Колонию “Каррион”» — абсурдистко-юмористический роман об одном исправительном учреждении XIX века.

«Истинная история шайки Келли» Питера Кэри была издана в переводе Энрике де Эриса за несколько месяцев до моей поездки. В очередной раз демонстрируя блестящую способность говорить от чужого имени, австралийский писатель ведет повествование от лица Неда Келли — сироты, конокрада, первопроходца, реформиста, грабителя и полицейского, Эдипа, воплощения Робин Гуда

во время конца света. Это интерпретация европейских мифов в стране, которая, создавая себя как нацию, игнорировала местную культуру, сложную, обладающую многотысячелетней историей, и пыталась истребить или ассимилировать аборигенов. Самой своей структурой Gleebooks отражает незарубцевавшуюся рану, рассекшую весь островной континент: один отдел называется «Aboriginal Studies», а другой — «Australian Studies», потому что эти две Австралии накладываются друг на друга на одной карте и каждая из них защищает собственные границы.

В моем архиве из той поездки от австралийских книжных больше ничего не осталось: ни один из тех, что я посетил в Брисбене, Кэрнсе, Дарвине или Перте, ничем не привлек моего внимания. Важные для моего исследования об испанской эмиграции на другом конце планеты книги я обнаружил в магазинах при музеях. Десять лет спустя я посетил Мельбурн и смог ознакомиться с двумя его главными книжными: Reader's Feast Bookstore, где я открыл для себя современную литературу аборигенов благодаря Таре Джун Уинч, и Hill of Content, полюбившийся мне как текстами, так и контекстом. Весь город теперь служит культу кофе, и книжные магазины кажутся приложениями к ритуалу кофепития, ритм которого очень похож на ритм чтения. Менее чем в ста метрах от Hill of Content находятся Pellegrinis — старый кафетерий и итальянский ресторан, настоящая достопримечательность Мельбурна, и Madame Brussels — утонченное заведение на четвертом этаже здания напротив. Именно там, между винтажной стариной (на кухне хозяйка говорила с помощником на местном диалекте) и современностью в стиле ретро (по-настоящему стар в Madame Brussels только поднос), я начал читать «Under the Sun» («Под солнцем»), письма Чатвина, и «Travels» («Путешествия»), антологию путевых заметок Боулза. Обе книги были изданы незадолго до того и еще отсутствовали в Барселоне, зато были выставлены на витрине одного из книжных на краю света.

Капучино, который подают в Мельбурне, настойчиво вторгающийся в час чаепития, великолепные вина и туалетные кабинки на пляжах, жизнь на улице и восстановленные Arcades — все это можно рассматривать как метание между средиземноморским, европейским, интернациональным, если хотите, образом жизни и каким-то нежеланием отказываться от британского колониального прошлого, наследия Содружества Наций. То же происходит в Южной Африке: тот же капучино, тот же час чаепития, такое же хорошее вино, такие же разноцветные кабинки, эта жизнь



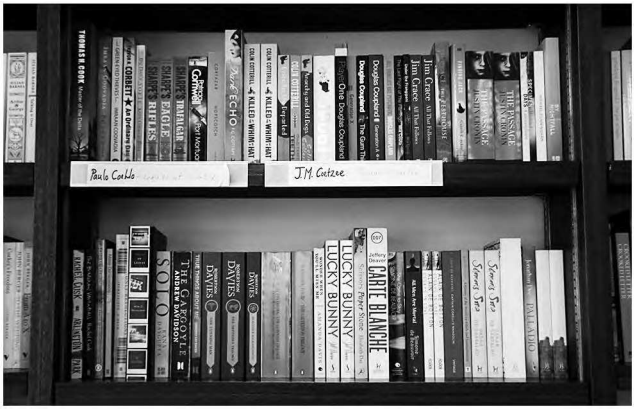
на террасе, нынче присущая большинству городов мира, те же пейзажи (и в основе всего такое же истребление коренных жителей). В самой живописной галерее Кейптауна, The Long Street Antique Arcade, книжный и кафетерий соседствуют с антикварными барахолками и лавками армейской атрибутики — смешение, какое можно обнаружить во всех городских галереях старой британской империи.

Что я сделал первым делом, приземлившись в Йоханнесбурге в сентябре 2011 года? Разумеется, спросил, какой книжный в городе лучший. Попасть туда я смог лишь в последний день, когда по дороге в аэропорт попросил таксиста остановиться и дать мне достаточно времени, чтобы с ним ознакомиться. Это был Boekehuis, специализирующийся на литературе на африкаанс, — единственный из известных мне книжных магазинов, который занимает целую виллу, окруженную садами и защищенную стеной и сторожевой будкой. В здании, построенном более ста лет назад в колониальном стиле, некогда жила дочь Брэма Фишера, активного борца с апартеидом. Камины заделали, но домашняя атмосфера здесь сохраняется, кафетерий — своего рода оазис, а на коврах в детском отделе по выходным рассказывают сказки. Теперь, когда я уже собрал необходимую мне библиотеку и могу хранить нужные книги в планшете, я покупаю во время поездок только те, что могут быть мне действительно полезны, те издания, которые нелегко найти в моем городе и которые я действительно хочу прочитать. Поэтому в Boekehuis я ничего не купил. Как и в The Book Lounge, лучшем книжном Кейптауна.

В чемодане у меня был «Богомол обыкновенный» Андре Бринка. В этом романе рассказана реальная история, случившаяся на заре существования страны, — история задиры Купидона Таракана, превратившегося в пламенного миссионера и испытавшего на своей черной шкуре конфликты, которые будут раздирать Южную Африку в дальнейшем. Как «Истинная история шайки Келли», так и различные книги Кутзее построены по одной и той же схеме — найдена и переписана рукопись, текстуальное свидетельство прошлого. Обращение к истокам родной, смутной истории родины — у истоков творчества самого Кутзее-романиста. «Вьетнамский проект», первая часть его дебютной книги «Сумеречная земля», начинается так: «Меня зовут Юджин Дон. Я ничего не могу с этим поделать. Итак, я приступаю». Вторую, «Рассказ Якобуса Кутзее», в которой Дж. М. Кутзее выступает в роли переводчика, открывает фраза: «Пять лет назад Адам Вийнанд, Ублюдок (тут нечего стыдиться), сложил пожитки и отправился пешком в край племени корана»[84]. Незадолго до поездки в Южную Африку я прочитал «Лабораторную эстетику» Рейнальдо Ладдаги — одну из тех немногих хороших книг-исследований вроде «Мировой республики литературы» Паскаль Казановы, где автор не сосредоточивается на конкретном языке или географической области, а пытается изобразить карту мира, потому что литературу невозможно понять, цепляясь за изжившие себя границы. В отличие от предыдущих книг Ладдаги, рассказывавших о латиноамериканской литературе, в новом произведении он связывает близкий мне поток современной литературы (Зебальда, Сесара Айру, Серхио Хейфеца, Джоан Дидион, Марио Левреро, Марио Бельятина) с другими сферами современного творчества, такими как музыка или визуальные искусства. Одна из глав высвечивает аспект «Бесчестья», прежде не замеченный мною, несмотря на неоднократные возвращения к этому роману Кутзее. Дэвид, главный герой, на всем протяжении книги пытается сочинить оперу, историю Байрона в Италии. И вот он настраивает аккорды на старом банджо своей дочери и думает, сидя в старом кресле под пляжным зонтиком, может ли умирающая собака издать жалостный гортанный хрип, необходимый его произведению, а перед ним, насколько хватает взгляда, расстилается Черная, непонятная Африка, которая не изъясняется на английском и которой неведомы легенды и языки старушки Европы.

84 *Кутзее Дж. М.* Сумеречная земля / Пер. с англ. Е. Фрадкиной. М.: Амфора, 2005.

Таков безрадостный финал «Бесчестья». В этом сочинительстве, захватывающем Дэвида на протяжении всего романа, полагает Ладдага, таится семя всех последующих книг Кутзее: страницы, написанные на скудном материале вроде заметок, дневников, интервью и писем, лишенные авторитета *литературности*; неудачные эссе, попытки настроить музыку, которая не может быть возвышенной; страницы, на которых различные альтер эго автора появляются на сцене, отражая его неспособность представить в XXI веке законченный идеальный рассказ.



Похожий на Hill of Content, Livraria da Travessa или на Eterna Cadencia как брат-близнец, The Book Lounge представляет собой чудесное пространство с большими деревянными столами и диванами; подвальный этаж его устлан коврами, на которых хочется остаться жить. У него совершенно классическая, а потому знакомая эстетика, но именно он несказанно меня удивил: изучая одну полку за другой, я обнаружил среди них пустые. Первой была полка Паоло Коэльо: его романы и книги по самосовершенствованию отсутствовали, о чем извещало объявление. Второй — Габриэля Гарсии Маркеса. Третьей — Кутзее. Во всех трех случаях одинаковое объявление: «Спрашивайте книги на кассе». Что общего могло быть у Коэльо, Маркеса и Кутзее? Продавщица болтала с другом, и, постеснявшись их прерывать, я принялся фотографировать магазин и листать книги. Наконец она освободилась, и я попросил ее разрешить загадку. Она объяснила: книги этих трех авторов воруют больше всего. Собственно, только их и воруют. «Поэтому мы держим их тут», — сказала она, показывая на стопки книг, возвышавшиеся у нее за спиной. Я попросил книги

Кутзее. Среди них не оказалось ни одной, которой не было бы у меня дома, но я вновь пролистал его нобелевскую речь, выпущенную издательством Penguin в красивом тканом переплете — за несколько лет до того я купил ее в Seminary Coop. А затем стал искать в только что выпущенном Penguin Classics и предназначенном для университетских студентов комментированном издании «Бесчестья» какую-нибудь отсылку к эстетике эфемерности, к опере, которую сочиняет Дэвид, как к семени будущего творчества, к жалкому музицированию на расстроенном банджо во дворе дома, где живут одни собаки. Тщетно.

«Лето» — книга, для которой догадки Ладдаги наиболее верны. Его анализ доходит до «Дневника плохого года», но вершины своего мастерства Кутзее достиг в своем последнем — на настоящий момент — шедевре[85]. Суровая автобиография, облеченная в форму художественного произведения, представляет собой роман без действия, без кульминации. И тем не менее сцена, где Джон проводит ночь со своей двоюродной сестрой в фургоне, затягивает, словно воронка Мальстрёма, несмотря на свою кажущуюся вялость. В это мгновение читатель чувствует себя на краю мира. Это сильное чувство — все равно что пересечь Австралию, Южную Африку, Соединенные Штаты, север Мексики или Аргентину, и среди окружающего однообразия внезапно остановить время, заехать на автозаправку или в какую-нибудь деревню и внезапно оказаться неизвестно где. Это приступ головокружения в пограничном месте, откуда вглядываешься в горизонт в ожидании варваров, которые не появляются; это тоска, которая ведет к неотвратимому вопросу: какого черта я здесь делаю?

В Патагонии я столько прошел по стопам Чатвина, сколько не прошел ни в каком другом уголке планеты. В течение этих недель мой экземпляр его книги в издании Muchnik Editores стал напоминать папку: между исчирканных карандашом страниц нашли место автобусные билеты, брошюры и открытки с видами, например, усадьбы Хабертон или пещеры Милодона. Два раза мне довелось почувствовать особенную близость к автору «Анатомии беспокойства». Первый — когда я взял интервью у внука Херманна Эберхарда («Утром я вышел на прогулку с Эберхардом под проливным дождем. Он был одет в пальто с кожаной подкладкой и свирепо смотрел на грозу из-под казачьей шапки») в Пунта-Аренас и он рассказал мне о странном визите, который

85 Речь идет о романе «Лето» (2009).

ему нанес писатель и биограф Чатвина Николас Шекспир: в определенный момент интервью тот начал настойчиво просить продать ему старый холодильник, потому что он их коллекционировал, в результате чего разговор постепенно съехал на этот предмет бытовой техники и полностью на нем сосредоточился. Второй — во время прогулки по Пуэрто-Консуэло к легендарной пещере: за мной погналась собачья свора, и я в ужасе перепрыгивал через заборы, потому что дорога тут и там проходила по частным владениям, и в конце концов из проржавевшего трейлера, превращенного в постоянное жилище, вышел грязный и грубый человек и успокоил чертовых псов. Чатвин-выдумщик, не может быть, чтобы ты сделал все, о чем говоришь в своей книге, но какой ореол правды окружает все, что ты написал!

А что я сделал, как только приехал в Ушуайю весной 2003 года? Посетил Морской музей и там в сувенирной лавке купил «Последний предел земли» Э. Лукаса Бриджеса, о жизни его и его семьи (выходцев из Великобритании и владельцев первой на Огненной Земле усадьбы Хабертон) на краю мира среди яганов и селькнамов. Это одна из лучших известных мне книг о путешествиях, своего рода антитезис повествованию Чатвина. Его фрагментарности Бриджес противопоставляет единство. Его поверхностности, спутнице большинства значимых путешествий, — глубину: автор изучил язык аборигенов, стал их другом, навел мосты между двумя культурами. В чатвинской «В Патагонии» о мостах между англосаксонской и испанской культурами нет и речи. Истина Бриджеса выше истины Чатвина. Это может показаться странным, но у литературной истины есть свои степени, а честность, становящаяся очевидной по мере того, как события удаляются во времени, позволяет книге проникнуть в сокровенные глубины твоей души. Зачастую путешественник видит то, что местный житель не способен оценить, но быть туристом на краю света и жить там — не одно и то же.

Наверное, то, что я испытал во время своих кратких путешествий на Огненную Землю, мыс Доброй Надежды или в Западную Австралию, эту пульсацию далекого и крайнего, испытывали римские путешественники и средневековые паломники, когда их взору представал finis terrae[86], оглашаемый кельтским эхом, там, где Западная Европа низвергается в море. Достигнув Сантьяго-де-Компостела, города университетского, а значит, и центра книжной торговли, где начиная с 1495 года студенты по завершении курса отдавали книги в заклад, паломники продолжали свой путь еще три-четыре дня. Достигнув *края земли*, они сжигали на берегу одежду, которую носили на протяжении многомесячного странствия, перед тем как пуститься в долгий обратный путь, тоже пеший. Если что-то и роднит все религии, так это потребность в книге, представление о том, что идти значит приближаться к богам, и убеждение в том, что однажды мир кончится. Для древних у этого утверждения имелись конкретные основания: действительно, добравшись до определенной точки, они достигали некоего предела, пути за который уже не было. Нам же, нанесшим на карту все до единого уголка планеты и покончившим с тайной пространства, остается лишь быть свидетелями угасания времен.

Нам довелось стать и свидетелями очень медленного умирания бумажной книги, настолько медленного, что оно, скорее всего, никогда не завершится. В Бешереле, в Бретани, питавшей гений

86 Край земли (*лат.*).

Кретьена де Труа, всего в нескольких километрах от департамента Финистер, мы с переводчиком Франсуа Монти за один вечер обошли семнадцать книжных магазинчиков и галерей, связанных с книжным делом. Бешерель — часть паутины «книжных городков», анахроничной, быть может, но весьма впечатляющей. Первым таким городком стал Хей-он-Уай в Уэльсе, где первый книжный магазин, основанный Ричардом Бутом, появился в 1962 году, а сегодня их насчитывается тридцать пять. Такие «книжные городки» или «деревни книги» есть в Шотландии, Бельгии, Люксембурге, Германии, Финляндии, Франции, Испании. При этом до 1989 года в Бешереле не существовало ни одного книжного магазина. Его былая текстильная слава нашла отражение в топонимии: улица Шанврери (или Пеньки), улица Филандри (или Пряжи). Вычурные особняки купцов рассказывают о XV, XVI, XVII веках, когда из этих краев шел на экспорт лучший лен Бретани. В пансионе, где мы поселились, красуются прялка и полный книг стеллаж. Я нигде не видел столько книжных магазинов, где полы устланы коврами.

Дома здесь старые, но магазины в них, торгующие старыми книгами, новы, и беспорядок в них четко продуман: это ретроспектакль в декорациях винтажной архитектуры. Двухэтажный Librairie du Donjon с украшенной металлическими скульптурами теплицей, расположенный близ сада пресвитерия, — один из самых красивых из виденных мною книжных. Тем не менее сложно забыть, что это место, где осуществляется туристическая программа. Что Бешерель — это книжный парк развлечений. Движение, обращенное вспять: в разгар экономического кризиса библиотека со своими игровыми комнатами и видеотеками — живее всех живых; а книжный магазин в попытках выжить, напротив, превращается в музей.

Или исчезает: я только что узнал из интернета, что Boekehuis закрылся в январе 2012 года.

Если за точку отсчета брать Барселону, многие книжные магазины находятся на краю света. И все они без исключения находятся в мире, который, пусть очень-очень медленно, но движется к своему концу.

> К тому же, помните, Риегаль, сколько охотников вызвалось на предложение морского начальства ехать на «маяк на краю света» в качестве сторожей?
> *Жюль Верн. «Маяк на краю света»*[87]

87 *Верн Ж.* Маяк на краю света / Пер. с фр. С. Полтавского. М.: ТОО ФРЭД, 1996.

12.
Спектакль должен продолжаться

Таким образом, и по сей день главной целью спектакля остается превратить всех стукачей в революционеров, а всех революционеров — в агентов охранки.
Ги Дебор. «Комментарии к "Обществу спектакля"»[88]

В Венеции я тоже чувствовал, что приближается конец одного из многих миров, называемых нами *миром*. Дело было в начале декабря, и волны прилива каждый день превращали площадь Святого Марка в озеро, опоясанное сдвоенными колоннами, в лагуну, по которой бродили туристы в резиновых сапогах, а ножки металлических столиков, отражаясь в воде, казались ногами цапель. Это был подходящий момент, чтобы заглянуть в магазин Acqua Alta, стараниями Луиджи Фриццо ставший одним из самых фотографируемых книжных мира: с длинной гондолой в центре, множеством букинистических изданий и боковым помещением, которое затопляется несколько раз в году. Настеленные доски позволили мне сфотографировать этот пол, затопленный приливом, часть дрейфующего города. С лестницы из книг, сооруженной Фриццо на террасе, передо мной открылся панорамный вид на канал. Acqua Alta — не просто книжный: это открытки и плакаты; это компания котов; это склад лодок и ванн, набитых книгами и журналами; это место, где можно поболтать с дружелюбными венецианцами, приходящими сюда ради общения с туристами; это — наконец и в первую очередь — туристическая достопримечательность. Вывеска на двери приветствует тебя в «most beautiful Bookshop in the World»[89]. Когда ты выходишь, перед глазами у тебя стоят фотографии и ты покупаешь книгу, календарь, открытку, может быть, какую-нибудь историю города или путевые записки его знаменитых гостей, тем самым оплачивая входной билет в музей.

Есть много красивых традиционных книжных, не попавших в туристические маршруты или устоявших перед сладкоголосыми сиренами туризма. Например, у лондонского John Sandoe Books есть все, чего может пожелать любитель фотографии: его фасад объединяет три здания XVIII века в единый живописный ансамбль с витринами темного дерева, стекла которых отражают облака. Его трехуровневый интерьер, где на столах

88 *Дебор Ги.* Комментарий к «Обществу спектакля» / Пер. с фр. Б. Немана. https://avtonom.org/old/lib/theory/debord/comments.html?q=lib/theory/debord/comments.html

89 Самом красивом книжном магазине мира (*англ.*).

и в выдвижных стеллажах расположены двадцать тысяч томов, а на поэтический и детский чердак ведут лестницы, полон уголков, идеально подходящих для того, чтобы твоя фотокамера изрешетила их своими мегапикселями. Но у этого необыкновенного пространства есть душа. Я понял это лишь тогда, когда собрался уходить, пролистав множество книг и не решившись купить ни одну из них. По своему обыкновению я спросил на кассе, есть ли у них что-нибудь об истории этого книжного. Тогда Джонни де Фальбе — как я унал позднее, он работает там с 1986 года и, кроме того, пишет романы — начал творить волшебство. В качестве приманки он подарил мне прекрасно изданный буклет — «The Sandoe Bag. Альманах к 50-летнему юбилею». Пролистав его, я обратил внимание на книжечку за его спиной, не замеченную прежде, — «Протоколы букинистических магазинов» Дэвида Мейсона, ее я купил за пять фунтов. Мы заговорили о ее авторе, канадском книготорговце, и вдруг де Фальбе, как всякий уважающий себя волшебник, исчез и вновь появился, держа в руках «Переплетчик Папы» — только что привезенные из Онтарио воспоминания Мейсона. В них он рассказывает, что, перед тем как стать одним из великих книготорговцев Северной Америки, он жил в гостинице Beat, а в соседней комнате остервенело стучал по клавишам печатной машинки Берроуз, так что Мейсон неоднократно искал прибежище в Shakespeare and Company Уитмена. Когда он вернулся в Канаду, в его душе зародилось желание стать книготорговцем. Какой-нибудь час назад я и не подозревал, что хочу приобрести эту книгу, а теперь охотно купил ее за двадцать пять фунтов. А из Acqua Alta я, напротив, вышел без покупок.

В кафетерии книжного Laie на улице Пау-Кларис в Барселоне есть две фотографии первоначального Shakespeare and Company: на одной изображен фасад, на другой — само помещение, где Джойс, сидя за столом, общается со своими издательницами. На стене справа, над потухшим камином, видны десятки портретов писателей. Это пинакотека в миниатюре, краткое изложение истории литературы, алтарь идола словесности. Монье так говорит о La Maison des Amis des Livres: «Это был книжный, совершенно не похожий на магазин, хотя мы и не думали его таким делать: мы и представить не могли, что со временем нас начнут так хвалить за то, что нам казалось временными решениями и импровизацией». Сильвия Бич купила диваны для своего книжного на блошином рынке; Уитмен впоследствии приобрел свои диваны там же (кто знает, быть может, те же самые). Стелофф

привезла на телеге, запряженной лошадьми, четыре шкафа и совсем немного книг. Когда такой небрежный, казалось бы, подход существует на протяжении десятилетий, он становится отличительной чертой стиля и отчасти меткой. Потому что суть туризма — молва, и классическому книжному с его патиной старины должен быть присущ некий кажущийся беспорядок, наслоения, связывающие его с тем, что принято отождествлять с Великой Традицией Знания: это мнимый хаос, структура которого обнажается постепенно. При входе в Acqua Alta можно найти и книги местных издательств; по мере того как проникаешь в различные комнаты, прорываясь сквозь пестроту и пыль, ты постепенно расшифровываешь систему классификации, от которой не может быть свободен ни один книжный.

Как и Acqua Alta, первоначальный Bertrand, Lello, Librería de Ávila, City Lights, Librairie des Colonnes или Shakespeare and Company превратились в музеи самих себя и той части истории культуры, которую они представляют: фотографий писателей, служащих символами печатного слова, в них больше, чем изображений философов или историков. Поэтому говорят — несправедливо — о литературных книжных. За исключением лиссабонского магазина, они также являются музеями единственного книжного, не имеющего ни филиалов, ни клонов. Превращение City Lights в туристическую достопримечательность происходит практически

в режиме реального времени, в рамках поп-культуры, которую завораживают идея *различия* и процесс ускоренного превращения в легенду. Первый магазин Shakespeare and Company был частью тура American Express, и автобус, полный туристов, останавливался на несколько минут на улице Одеон, чтобы дать им возможность сфотографировать книжный, под маркой которого был опубликован знаменитый роман Джойса, куда заходили Хемингуэй и обаятельная чета Фицджеральд. В тех списках самых красивых или лучших книжных мира, что в последние годы множатся в газетах и интернете, фигурируют, как правило, все они, наряду с другими, подражающими этой небрежности, этому богемному образу, этой исторической значимости. Таков случай Another Country («Другая страна») — берлинского читального клуба и букинистического магазина, где продаются книги на английском. Autorenbuchhandlung («Книжный магазин авторов») с его изысканным вкусом к поэтическим сборникам и литературным кафе, а также соседний Bücherbogen («Аренда книг») с его пятью отделами, посвященными книгам по современному искусству и кино, расположены на Савиньиплац под железнодорожными путями: это лучшие и самые красивые книжные города. Autorenbuchhandlung воплощает в себе классический идеал современного книжного. Bücherbogen — идеальную постановку: его оформление гармонично сочетается с содержимым продаваемых книг. Another Country, напротив, ограничивается тем, что воспроизводит в малом масштабе тот пыльный и превращенный в постоялый двор букинистический магазин, который принес такие доходы Уитмену: здесь есть забитый пивом холодильник, а американские студенты, не спавшие ночь или страдающие похмельем, читают книги, развалившись на диванах. Присутствие Another Country в упомянутых выше списках обусловлено двумя причинами: тем, что его можно найти и узнать о нем на английском (а эти списки составляются, как правило, англосаксонскими журналистами), и тем, что он вписывается в некий имидж (он *живописен*, отвечает тому, что мы знаем о живописи, плакатах, фотографиях, которые циркулируют в мире и повторяются, то есть увековечивают себя посредством подражания, этого базового механизма, регулирующего туризм и культуру).

Списки, о которых мы сейчас говорим, обычно возглавляет книжный магазин, который мне еще не удалось посетить, — Boekhandel Selexyz Dominicanen в Маастрихте: его полки и прилавки расположены в *зрелищном* готическом антураже

настоящей доминиканской церкви, перестроенной в 2007 году архитекторами из Merkx + Girod в храм того, что в нашу эпоху понимается под словом *культура*. Чтобы использовать всю высоту нефа, они установили трехуровневую металлическую конструкцию, уровни соединены лестницами и вместе с колоннами доходят до самого верха: к свету и старому Богу. Любопытно, что в алтарной части стоит стол в форме креста и устроен ресторан. Четыре года спустя те же архитекторы добавили к сохранившемуся оригинальному фасаду дверь цвета ржавчины, в открытом виде похожую на триптих, а в закрытом — на ящик или шкаф. Без сомнения, это шедевр архитектуры и интерьерного дизайна, но нет уверенности в том, что этот книжный уникален. Он закрывается в шесть часов вечера, а книги здесь продаются почти исключительно на голландском. Но это неважно: в глобальном обращении имиджа оболочка намного важнее содержимого. Живописное важнее, чем язык, на котором читают. Расхождение между сообществом читателей, обеспечивающим существование книжного, с одной стороны, и сообществом туристов, посещающим его только ради того, чтобы сфотографировать, — с другой, представляет собой одну из характерных черт книжного магазина XXI века. Потому что до сих пор в туристическую достопримечательность книжный магазин превращали историческое значение и живописный облик; однако в последние годы архитектурная составляющая и медийная привлекательность, почти всегда обусловленные масштабом и вычурностью, стали, быть может, более значимым маркером, чем прочие две.

Надеюсь, мне простят обилие выделенных курсивом слов в начале предыдущего абзаца — я лишь хочу подчеркнуть эти три понятия: зрелище, истинность, культура. Если в течение XX века

при строительстве опер, театров, концертных залов, культурных комплексов, музеев, спортивных стадионов, торговых центров и библиотек стремились создать модель современного собора, в XXI веке эта тенденция обнаруживается в организации книжных магазинов. Первым, а после открытия Selexyz перекочевавшим на второе место в большинстве списков, стал Ateneo Grand Splendid. Под него в 2000 году были переделаны интерьеры кинотеатра, открытого в 1919 году на бульваре Санта-Фе в Буэнос-Айресе, при этом сохранены были расписанный маслом купол, балконы, ложи, перила и сцена с гранатовым занавесом. Эти три яруса лампочек, дающих мощное круговое освещение, создают впечатление, будто находишься одновременно внутри памятника и посреди спектакля. Непрерывного спектакля, где героями выступают не клиенты и не продавцы, а сама форма, их принимающая. Магазин является частью сети Yenny и не обладает сколько-нибудь значимым книжным фондом, но дарит уникальные ощущения туристам — как случайным посетителям, так и людям, проживающим по соседству, и заядлым читателям. Это ощущение пребывания в уникальном месте, хотя здесь предлагаются те же книги, что и в прочих магазинах сети. В то время как Fnac клонируется внутри любого исторического здания, превращая здание Нантской биржи в пространство, идентичное подземному торговому центру Arenas в Барселоне, снаружи они по-прежнему предстают, соответственно, неоклассическим зданием и ареной для боя быков, а Ateneo Grand Splendid показывает, что на символическом рынке виртуального (имидж) или физического (посещение) туризма своеобразие котируется выше.

Я нисколько не сомневаюсь, что расположенный на задворках района Палермо во все том же Буэнос-Айресе Eterna Cadencia — лучший магазин, и, быть может, он еще и красивее, чем Ateneo Grand Splendid. Здесь деревянные полы, аристократические столы и кресла, великолепный книжный фонд, распределенный по стеллажам, полностью покрывающим стены, лампы, словно заимствованные из декораций к фильмам, прелестное кафе в перестроенном дворике, где проводятся самые разные литературные мероприятия; под тем же брендом ведется и издательская деятельность. Clásica y Moderna, как и Guadalquivir, расположенный в двух шагах и торгующий книгами испанских издательств, выдержаны в стилях, схожих с тем, к которому книжный Eterna Cadencia обратился уже в XXI веке. Во всех трех магазинах мы обнаруживаем все тот же традиционный, строгий

и выверенный в деталях стиль, что и в больших книжных, появившихся в восьмидесятые и девяностые годы, вроде Laie, Robinson Crusoe 389 или Autorenbuchhandlung. И других, что открылись в прошлом десятилетии, вроде The Book Lounge. О вкусах написано много, а наша эпоха отличается их многообразием.

В проекте барселонского книжного La Central можно, вероятно, усматривать переход основных тенденций последней четверти XX века к тенденции века XXI — разумеется, если мы не будем забывать о важности *особенного*. Первый магазин в рамках проекта был открыт на улице Майорка в 1996 году и по дизайну напоминал книжные, которые я только что перечислил: уютный, соразмерный человеку. La Central del Raval — второй магазин, открывшийся в 2003 году, — напротив, созвучен Selexyz и Ateneo Grand Splendid: здесь часовню Милосердия XVIII века превратили в книжное пространство, при этом сохранив ее изначальный архитектурный облик, а значит, и ее монументальность, высокие потолки, на фоне которых человек кажется маленьким. Но есть в нем монашеская строгость, чувство меры, исчезнувшее в том, что можно было бы рассматривать как третью фазу проекта: мадридский La Central de Callao открылся в 2012 году в полностью перестроенном особняке начала прошлого века, где были сохранены деревянная лестница,

несущие кирпичные стены, глиняные и деревянные потолки, цементная плитка и даже расписанная часовня, а к ним, помимо полок и тысяч книг, добавились ресторан, бар и постоянная выставка самых разных предметов, связанных с чтением напрямую или опосредованно, как то: тетради, лампы, сумки или чашки. Хотя потолки каждого из трех этажей довольно низкие, очень высокий внутренний дворик с его монументальной словесной головоломкой вписывает пространство в одну из ключевых тенденций нашего века: величие, позволяющее книжному магазину конкурировать с прочими образцами современной архитектуры.

Жизненный путь Антонио Рамиреса, одного из владельцев La Central de Callao, похож на тот, что проделал Боланьо: уроженец Колумбии, Рамирес начал заниматься книжным делом в магазинах Мехико и отточил полученные навыки в парижском La Hune и барселонском Laie, прежде чем открыть собственное дело. Вскоре после открытия магазина он опубликовал вместе с Мартой Рамонедой и Марибель Гирао статью под названием «Как представить книжный будущего». В ней авторы утверждают:

> Быть может, это возможно только в том случае, если мы поместим себя в его незаменимое измерение: в культурную плотность, заключенную в материальности бумажной книги; вернее, если мы помыслим книжный как реальное пространство для настоящих встреч живых людей с материальными предметами, наделенными особым обликом, весом и уникальной формой, в конкретный момент.

И далее перечисляются характеристики этого пространства будущего, которое уже должно быть, пусть и частично, настоящим. Рамирес говорит об архитектуре, приносящей удовольствие и вызывающей эмоции, упраздняющей любые преграды между читателем и книгой и выстраивающей обоснованную иерархию предложения. Об архитектуре, где продавец книг выступает в роли хореографа, метеоролога, сверхчитателя или посредника и располагает действенными инструментами эмоционального воздействия на читателя, чтобы побудить его сделать выбор, который принесет ему наибольшее удовольствие. Акцент на сумме конкретных физических переживаний созвучен той архитектуре и дизайну, что мы видим в La Central de Callao, где зрелищность ведет диалог с откровенностью, где новизна дополняется глубиной, где жажда соприкосновения с бумагой или картоном перекликается с голодом в ресторане или баре. В отличие от других больших книжных

нашего времени, этот расположен в самом центре города, средоточии людских потоков, и прямо конкурирует с Fnac или с El Corte Inglés, но в отличие от них, лишенных архитектурной изюминки, вполне может превратиться в достопримечательность, если его монументальность и живописность впишутся в тенденцию мировых туристических маршрутов.

Деление книжных сетей на те, что уважают характер принимающего их пространства, и те, что навязывают единый дизайн всем своим филиалам, становится расплывчатым, когда мы говорим о двух мексиканских сетях: книжных Фонда экономической культуры и книжных El Péndulo. Книжные магазины Фонда представляют собой латиноамериканскую сеть с такими по-южному зрелищными магазинами, как тот, который был открыт при культурном центре имени Габриэля Гарсии Маркеса в Боготе в 2008 году (его площадь составляет тысячу двести квадратных метров), или тот, на несколько метров меньше, что появился два года спустя при культурном центре Belle Époque в Мехико. Если первый из них, как и комплекс, частью которого он является, был создан с нуля архитектором Рохелио Сальмоной в самом центре колумбийской столицы, то магазин Rosario Castellanos появился в результате перестройки Lido, кинотеатра, типичного для сороковых годов, которую осуществил Теодоро Гонсалес де Леон. Он напоминает белоснежный неф кафедрального собора, где стеллажи и диваны расставлены в форме иероглифа, означающего фараона. Потолок покрыт растительным орнаментом работы голландского художника Яна Хендрикса. Разумеется, внутри есть и кафе, но оно занимает минимальное пространство.

В первом магазине сети El Péndulo, открытом в районе Ла-Кондеса в девяностых годах, напротив, очевидно слияние книжного и кафе, смешение концертного зала с литературной школой — тенденция, распространившаяся в те годы в западном мире и предвосхитившая реакцию книжных магазинов на цифровую угрозу. Слово «cafebrería» («кафекнижный») стало символом этого смешения. Книжный как место встреч, проведения деловых совещаний, частных уроков, мероприятий в утонченном мексиканском антураже (скатерти, растения). С течением времени появилось шесть магазинов, придерживающихся единого стиля, хотя каждый из них имеет свою изюминку. В магазине в Поланко, например, ресторан, книжный и бар занимают практически равное по количеству квадратных метров пространство, хотя именно на книжные стеллажи возложена задача соткать единую нить, задать *тон*, создать гармонию между отделами музыки, кино, телесериалов, книг по искусству... В книжном, расположенном в Колония-Рома, эту связующую функцию выполняет стена в глубине помещения, превращенная в исполинский заполненный книгами стеллаж, который идет вдоль лестниц до второго этажа и террасы и напоминает вертикальные сады Патрика Бланка. В El Péndulo del Sur отблески современного искусства играют на огромном фиолетовом плафоне. В магазине в Санта-Фе мы обнаруживаем

настенную живопись, напоминающую Миро и искусство доколумбовой эпохи. Общий корпоративный образ лишь подчеркивает особенности конкретного дизайна — не просто *классные*, но еще и запоминающиеся.

Нет сомнений в том, что книжный больших размеров — важная тенденция нашего времени, связанная с инсталляцией и другими атрибутами дизайна и современного искусства, для которых важны большие площади: стены и особенно потолки. В последнее время подобные проекты появились, помимо Буэнос-Айреса, Маастрихта, Мадрида или Мехико, в Соединенных Штатах, Португалии, Италии, Бельгии и Китае. В лос-анджелесском The Last Bookstore, занимающем бывшее здание банка, сохранена огромная оригинальная колоннада, стойки сделаны исключительно из книг, а над всем пространством парит статуя большой рыбы, также изготовленная из сотен томов. Под крышей старого фабричного цеха в лиссабонском районе Алькантара, где расположился Ler Devagar и где хранится целое, хотя и изъеденное ржавчиной, старинное типографское оборудование, а большая стена в глубине сплошь покрыта книгами, постоянно проплывает велосипед с крыльями, раскрывающимися и смыкающимися, будто медленно аплодирующими. Это аплодисменты беспримерному в книжном мире проекту. После двух предыдущих помещений, в Барриу-Алту и на бывшей оружейной фабрике, Ler Devagar теперь стал книжным с самым большим количеством книг в Португалии, акционерным обществом, объединяющим сто сорок компаньонов. Они не получают прибыли с вложений и инвестируют практически безвозмездно в книги, потому что все книги

в главном магазине и в других филиалах по всей стране они выкупили у поставщиков на свои деньги. Это огромное книгохранилище, которое продает книги и предлагает читать их медленно. Это еще и замечательный культурный центр, место, где всегда что-то происходит, — на мой взгляд, это идеальный книжный. В наклонной белой кровле Bookàbar, книжного и кафе в римском Выставочном дворце, проделаны отверстия, словно в супрематических скульптурах. Инсталляция из свисающих с потолка книг — первое, что бросается в глаза в брюссельском Cook & Book. В пекинском The Bookworm с horror vacui[90] сражается огромный оранжевый навес. Ведь задача на самом деле — сделать пространство человечным, уменьшить головокружение от бесчисленных кубических метров, скрыть высоту потолков, масштабы которых соразмерны не человеку, а фабрике.

В большинстве этих книжных XXI века есть одно или два кафе, а то и ресторан, которые гармонично вписываются в эту разноплановость, где книги играют роль нити Ариадны. Предметы декора, мебель, детский отдел, замаскированный под игровую комнату, игра различных цветов и текстур взывают к эмоциям, преследуя в конечном счете цель продлить пребывание клиента в книжном настолько, чтобы превратить его в переживание, затрагивающее все человеческие чувства и отношения. Мне кажется, что минимализм представляет собой нечто большее, чем стилистический метод: его можно рассматривать как декларацию о намерениях. Складывается иерархия из трех уровней. Верхний принадлежит архитектуре, в которой почти всегда преобладают прямые линии, она в конце концов подминает под себя то, что еще присутствует в пространстве, но не заполняет его. На промежуточном уровне мы обнаруживаем лестницы, большие окна, витрины, настенную роспись, скульптуры, мебель былых эпох, лампы: с их помощью пытаются притушить агрессию пространства, которое зачастую изначально предназначалось для другого общественного использования и было переделано, преобразовано. На нижнем уровне находятся книги, маленькие, незаметные: они — смысл существования всей структуры, но из-за ее объемности, освещения, статуса галереи искусства или винтажного склада они не могут обладать той же значимостью, что в XX веке, когда масштаб книжных соответствовал книгам, равно как и нам, нашим рукам и глазам.

90 Боязнью пустоты (*лат.*).

Так книжный становится возможной метафорой интернета: как и в сети, текстам принадлежит важное, но ограниченное место, небольшое в сравнении с тем, что захватывают визуальные образы и прежде всего неопределенность и пустота. Как и в киберпространстве, где всегда происходит что-то по большей части невидимое, посетитель этих книжных, располагающихся во многих пространствах, осознает, что в отделе детских книг рассказывают сказки, что в кафе поет бард, что этим утром обновили стол с новинками или витрину, что скоро начнется презентация какой-нибудь книги, что в ресторане новое десертное меню или что подходят к концу литературные мастер-классы первого квартала. Как и в виртуальном мире, мы наблюдаем новые формы социализации, социальные сети; но книжные магазины отстаивают личное общение, полноту чувств — то единственное, чего не может предложить нам интернет.

Формат 10 Corso Como ясно обозначает это намерение посредством ярлыка slow shopping[91], ключевого элемента зрелищного книжного. Чем больше времени ты проводишь в простран-

91 Медленные покупки, замедленный шопинг (*англ.*).

стве магазина, тем больше ты покупаешь и потребляешь. Хотя у итальянской сети есть магазины и в Сеуле, и в Токио, только в миланском *оригинале* помимо гостиницы, кафе-ресторана, сада, галереи искусства, магазинов одежды и предметов декора имеется книжный. В комплексе Trasnocho Cultural, открытом в Каракасе в 2001 году, центром все еще является кинотеатр, вокруг которого располагаются гастрономические, художественные или книжные пространства (книжный магазин El Buscón) как продолжение тенденции XX века. Тенденции, впрочем, угасающей, потому что в торговых центрах кинотеатры находятся, как правило, на последнем этаже, а книжный представляет собой лишь один из магазинов, лишенный каких-либо особенностей или престижности. А в 10 Corso Como ядро образуют рестораны и гостиница, галерея искусств и книжный играют роль спутников, которые лишь намечают культурную составляющую комплекса. Ler Devagar — часть LX Factory, альтернативного торгового центра, расположенного на открытом воздухе, на месте перестроенного промышленного полигона, где галереи искусства также сосуществуют с барами и ресторанами. У книжного в 10 Corso Como даже нет своего названия — просто Book and Design Shop, — потому что его невозможно понять вне рамок этого гламурного комплекса. Во времена, когда гастрономия добилась художественного признания, границы культурных впечатлений расширяются, смешиваясь с туристическими впечатлениями, поглощающими все формы культурного потребления. Нечто подобное происходит с самого начала современной эпохи: для Гёте во время путешествия по Италии посещения книжных лавок были частью *пространственного континуума*, который придает форму любому перемещению наряду с церквями, руинами, домами эрудитов, ресторанами или гостиницами. Как путешествие, так и книжные магазины издавна подстегивали любовь к пространству.

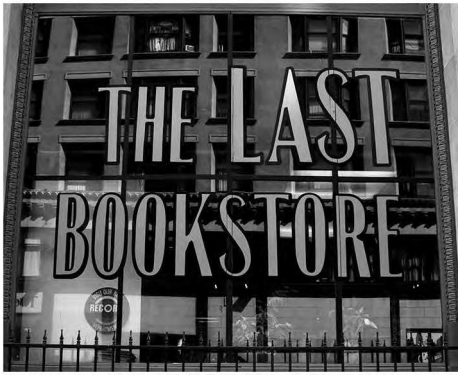
Интеллектуальное наслаждение смешивается с наслаждением чувственным. И тут современные книжные опираются на опыт магазинов при музеях современного искусства, где каталоги представляют собой лишь часть ассортимента, причем зачастую даже не самую важную, соседствуя с ювелирными украшениями, игрушками, одеждой и тому подобным. Предметное приобретает привлекательность, и она усиливается благодаря этому минималистическому контексту, подчеркивающему отличительные особенности каждого предмета. Часто мы обнаруживаем, как было

у меня с тем чайником в Пекине, ту же футболку или чашку в другом магазине дешевле, но в этом случае она лишается ауры престижа, которую придают ей такие места, как, например, Центр Помпиду. Это уже не *совсем* тот же предмет. Если бы он находился всего лишь в нескольких метрах отсюда, в контексте выставки, мы не могли бы к нему прикоснуться, но в магазине мы можем это сделать. И купить. Маржа прибыли у подарочных предметов намного выше, чем у книг. Именно осязаемость придает товару современного книжного магазина дополнительную стоимость: книжный не оправдает своего существования, просто являясь физическим аналогом интернет-магазина, — он обязан предлагать все то, чего нет на его сайте.

И это неизбежно связано с представлением о роскоши. Потому что, посещая книжный, знаменитый своей историей, архитектурой, интерьером или издательским фондом, мы сами оказываемся избранными, членами некоего закрытого сообщества, отличающимися от тех, кто потребляет культуру в торговых центрах или в массовых сетях. Поль Отле еще в 1934 году писал в «Трактате о документации»: «Комфорт в торговых залах соперничает с роскошью и красотой. Изысканная обстановка, удобные салоны, свежие цветы. Некоторые книжные магазины, например Brentano's, Scribner's или Macmillan, — настоящие дворцы». Если вспомнить книжную лавку, изображенную на гравюре «Храм муз», станет понятно, что уже в XIX веке существовали книжные, воплощающие манию величия. Политика салонов XVIII века регулировалась именно изысканностью, аристократически изысканным вкусом. Демократия же расширяет мечту трубадуров о том, чтобы место в сообществе избранных зависело от культуры, образованности, дарований, а не от покупательной способности

или происхождения. Тем не менее для восприятия и понимания архитектуры, интерьера или ассортимента зрелищных книжных в дополнение к познаниям требуется звонкая монета, так что не каждый может позволить себе путешествия, чтобы знакомиться с книжными, особо отмеченными в туристических путеводителях.

В «Жизни книг», другой старой книге, Джойс Торп Николсон и Дэниэл Риксон Торп рассказывают, что австралийские книготорговцы семидесятых годов осознавали, насколько важно, чтобы их магазины обладали тем, что авторы называют «trendy appearance»[92]. Они упоминают сиднейский книжный Angus & Robertson, в новом помещении которого было решено покрасить каждый этаж в свой цвет, и Angus & Robertson в Западной Австралии, переехавший в старинную гостиницу и таверну и запустивший кампанию под девизом «Книги и пиво», а также Abbey's Henry Lawson's Bookshop в здании сиднейского отеля Hilton, со стеллажами из черного дерева, на которых можно было отыскать «любую книгу, изданную в Австралии». У зрелищного книжного были и многие другие предшественники — сведения о них еще предстоит выудить в библиотеках, залах периодики и личных воспоминаниях. Среди тех, что еще существуют, особое место занимают два вокзала Викторианской эпохи, перестроенные в книжные магазины: в 1991 году в Олнвике (восточное побережье Англии) открылся Barter Books, в Филадельфии четыре года спустя — Walk A Crooked Mile Books.



Таким образом, наделение новым смыслом гостиниц, вокзалов, кинотеатров, церквей, дворцов, банков, типографий, галерей

92 Трендовый вид (*англ.*).

искусства или музеев путем их превращения в книжные магазины представляет собой постоянное явление последних десятилетий, активно развивающееся в XXI веке. В новом историческом контексте, где переработка получила новый смысл, где культура подверглась оцифровке и, прежде всего, где существование всего реального является одновременно физическим и виртуальным, эти соборы письменной культуры приобретают религиозное, даже апокалиптическое значение. Капиталистическая их суть уживается с художественными устремлениями, редко встречавшимися прежде. В обеих плоскостях зрелищность имеет решающее значение. На сайте El Pêndulo можно совершать виртуальные прогулки по каждому из шести «кафекнижных». «Google Картинки» и другие платформы полны фотографий самых красивых, самых интересных, самых впечатляющих книжных магазинов мира. Впервые в истории культуры они включаются в международные туристические маршруты, маркеры становятся заметнее и получают ускорение, происходит мгновенное — со скоростью копипаста — распространение на сайтах, в социальных сетях, блогах и микроблогах, навязывается желание узнать, посетить, поехать, сфотографировать, так что История, участие знаменитых писателей или легендарных книг оказываются ненужными. Снимок церкви, железнодорожного вокзала, театра, превращенного в книжный, — в новой логике туризма этот образ стоит больше, чем образ ста тысяч книг и десятка миллиардов содержащихся в них слов.

После десятка лет сотрудничества с Gandhi Эльвио Витали Луис дель Мармоль начал собственную предпринимательскую деятельность с Un gallo para Esculapio, расположенного на углу Палермо-Сохо. С 2001 года место действовало как бар с книжным магазином. Затем он переместился в Горрити 3538, тоже посреди Палермо; там было несколько отделов, где устраивались презентации книг и выставки фотографий и различных произведений искусства. Там также была балюстрада, в нынешнем интерьере выполняющая роль прилавка, а офисы расположены на бывшем железнодорожном мосту, тоже изменившемся вместе с книгами. Под влиянием волны переделок нынешнее внешнее окно сделано из стекол, прежде находившихся во втором баре, а тяжелые гардины, служившие занавесом в тогдашних декорациях, сегодня отделяют торговый зал от склада.
www.tangocity.com

13. Повседневные книжные

> Я предпочитал киоски Ронды, роскошные кипы комиксов в Энкантес-де-Сан-Антонио и романы, которые можно было взять напрокат в книжном Torrades и в маленьком, незаметном книжном на Принсипе-де-Виана: он был ближе и стопки книг в нем возвышались, словно хрупкие вавилонские башни.
> *Маркос Ордоньес. «Сад, покинутый птицами»*

Дж. Р. Р. Толкин опубликовал свои «Ноги гоблина» в сборнике поэзии, изданном оксфордским книжным Blackwell's, который списал ему скопившийся долг в обмен на аванс за авторские права. Потому что Толкин был постоянным клиентом этого магазина, основанного в 1879 году Бенджамином Генри Блэквеллом и превращенного в культурный и издательский проект его сыном Бэзилом, первым выпускником университета в семье и первым, кто издал автора «Властелина колец». По мере того как росло число магазинов Blackwell's и он превращался в книготорговую сеть, в каждом новом филиале появлялось множество посетителей, постоянных покупателей, для которых Blackwell's в Эдинбурге, Кембридже, Ливерпуле или Белфасте становились повседневными книжными.

Разглядывая и перебирая книги в главном магазине Оксфорда, представляешь себе, как, начавшись с нескольких квадратных метров, он постепенно поглощает все окружающее пространство, объединяя несколько помещений в единый, чудовищный очаг. Когда заходишь внутрь, слева видишь камин XIX века и деревянные стропила — следы старинного интерьера. В стороне от камина верхнего этажа восстановлен кабинет основателей, чьи трубки, очки и разрезательные ножи разложены по столу так, будто с момента, когда их там оставили, прошло всего несколько часов, а не целое столетие. Обосновавшись в этих двух небольших помещениях, владельцы Blackwell's постепенно скупили все апартаменты в здании и расширили магазин. Самым последним приобретением стал огромный погреб в задней части, который занимает подвальный этаж в саду Тринити-колледжа. У погреба есть собственное название: The Norrington Room. Он похож на олимпийский бассейн, заполненный стеллажами и книгами. В шестидесятые и семидесятые годы, в эпоху частых отключений света, здесь были керосиновые лампы, позволявшие читать вопреки любым напастям. Мне кажется, я наяву вижу тех читателей, что укрывались здесь, словно в бомбоубежище. Несмотря на свою прямоугольную форму, сверху он похож на овальную

площадь или на гигантский мозг — коллективный мозг его восьмидесяти сотрудников, по большей части продавцов книг. Оксфордский университет тоже расширяется пространственно и интеллектуально подобно своему лучшему книжному.

Во время последнего пребывания в Берлине, перед тем как отправиться фотографировать разлагающиеся останки книжного Karl Marx, я случайно встретил Сесара Айру. Мы зашли в ближайшее кафе поболтать о последних новинках аргентинской литературы. «Мы собираемся почти каждый день, — сказал он мне посреди разговора, — в La Internacional Argentina, книжном Франсиско Гарамоны, вместе с Раулем Эскари, Фернандой Лагуной, Эсекьелем Алемианом, Пабло Катчаджианом, Серхио Биццио и другими друзьями». Магазин издательства Mansalva с диваном и столиком, куда посетители ставят бокалы с вином, является, возможно, единственным книжным в мире, где можно купить бóльшую часть вещей Айры, в том числе и в переводах, хотя, разумеется, всегда найдется десяток-другой книг, которые не сможет раздобыть даже Гарамона. Это одно из тех новых мест, где укоренились привычки другой эпохи. Как и в Ballena Blanca, книжном Алехандро Падрона в венесуэльской Мериде, в котором ежедневно собираются университетские профессора вроде Диомедеса Кордеро и писатели, такие как Эднодио Кинтеро, чтобы поговорить о крупных поэтах страны, о японской литературе или об испанской и аргентинской литратурной полемике, в то время как они готовят очередное издание знаменитого Литературного биеннале имени Мариано Пикона Саласа, послужившего источником вдохновения для приключений Айры и для целой армии клонов Карлоса Фуэнтеса в «Литературном съезде». Потому что литература — это полемика, и будущее, и тексты, в которых можно фантазировать.

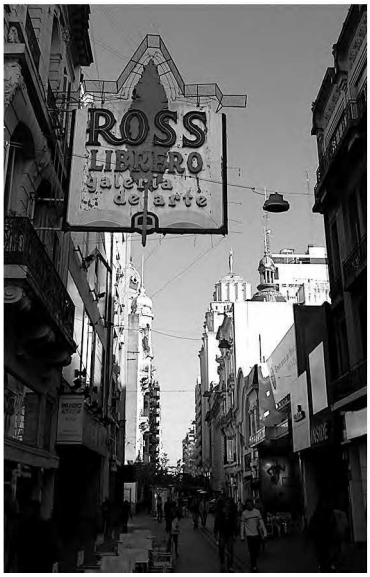
«В послеобеденный час Лавка наша напоминала клуб, куда приходили ученые, литераторы, художники повидаться, поговорить, отвести душу от прозы нашего тогдашнего быта»[93], — писал Михаил Осоргин о легендарном московском кооперативе «Книжная лавка писателей». Хотя разговоры о литературе в издательствах и книжных так же стары, как и западная культура, именно с XVII–XVIII веков складывается понятие *кружка*. Неудивительно поэтому, что книжный и кафе постепенно начинают сливаться в единую сущность, как это описано в «Природе книги» Эдриана Джонса. Служащие были членами семьи, а границы между частным пространством и общественным делом оставались размытыми; в результате стулья, кресла и диваны, сидя на которых можно было насладиться чтением за бокалом вина, попадали туда из дома хозяина книжного. С тех пор многие книготорговцы становятся ключевыми фигурами салонов и кружков, где проходят культурные встречи и ведется купля-продажа: «Самым характерным образцом amphibious mortal[94] явно был Джейкоб Джонсон», которого аристократы воспринимали как «книготорговца, а книготорговцы — как аристократа». Сближению частной и общественной жизни сопутствует сближение книжного, книжной лавки с библиотекой. Сэмюэл Пипс в своих дневниках рассказывает о книжных, в которых «ставили стулья, чтобы посетители могли читать столько времени, сколько пожелают». И именно книготорговцы в XVIII веке дали толчок развитию библиотек, где книги выдавались на время — они были намного более демократичными, чем литературные общества, и представляли собой единственную возможность для подмастерьев ремесленников, студентов или женщин получить доступ к чтению, не выкладывая за книги круглых сумм. Можно было бы сказать, что, несмотря на ограниченность пространства, четко очерченных границ у книжного магазина никогда не было.

Во время поездок многие книжные магазины становились для меня прибежищами, очагами домашнего уюта. Я помню, как ежедневно ходил в подвал Leonardo da Vinci во время пребывания в Рио-де-Жанейро; и в Seminary Coop, когда жил в Чикаго; и на Книжный базар в Стамбуле — с целью заполучить книгу о турецких путешественниках; и в книжный Ross в Росарио, всякий раз

93 *Осоргин М. А.* Книжная лавка писателей. https://royallib.com/read/osorgin_mihail/knignaya_lavka_pisateley.html#0

94 Смертного, обладающего двойственной природой (*англ.*).

как оказывался в этом городе у безбрежной реки. При этом полное собрание сочинений Эдгардо Козаринского я обнаружил в соседнем магазине El Ateneo, а в кафе при нем читал «Ринконете и Кортадильо» и «Лиценциата Видриеру»[95]. Приезжая в Мадрид, я посещаю La Central при Центре искусств королевы Софии и книжный магазин в Кальяо, стараюсь выпить кофе в Tipos Infames, баре и галерее искусства, откликающейся на последние тенденции развития международных книжных. Я захожу поздороваться с Лолой Ларумбе, очаровательной управляющей книжного Rafael Alberti, спроектированного поэтом и писателем в 1975 году (в подвале, судя по всему, постоянно протекают трубы). Заглядываю и в La Buena Vida к Давиду Гарсии Мартину, разделяющему мою любовь к документалистике, и в Antonio Machado в подвале Общества изящных искусств. Подборка книг, выпускаемых небольшими испанскими издательствами, здесь всегда восхитительна, а на выкладке у кассы я в течение многих лет находил интереснейшие книги о книжных магазинах, которые использовал для написания этой работы. Пару раз в год я езжу в Неаполь и обязательно захожу в Feltrinelli на Центральном вокзале и в Libreria Colonnese на улице Сан-Пьетро-а-Майелла, окруженный церквями, мастерскими, где изготавливают рождественские вертепы, остатками стен и алтарями, посвященными святому Диего Марадоне.



95 Две из «Назидательных новелл» Сервантеса.

Книжный магазин, без сомнения, становится намного более гостеприимным, когда либо в результате частых посещений, либо случайно завязываешь дружбу с одним из его продавцов. Когда я жил в Буэнос-Айресе и Росарио и мне каждые три месяца приходилось выезжать из страны, я отправлялся собирать по крупицам впечатления от Уругвая по морю, реке и суше. Все мои маршруты заканчивались в книжном La Lupa, где в каждый мой визит Густаво Гуарино, один из владельцев, рассказывал мне об уругвайской литературе; ведь только оказавшись на месте событий, ты получаешь доступ ко всему тому, что не хочет демонстрировать себя в интернете. Одним из удовольствий, ожидавших меня в Пальма-де-Майорке, было посещение La Biblioteca de Babel, где я терялся в отделе художественной и non-fiction литературы; Los Oficios Terrestres, где я всякий раз восхищался сосуществованием парикмахерской, поэзии и политической эссеистики; и Literanta, за прилавком которого стоит критик и бунтарь от культуры Марина П. Де Кабо. Когда мы познакомились, она многое рассказала мне о творчестве Кристобаля Серры. На протяжении многих лет я каждую пятницу вечером заходил в La Central del Raval в Барселоне, зная, что Сесар Солис посоветует мне там новинки латиноамериканских издательств или раздобудет последнюю опубликованную книгу Зебальда или о Зебальде на одном из основных европейских языков. С тех пор как в Мадрид переехал Дамиа Гальярдо, я могу приходить к нему в книжный Laie при Центре современного искусства, чтобы искать решения своих читательских проблем. Потому что во всяком хорошем продавце книг есть что-то от врача, фармацевта или психолога. Или бармена. Франсиско, Алехандро, Густаво, Марина, Сесар и Дамиа составляют часть моего собственного мира книготорговцев, беспокойного мира привычек, которые легко вспоминаешь, стоит тебе оказаться в далеких городах.

Решающий момент жизни Аустерлица, героя романа В. Г. Зебальда, наступает в букинистическом магазине близ Британского музея, принадлежащем красивой женщине, имя которой символизирует домашний покой: Пенелопа Писфул[96]. Пока она решает кроссворд, а он рассеянно листает гравюры с архитектурными памятниками, две женщины рассказывают по радио «о том, как они, девочками, были отправлены летом 1939 года

96 Пенелопа — в греческой мифологии верная жена, хранительница домашнего очага. Писфул — мирная, умиротворенная, безмятежная (*англ.* peaceful).

специальным транспортом в Англию»[97]. Некий транс охватывает Аустерлица: «Я, забыв о лежащих передо мною гравюрах, застыл как изваяние, боясь пропустить хотя бы один слог, идущий из недр шуршащего аппарата». Потому что этот язык внезапно позволяет ему воссоздать собственное детство, свое путешествие, свое прибытие в Англию из Европы, охваченной огнем, свое изгнание — несколько лет, которые начисто стерлись из его памяти. В книжном магазине он внезапно вспоминает, кто он, с какой Итаки он родом.

Детство и особенно отрочество — тот возраст, когда человек проникается любовью к книжным магазинам. Я провел так много субботних вечеров, разглядывая полки Rogés Llibres, на первом этаже Ciudad Jardín в Матаро, превращенного в букинистический магазин, что теперь не могу выстроить их хронологию или поместить между двух дат. Помню одно: я ходил туда только по выходным и во время каникул, потому что в течение учебного года мой путь лежал в обратном направлении, к центру города. По дороге в библиотеку Caixa Laietana, где я прочитал все комиксы об Астериксе и Обеликсе и Тинтине и где брал все романы из серии «Альфред Хичкок и Три Сыщика» и рассказы о Шерлоке Холмсе, или возвращаясь домой к ужину, я заходил в Robafaves. Как я обнаружил намного позже, он был кооперативом и одним из лучших книжных в Каталонии, где почти каждый вечер проходили презентации книг. Я слушал, словно в церкви или на уроке, эти слова, которые, несмотря на то что они витали между устами и микрофоном и были почти такими же осязаемыми предметами, как и окружавшие их книги, казались мне очень далеким, непонятным лепетом, никак не связанным с моим твердым намерением стать писателем.

Лет в четырнадцать или пятнадцать я сопровождал моего отца, когда он обходил дома в другом районе Матаро, рядом с Центральным парком, Велодромом и городским бассейном, где я в детстве видел королевских павлинов, бегунов и велосипедистов и где я сам бросался бы в воду, как если бы меня не пугали эти кубические метры голубого хлора. После восьмичасового рабочего дня в Telefónica[98] он работал представителем Читательского кружка. Сначала мы раздавали новые журналы и собирали

97 *Зебальд В.Г.* Аустерлиц / Пер. с нем. М. Кореневой. М.: Новое издательство, 2015.

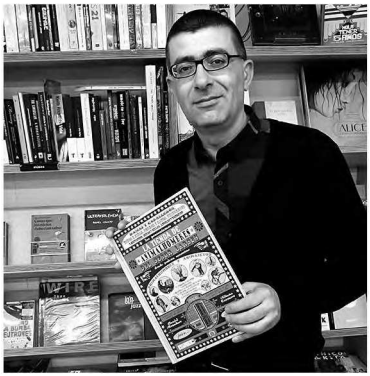
98 Телекоммуникационная компания, занимавшая монопольное положение в сфере телефонной связи в Испании во времена, о которых рассказывает автор.

карточки, на которых все местные члены кружка записывали свои заказы; потом обрабатывали информацию; через несколько недель к нам домой доставляли книги и мама помогала нам их распределить по улицам; наконец, их нужно было отнести новым владельцам и собрать с них деньги. Некоторые клиенты заставляли нас возвращаться по два, три и даже четыре раза, потому что у них никогда не находилось девятисот пятидесяти или двух тысяч ста пятнадцати песет, которые составляли стоимость их заказа. Другие же, напротив, покупали пять, семь, девять книг каждые два месяца, и у них были наготове десять тысяч триста или двенадцать тысяч пятьсот песет, потому что они нас ждали, томимые жаждой чтения. Наверное, в одной из этих квартир, где жили незнакомые семьи, старушки или холостяки, я впервые увидел внушительные частные библиотеки и решил, что однажды, когда я стану писателем, у меня тоже будет такая библиотека. Первое было чем-то слишком абстрактным, плохо различимым; второе, напротив, обретало зримый облик в осязаемых структурах, которые, как и девичьи тела, были чистым воплощением желания.

«Стоит ребенку научиться ходить и читать по складам — и он уже отдан на произвол любой скверно вымощенной улице, товару любого торговца, который черт знает почему метнулся на книги, — пишет Элиас Канетти в “Ослеплении”. — Мальчишкам надо бы расти в солидных частных библиотеках...»[99] Очень веро-

99 *Канетти Э.* Ослепление / Пер. с нем. С. Апта. М.: Художественная литература, 1988.

ятно, что он прав, ведь я не способен припомнить ни единой книги, купленной в Rogés Llibres или Robafaves, которая изменила бы мою жизнь: все главные свои книги я прочитал позже (или, вернее, поздно), когда уже уехал из Матаро. Тем не менее Robafaves — самый важный книжный в моей жизни, потому что там я испытал нечто близкое тому, что видел в тех квартирах: возможность сосуществования с книгами. «Вероятно, эта книга попала мне в руки в Laie, — думает Амальфитанец в “2666”, — или в La Central». То же самое я мог бы сказать о значительной части моей библиотеки, пожалуй, о ее трети, к которой затем добавились названия книг, купленных в Altaïr, и комиксы, приобретенные в Arkham. Две оставшиеся трети появились благодаря пресс-релизам издательств и путешествиям. Из Росарио, Буэнос-Айреса и Чикаго я отправил десятки коробок: не могу представить библиотеку без мысли о кочевничестве. Мой собственный городской опыт формируется из переплетения прогулок и книжных, вследствие чего у большей части моих привычных маршрутов узловыми точками выступают определенные магазины. Из улицы, книжного, площади и кафе складываются пути современности как сферы двух важнейших действий: беседы и чтения. В то время как литературное сочинительство, которое еще несколько десятилетий назад можно было наблюдать за столиками кафе, постепенно замыкалось в частном пространстве или в лучшем случае в библиотеке, разговор и чтение, запланированные или случайные встречи, газета, роман или журнал оставались важными элементами и вокруг них выстраивалась общественная сторона городского существования. Потому что блоги и социальные сети позволяют тебе обмениваться данными и мыслями в Космополисе, но тело-то твое по-прежнему находится в том или ином конкретном месте.



С точки зрения Боланьо, книжные Буэнос-Айреса живут: книги теряются «на краю последних полок или заваленных столов букинистических лавок» или «слоняются по буэнос-айресским книжным», читаем мы в «Путешествии Альваро Русло», одном из рассказов сборника «Нестерпимый гаучо». То есть не только читатели движутся по книжным магазинам различных городов, но и сами книги подвижны, они блуждают, убегают, прокладывают маршруты. Этой мыслью вдохновлялся барселонский театральный режиссер Марк Каэльяс, когда предложил адаптировать «Прогулку» Роберта Вальзера к маршруту, пролегающему по аргентинской столице. Внезапно страницы воплотились в актере, в прохожем, который, как и в романе, блуждает по различным символичным пространствам современного города. Одним из них, разумеется, является книжный магазин:

> Поскольку внимание мое приятным образом привлек большой и известный своим отменным выбором книжный магазин, я поддался искушению и не замедлил нанести краткий и беглый визит, прикинувшись человеком с хорошими манерами, причем отдавал себе отчет в том, что способен лишь скорее на роль инспектора и ревизора, собирателя справок или утонченного библиофила, а вовсе не обожаемого долгожданного богатого покупателя и хорошего клиента. Вежливым, предельно осторожным голосом и, понятное дело, в самых изысканных выражениях я осведомился о последних и лучших новинках изящной словесности.
>
> — Не позволите ли, — застенчиво спросил я, — взглянуть на самое-пресамое из заслуживающего внимания в области наисерьезного чтения и потому, разумеется, наиболее читаемое, и сразу почитаемое, и вмиг раскупаемое? Буду вам премного и необычайно благодарен, если окажете особую любезность и соблаговолите показать мне ту книгу, которая завоевала рьяную любовь не только у читающей публики — кому, как не вам, об этом лучше знать, — но и у внушающей страх и оттого, несомненно, столь улещиваемой критики и которая будет почитаема и потомством. Вы просто не поверите, до какой степени мне не терпится узнать, какое из творений пера, затерявшихся в этих стопках, является той самой искомой любимой книгой, один вид которой, скорее всего, как я живейшим образом предполагаю, заставит меня тут же раскошелиться и превратиться в восторженного покупателя. Меня всего пробирает до костей от нетерпения узнать, кто же этот любимец просвещенной публики,

сочинивший сей заласканный и захваленный шедевр, и, как сказано, может быть, даже таковой и приобрести. Позвольте же обратиться к вам с просьбой указать мне на сию прославленную книгу, чтобы я мог утолить эту жажду, охватившую все мое существо, и на том успокоиться.

— Извольте, — ответил книгопродавец. Он стрелой исчез из поля моего зрения с тем лишь, чтобы через мгновение вновь предстать перед алчущим клиентом с книгой, пользующейся наивысшим спросом и обладающей поистине непреходящей ценностью. Этот драгоценный результат духовной работы он держал столь бережно и торжественно, будто нес священную реликвию. С благоговением, с блаженнейшей улыбкой, которая может осенить лишь уста верующих и просветленных, явил он мне призывающе свое подношение. Взглянул я на книгу и спросил:

— Клянетесь, что это и есть самая-пресамая книга года?

— Без сомнения.

— Но вы уверены, что это именно та книга, которую обязательно нужно прочитать?

— Безусловно.

— И это правда хорошая книга?

— Что за совершенно излишний и неуместный вопрос?

— Сердечно благодарю, — произнес я холодным тоном, оставил книгу, которую все покупают, потому что ее обязательно нужно прочитать, лежать себе там, где она лежала, и тихо удалился, не произнеся больше ни слова.

— Темнота! Невежа! — долетели до меня слова по праву раздосадованного книгопродавца, брошенные мне в спину[100].

Прохожий швейцарца Вальзера, следуя указаниям каталонского режиссера, в любом книжном района Боэдо смеется с аргентинским акцентом над общепринятыми нормами, над литературой, подчиненной критериям прибыли, над абсурдностью культурного мира. Периферийные центры и центральные периферии, упраздненные границы, переводы, переезды из города в город, квантовые скачки, межкультурные взаимодействия: добро пожаловать в любой книжный.

Ту же непростую связь между периферией и центром, которую я, сам того не замечая, ощущал, когда заходил в Rogés Llibres и Robafaves, букинистический и антикварный книжный

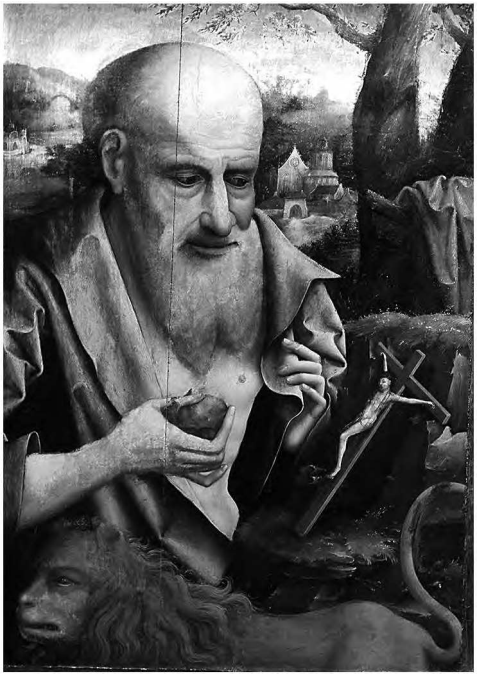
100 *Вальзер Р.* Прогулка / Пер. с нем. М. Шишкина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014.

и книжный, где продавались новинки, можно установить между книжными центра Барселоны и теми, что определяют лицо ее предместий. Первым барселонским магазином, куда я попал, был Gigamesh, и вскоре я начал исследовать магазины комиксов и научной фантастики и приключений, окружавшие его тогда и окружающие теперь, словно инопланетная язва, с годами расползшаяся по окрестностям бульвара Сан-Хуан. Орбита этого невозможного центра, который занимают Laie, Documenta, Altaïr, Alibri, La Central и многие другие книжные, лежит близко, по ней можно пройти. До конца 2015 года нужно было просто пересечь Борн, район, где отсутствуют книжные магазины, чтобы оказаться на одном из углов Барселонеты в Negra y Criminal, почти пятнадцать лет находившемся в управлении Пако Камарасы. Теперь осиротевших районов стало два. Книжные мимикрируют под районы, в которых располагаются: такой магазин мог существовать только посреди рыбацких домов, а в Грасиа, что в пятнадцати минутах ходьбы от Триумфальной арки, Taifa и остальные тридцать книжных можно представить только в контексте *виллы*, в окружении окрестностей. Камараса и Хосе Батльо, *отцы-основатели* магазина Taifa (сегодня он принадлежит их наследникам Жорди Дуарте и Роберто Гарсия), относятся к числу важнейших фигур книжного мира Барселоны: этот мир, мифом об истоках которого являются посвященные ему страницы сервантесовского «Дон Кихота», всегда обыгрывал литературное двуязычие города. С 1993 года Taifa является главным книжным магазином к северу от проспекта Диагональ, так же как Negra y Criminal — главный книжный к югу от Ронда Литораль[101]. Батльо — поэт, издатель и легенда. Широко известна его образованность, его сильная привязанность к друзьям и его стычки с покупателями, которых он может отругать, если они интересуются абы чем. В последние два десятилетия самыми продаваемыми у него книгами были «Игра в классики» и «Город чудес». Уцененные книги размещены в небольшом отделе в глубине, напоминая нам, что нет ничего необычного в том, что романы и очерки перестают продаваться, что издательства закрываются, что о нас забывают.

Во втором круге, внешней стороне орбиты, находятся другие барселонские книжные, обретающие популярность в последние годы. Здесь я имею в виду, например, книжный магазин

101 Объездная дорога, проходящая по южной части города.

и ресторан +Bernat на улице Буэнос-Айрес, рядом с площадью Франсеска Масиа, которым руководит Монтсе Серрано и который определяет себя как «культурный склад» — берлогу Энрике Вила-Матаса с тех пор, как он переехал в этот район. Или Llibreria Calders с его пианино и вечно насыщенным графиком на улице Парламент в районе Сан-Антони. Или Nollegiu в Побленоу, превращенный Шави Видалом тоже в важный культурный центр. Или Malpaso, он находится близко от мексиканского ресторана и от одноименного издательства и встречает тебя девизом, звучащим как приглашение: проходите и читайте. К счастью, это не единственные книжные, которые, развиваясь вдали от центра города, создают городскую ткань. Ведь, хотя важно сохранять оси, вдоль которых располагаются книжные, такие как популярная улица Порт-Альба, с подачи Массимо Гатты получившая прозвище «Чаринг-Кросс-роуд Неаполя», или элегантная площадь Спёй и прилегающие к ней улицы в Амстердаме, ведь они сами по себе ценное наследие, демократический город представляет собой сеть общественных и частных библиотек и больших и маленьких книжных магазинов — так осуществляется диалог между читателями центра и читателями периферии.



Иногда во время прогулки я оказываюсь на улице Льибретериа, бывшем Декуманусе в Барцино[102], где находится магазин ремесленных изделий Papirvm и La Central при Музее истории города, одном из тех мест — к числу которых относится и книжный в подвале Колледжа архитекторов, — где Барселона хранит архивы своей памяти. В 1553 году было основано религиозное братство «Сант-Жерони делс Льибретерс»[103]. Если святого Лаврентия, одного из первых казначеев Церкви, считают покровителем библиотекарей, потому что он занимался классификацией документов, то святого Иеронима, одного из первых литературных негров Церкви (он сочинял письма папы Дамасия I), почитают как покровителя переводчиков и книготорговцев. Святой Лаврентий, который в некоторых легендах отождествляется с таинственным персонажем, сокрывшим Святой Грааль, чтобы защитить его от уничтожения, умер мученической смертью, будучи сожжен заживо на решетке в предместье Рима. Каждый год 10 августа реликварий, где хранится его голова, выставляется в Ватикане для поклонения — не знаю, только ли библиотекари ему поклоняются. Святой Иероним, напротив, стяжав славу переводчика, удалился в Вифлеем, где, живя в пещере, в своих писаниях подвергал нападкам европейские пороки и бил себя камнем в знак покаяния. Изображают его обычно с лежащей перед ним Вульгатой, то есть Библией, переведенной им с древнееврейского (сам он был знатоком древнегреческого и латыни), с черепом, символизирующем vanitas[104], и с этим камнем, который, как утверждают злые языки, он использовал в качестве никому доселе не известного средства перевода: он бил себя и Бог ipso facto[105] раскрывал ему латинское соответствие еврейского слова.

Твой город проникает в книжные магазины через витрины и шаги покупателей — пространство-кентавр, не до конца частное и не полностью общественное. Город входит и выходит из книжного, поскольку один невозможно понять без второго, вследствие чего тротуары перед входом в Pequod или в Negra у Criminal субботними вечерами или утром по воскресеньям заполняются людьми, которые приходят сюда выпить стакан вина

102 Декуманус — в римских городах улица, шедшая с запада на восток. Барцино — название Барселоны в римскую эпоху.

103 Братство книготорговцев Святого Иеронима (*кат.*).

104 Тщету (*лат.*).

105 Тем самым, в силу этого деяния (*лат.*).

или поесть мидий, приготовленных на пару. И книги о Барселоне входят во все книжные города, потому что это место, естественным образом им принадлежащее. А когда романы, очерки, биографии и поэтические сборники, которые горожане трогали и держали у себя, начинают стареть, то возвращаются в город, на рынок Сан-Антонио, в букинистические магазины или в тот книжный пассаж с уралитовой крышей, что находился в глубине Лос Энкантес[106], где прохожий обнаруживает в себе коллекционера, антиквара, старьевщика.

По воскресеньям на рынке Сан-Антонио или в дни работы Лос Энкантес книжное измерение города особенно чувствуется. Но есть один день в году, когда во всех своих уголках он воспроизводит то ощущение, которое вынес отсюда Дон Кихот: город дышит печатным словом. Инициатором Дня испанской книги был валенсиец Висенте Клавель, еще в молодости осевший в Барселоне и владевший издательством Cervantes: заручившись поддержкой Книжной палаты и министра труда, каталонца Эдуарда Ауноса, он добился того, что его проект в 1926 году, в самый разгар диктатуры Примо де Риверы, превратился в королевский указ. Хотя замысел заключался в том, чтобы поддержать испаноязычную книжную культуру на всех уровнях администрации и привлечь все библиотеки и все города Испании к участию

106 Блошиный рынок в Барселоне.

в торжествах в той или иной форме, с самого начала произошла поляризация между народными празднованиями в Барселоне и академическими и институциональными мероприятиями в Мадриде. Гильермо Диас Плаха отмечал в статье, написанной после смерти Клавеля:

> Почти полвека спустя указ остается в силе с одной-единственной поправкой, внесенной в 1930 году (указ от 7 сентября), согласно которой дата, изначально назначенная на 7 октября (за два дня до той, что можно прочесть в свидетельстве о крещении Сервантеса), переносится на 23 апреля, достоверную дату его смерти. Из-за этих соображений исторической точности в Барселоне День книги совпадает с Днем святого Георгия. Обратив на это внимание, Густаво Хили заметил Клавелю: «Неважно. Розы святого Георгия будут цвести всегда. А вот память о Сервантесе мы рискуем потерять». Прошедшие годы показали, что сочетание двух этих дат в барселонском праздничном календаре оказалось удачным. Город графов, безусловно, опережает всю Испанию по масштабу и укорененности Дня книги.

В 1930 году издатели стали выпускать новые книги на каталонском языке ко Дню святого Георгия (Сант-Жорди), и общественность начала проникаться этим праздником, в то время как в Мадриде предпринимались первые шаги для организации собственной Книжной ярмарки в другое время. В остальных частях страны День Сервантеса тоже постепенно приходил в забвение. Гражданская война парализовала издательское дело, а франкизм запретил каталонский язык и уничтожил книжные палаты, объединив их воедино в рамках Национального института испанской книги. Лишь в пятидесятые годы День книги в Каталонии снова обрел значимость. В 1963 году с официальным заявлением выступил Мануэль Фрага Ирибарне, министр информации и туризма, который настаивал на необходимости поощрять литературу на каталонском языке [sic!]. На обложке La Vanguardia Española от 23 апреля 1977 года (15 песет), рядом с фотографией запруженной людьми улицы, были напечатаны на каталонском стихи Жозепа Марии де Сагарры: «La rosa li ha donat gaudis i penes / i ell se l'estima fins qui sap a on; / i amb ella té més sang a dins les venes / per poder vèncer tots els dracs del món»[107]. С 1964 года, благода-

107 «Роза подарила ему радости и горести / И никому неведомо, как он ее любит / Благодаря ей кровь быстрее течет по его венам / И он готов победить всех драконов мира» (*кат.*).

ря Первому латиноамериканскому съезду книжных ассоциаций и палат, 23 апреля стало Днем книги во всех испано- и португалоязычных странах, а с 1996 года это еще и Всемирный день книги и авторского права. Возможно, потому, что 23 апреля скончались не только Сервантес и Шекспир, но и другие писатели с мировым именем, такие как Гарсиласо де ла Вега, Эухенио Ноэль, Жюль Барбе д'Орвильи и Тереса де ла Парра.

Мне очень нравится заходить в мои любимые книжные в дни, предшествующие Сант-Жорди, и бездумно делать покупки, а во время *диады*[108] просто гулять и наблюдать, «как хороший бездельник, утонченный бродяга и лодырь или транжира времени и заядлый путешественник», выражаясь словами Вальзера. Как и все писатели и издатели, так себя называющие, я использую эти блуждания и любую другую возможность для того, чтобы проверить, выставлены или нет мои книги, и чтобы правильно расположить их на полках моих повседневных книжных. И в тех, которые к их числу не относятся. Вплоть до книжного отдела El Corte Inglés. Вплоть до третьего этажа Fnac в самом центре города, где мне приходит голову, что многие из этих молодых сотрудников, бакалавров, магистров и кандидатов филологических наук были бы великими продавцами книг в другом мире, без сомнения лучшем. Или что они, быть может, уже ими являются в этом, — хотя он и переживает кризис, но другого у нас нет.

Магазины Fnac, Corte Inglés и Casa del Libro, где книги Мануэля Виласа продают только в неврологическом центре Города Виласа.
Мануэль Вилас. «Великий Вилас»

108 Национальный день Каталонии, отмечаемый 11 сентября.

14. Эпилог: виртуальные книжные

Никто, даже восьмидесятидевятилетний владелец, третье поколение, г-н Л. — никто не знает настоящих масштабов книжного.
Ло Чжи Чжэн. «Книжный во сне»

В первые месяцы 2013 года я увидел, как книжный магазин с почти столетней историей превращается в «Макдоналдс». Метафора, разумеется, очевидная, но от того не менее убедительная. Вполне вероятно, магазин Catalònia, открывшийся поблизости от площади Каталонии в 1924 году, не первый книжный, ставший рестораном быстрого обслуживания, но это единственное превращение подобного рода, которое произошло у меня на глазах. В течение трех лет я по утрам проходил мимо стеклянной двери и иногда заглядывал внутрь, покупал какую-нибудь книгу, что-нибудь выяснял, пока вдруг ставни не перестали подниматься и кто-то не повесил скромное объявление, простой лист бумаги, на котором по-каталонски было написано следующее:

Книжный магазин Catalònia

После 88 лет, прошедших с момента открытия, и 82 лет деятельности на Ронда де Сант-Пере, 3, после Гражданской войны, разрушительного пожара, конфликта по вопросу недвижимости барселонский книжный Catalònia навсегда закроет свои двери.

Нынешней кризис, особенно сильно затронувший сферу книг, привел к такому падению продаж, что в тех условиях и обстоятельствах, в которых мы находимся, поддерживать далее деятельность книжного оказалось невозможно.

Это грустное, болезненное и уже окончательное решение далось нам очень тяжело. Мы испробовали все возможные способы, быть может, слишком поздно, но выхода либо нет, либо мы его не нашли.

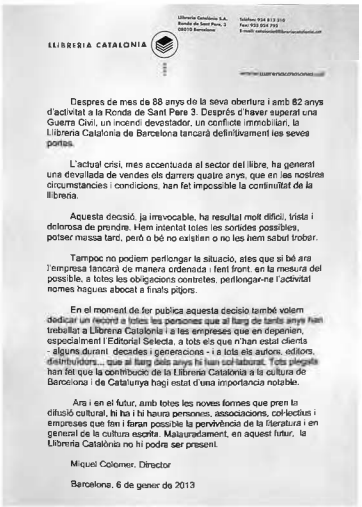
Мы также не можем далее оставаться в этом положении. Магазин закроется организованно и по мере возможности выполнит все взятые на себя обязательства: продолжение его деятельности привело бы лишь к еще худшим результатам.

Публично объявляя об этом решении, мы также хотим вспомнить обо всех людях, которые на протяжении стольких лет работали в книжном Catalònia, о компаниях, с ним связанных, особенно Editorial Selecta, о клиентах — некоторые оставались ими в течение десятилетий и поколений, — обо всех авторах, издателях,

распространителях... которые в течение многих лет с нами сотрудничали. Благодаря всем им книжный Catalònia внес существенный вклад в культуру Барселоны и Каталонии.

Сейчас и в будущем при наличии всех новых форм распространения культуры есть и будут люди, ассоциации, коллективы и фирмы, которые обеспечивают и будут обеспечивать сохранение литературы и в целом письменной культуры. К сожалению, в этом будущем не будет книжного Catalònia.

Микель Коломер, директор
Барселона, 6 января 2013 года



LLIBRERIA CATALONIA

Després de més de 88 anys de la seva obertura i amb 82 anys d'activitat a la Ronda de Sant Pere 3. Després d'haver superat una Guerra Civil, un incendi devastador, un conflicte immobiliari, la Llibreria Catalònia de Barcelona tancarà definitivament les seves portes.

L'actual crisi, més accentuada al sector del llibre, ha generat una devallada de vendes els darrers quatre anys, que en les nostres circumstancies i condicions, han fet impossible la continuïtat de la llibreria.

Aquesta decisió, ja irrevocable, ha resultat molt difícil, trista i dolorosa de prendre. Hem intentat totes les sortides possibles, potser massa tard, però o bé no existien o no les hem sabut trobar.

Tampoc no podiem perllongar la situació, atès que si bé ara l'empresa tancarà de manera ordenada i fent front, en la mesura del possible, a totes les obligacions contretes, perllongar-ne l'activitat només hagues abocat a finals pitjors.

En el moment de fer publica aquesta decisio també volem dedicar un record a totes les persones que al llarg de tants anys han treballat a Llibreria Catalònia i a tes empreses que en depenien, especialment l'Editorial Selecta, a tots els que n'han estat clients - alguns durant decades i generacions - i a tots els autors, editors, distribuidors... que al llarg dels anys hi han col·laborat. Tots plegats han fet que la contribució de la Llibreria Catalònia a la cultura de Barcelona i de Catalunya hagi estat d'una importancia notable.

Ara i en el futur, amb totes les noves formes que pren la difusió cultural, hi ha i hi haura persones, associacions, col·lectius i empreses que fan i faran possible la pervivència de la literatura i en general de la cultura escrita. Malauradament, en aquest futur, la Llibreria Catalònia no hi podrà ser present.

Miquel Colomer, Director

Barcelona, 6 de gener de 2013

День за днем я был свидетелем того, как исчезают книги, пустеют полки и накапливается пыль — пыль, этот великий враг книг, книг, которых уже не было, которые были лишь призраком, воспоминанием и погружались в забвение: однажды в среду у них уже не было полок, потому что из магазина всё вынесли и его заполнили рабочие, разобравшие стеллажи и открытые витрины и заполонившие все визжащими дрелями и шумом, тем шумом, который так удивлял меня в течение нескольких недель, потому что на протяжении тех нескольких лет, что я заходил в этот книжный, он излучал тишину и чистоту, а теперь из него выплывают облака пыли, тачки, полные строительного мусора, обломков, и обещание чтения, занятие чтением постепенно превращается в потребление белков и сахаров, в заведение быстрого обслуживания.

Я ничего не имею против фастфуда. Мне нравится «Макдоналдс». Более того, «Макдоналдс» мне интересен: в большинстве моих поездок я искал его рестораны, чтобы попробовать местные блюда, потому что там всегда есть какой-нибудь завтрак, ролл, гамбургер или десерт, представляющий собой макдоналдсовскую версию одного из популярных местных блюд. Но от этого уничтожение книжного не становится менее болезненным. Поэтому в течение нескольких месяцев я по утрам наблюдал за разрушением маленького мира, присутствовал при том, как в его пространство вселяется мир совершенно иной, а по вечерам читал о чтении и завершал работу над этой книгой.

В Турине есть красочный традиционный книжный магазин под названием La Bussola[109]. Все книжные — своего рода компасы: с их помощью отыскиваешь более утонченные истолкования современного мира, чем те, что предлагают иные образы или пространства. Если бы я должен был выбрать другой книжный, объясняющий — частично, ибо исчерпывающих объяснений не бывает, — раскол, в который погрузилась книготорговля нашего времени, то им бы стал стамбульский книжный Pandora. Это два помещения, расположенные друг напротив друга и предлагающие широкий ассортимент: в одном продаются исключительно книги на турецком, в другом — на английском. В одном ценники в турецких лирах, в другом — в долларах. Pandora воплощает определенную символическую реальность: все книжные находятся между двумя мирами — местным и тем, что навязали Соединенные Штаты, миром традиционной торговли (*шаговой доступности*) и миром боль-

109 Компас (*ит.*).

ших торговых центров (сетей), миром физическим и миром виртуальным. Эта метафора не так очевидна, как метафора старого, классического книжного со своими традициями, книжного, который был основан Жозепом Лопесом, Мануэлем Боррасом и Жозепом Мариа Крузетом, пережил ядерную зиму диктатуры и методичные преследования со стороны одной строительной фирмы, но после ожесточенного политического и нравственного сопротивления пал жертвой неумолимой, холодной и абстрактной экономики: магазин Catalònia закрылся, и его помещение, расположенное в двух шагах от Apple Store, в двухстах метрах от Fnac и напротив El Corte Inglés, превратилось в «Макдоналдс». Действительно, метафора Pandora менее очевидна, но она внушает надежду, потому что этот магазин не закрывается, а выживает. Все книжные, я говорю это совершенно серьезно, разделены по крайней мере между двумя мирами и вынуждены думать о других возможных мирах.

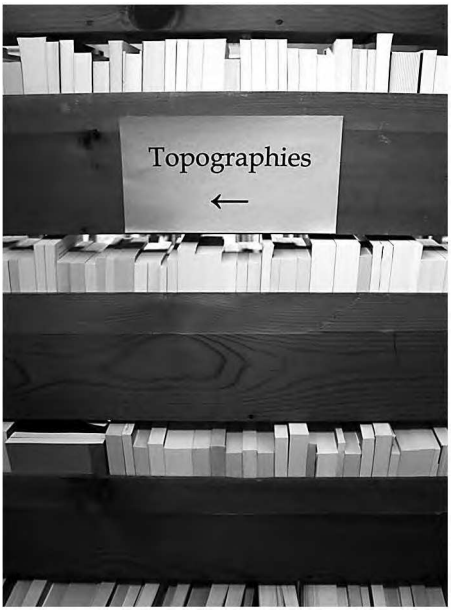
Green Apple Books, как напоминает Дэйв Эггерс в главе, написанной им для антологии «Мой книжный», располагается в здании, устоявшем в двух землетрясениях, которые пережил Сан-Франциско в 1906 и 1989 годах. Быть может, поэтому среди его полок испытываешь «ощущение того, что если книжный настолько же нетрадиционен и странен, как и книги, писатели и сам язык, то все вроде бы в порядке». Там я купил книжечку-билингву, изданную организаторами одного поэтического фестиваля в Гонконге, по-английски она называется «Книжный во сне». Особое мое внимание привлекли строки, в которых книжный магазин описывался как квантовый вымысел: его тиражирование в пространстве, ментальная сущность, существование в параллельных мирах интернета, маниакальная живучесть при любых землетрясениях. Если рассказчица Данило Киша мечтает о невозможной библиотеке, где находится бесконечная «Энциклопедия мертвых», то Ло Чжи Чжэн — о книжном магазине, который нельзя обозначить на карте. Обычном книжном, успокаивающе физическом и ужасающе виртуальном. Виртуальные книжные — потому ли, что они цифровые, или потому что существуют в уме, или же потому что перестали существовать? Книжные, которые рождаются, как Lolita в Сантьяго-де-Чили, Bartleby & Co. в Берлине или Librería Bartleby в Валенсии, как Librerío de la Plata в захолустном Сабаделе, как Dòria Llibres, заполнивший пустоту, оставшуюся от Robafaves, в маленьком каталонском Матаро, — в какой момент проекты полностью реальны? Книжные, задержавшиеся в памяти, но все больше поглощаемые вымыслом.

Книжный ученый каталонец в романе «Сто лет одиночества», приехав в Макондо в разгар банановой кампании, открывает магазин и начинает обращаться и с классиками, и с покупателями как с членами своей семьи. Приход Аурелиано Буэндиа в этот храм познания описан Габриэлем Гарсией Маркесом в категориях богоявления:

> ...и все так же днем посещал книжную лавку ученого каталонца, где однажды встретил четырех молодых пустозвонов, с пеной у рта споривших о том, чем травили тараканов в Средние века. Старый книготорговец, знавший о пристрастии Аурелиано к фолиантам, которые прочел один лишь Бэда Достопочтенный, по-отцовски уговорил того — не без задней мысли — выступить третейским судьей в их диспуте, и Аурелиано на одном дыхании прочел им лекцию о том, что тараканы — самые древние жесткокрылые на земле — уже в Ветхом Завете упомянуты как излюбленные жертвы тех, кто давил Божьих тварей сандалиями, но весь род тараканий нельзя взять решительно никаким измором, не поддаются они никакой отраве — ни резаным томатам с борной кислотой, ни сладкому печенью, ибо тысяча шестьсот три их разновидности устояли против всех самых давних, самых упорных и жестоких гонений, которым люди подвергали начиная с каменного века какие-либо живые существа, включая самих себя, и особо надо отметить, что если роду человеческому приписывается неодолимый инстинкт размножения, то человеку следует приписать еще более неодолимое и ярко выраженное стремление убивать тараканов, и если последним удалось спастись от человеческого изуверства, то лишь по той причине, что тараканы прячутся в темноте, где им не грозит опасность, ибо страх тьмы — врожденное свойство человека, но зато в лучах ясного дня тараканы становятся уязвимы, а потому и в Средневековье, и в нынешнюю эпоху, и во веки веков единственным действенным методом борьбы с тараканами остается их ослепление солнечным светом. Подобный энциклопедический фатализм положил начало большой дружбе. Аурелиано каждый день встречался с четырьмя спорщиками, которых звали Альваро, Херман, Альфонсо и Габриель, — его первыми и последними друзьями в жизни. Для такого человека, как он, знавшего лишь книжную действительность, эти кипучие дискуссии, начинавшиеся в шесть часов в книжной лавке и завершавшиеся в борделях к рассвету, стали настоящим откровением[110].

110 *Гарсия Маркес Г.* Сто лет одиночества / Пер. с исп. М. Былинкиной. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005.

Тем ученым каталонцем на самом деле был Рамон Виньес, книготорговец и популяризатор культуры из Барранкильи, основатель журнала Voces (1917–1920), испанский эмигрант, профессор, драматург, рассказчик. Его книжный R. Viñas & Co., замечательный культурный центр, сгорел в 1923 году, но в Барранкилье его до сих пор считают одной из легенд карибского побережья Колумбии. Интеллектуал-республиканец, он эмигрировал в Южную Америку, проехав через Францию. На новом месте он занялся преподаванием и написанием статей и стал наставником целого поколения, получившего известность как «Группа Барранкильи» (Альфонсо Фуэнмайор, Альваро Сепеда Самудио, Херман Варгас, Алехандро Обрегон, Орландо Ривера *Фигурита*, Хулио Марио Санто Доминго и Гарсия Маркес). Однажды, очень странным для меня утром на автовокзале Барранкильи я попросил таксиста отвезти меня по следующему адресу: улица Сан Блас, между Прогрессо и 20 де Хулио. Librería Mundo. По пути он сообщил мне, что наименования улиц давно изменились, навел справки и выяснил, что я имел в виду 35-ю улицу между Каррера, 41 и Каррера, 43. Туда мы и отправились. Книжный магазин Librería Mundo Хорхе Рондона Эдерича, где в сороковые годы собиралась легендарная группа интеллектуалов, — духовный наследник R. Viñas & Co., обращенного в пепел двумя десятилетиями ранее. По прибытии я обнаружил,



что и его уже не существует. Это было очевидно, но об этом не подумал ни Хуан Габриэль Васкес, который рассказал мне о нем, ни я сам. Там должен был быть книжный магазин, но его не было, потому что он уже давно существовал только в литературе:

> В любом случае осью, вокруг которой крутились наши жизни, была книжная лавка «Мундо», в двенадцать дня и в шесть вечера, в самом многолюдном квартале улицы Сан Блас. Херман Варгас, близкий друг владельца, дона Хорхе Рондона, убедил того устроить предприятие, которое через небольшое время превратилось в центр объединения журналистов, писателей и молодых политиков. Рондону не хватало опыта в делах, но он быстро обучился, с энтузиазмом и щедростью, которые превратили его в незабываемого мецената. Херман, Альваро и Альфонсо были его советниками в заказах книг, особенно новинок из Буэнос-Айреса, чьи издатели начали переводить, печатать и распространять в массе литературные новинки со всего мира после Второй мировой войны. Благодаря им мы могли читать в то время книги, которые другим образом не попали бы в город. Издатели воодушевились клиентурой и добились того, чтобы Барранкилья вновь стала одним из самых читающих городов, после очевидного перерыва, с тех пор как перестала существовать легендарная книжная лавка дона Рамона. Прошло немного времени с моего приезда, когда я вступил в то братство, которое ждало как посланников небес странствующих продавцов аргентинских издательств. Благодаря им мы стали ранними обожателями Хорхе Луиса Борхеса, Хулио Кортасара, Фелисберто Эрнандеса, английских и североамериканских романистов, хорошо переведенных командой Виктории Окампо. «Как ковали одного мятежника» Артуро Бареа было первым вселяющим надежду посланием из далекой Испании, замолкшей после двух войн[111].

Так говорит Гарсия Маркес в «Жить, чтобы рассказывать о жизни» об этих двух книжных, одного из которых он не видел, а второй мог посещать; оба они слились воедино в виртуальности его шедевра. В сети я не нашел ни единой фотографии Ramón Viñas & Co. или Librería Mundo (лавки «Мундо») и теперь понимаю, что этой книге задавали ритм поиски, которые велись в материале письменном и в имматериальности экрана, — этакий синтаксис

111 *Гарсия Маркес Г.* Жить, чтобы рассказывать о жизни / Пер. с исп. С. Маркова. М.: АСТ, 2014.

ухода и возвращения, последовательный и прерывистый, как сама жизнь. Какое удовольствие получал бы Монтень от заблуждений поисковиков, от их способности порождать ассоциации, связи, плодотворные заблуждения, аналогии. Сколько бы узнал из них его последователь Альфонсо Рейес, о котором рассказчик первой части «Диких сыщиков» говорит: «Рейес мог бы быть моим убежищем. Читая только его или тех, кого он любил, можно было бы быть бесконечно счастливым». В «Книгах и книготорговцах античности» мексиканский мудрец отмечал:

> Пергамент был долговечнее и дешевле папируса, но он не был легко воспринят в книжной торговле. <...> Все античное производство книг предпочитало эту легкую и элегантную форму, а увесистость и грубость пергамента вызывали некое неприятие. Гален, великий врач II века н. э., полагал исходя из гигиенических соображений, что из-за своего блеска пергамент вредит глазам и утомляет их больше, чем матовый и мягкий папирус, не отражающий света. Юрист Ульпиан (скончавшийся в 229 году н. э.) рассматривал как юридическую проблему вопрос о том, следовало ли считать книгами кодексы из тонкого или обыкновенного пергамента, указывавшиеся в завещаниях, — этот вопрос даже не возникал, когда речь шла о папирусах.

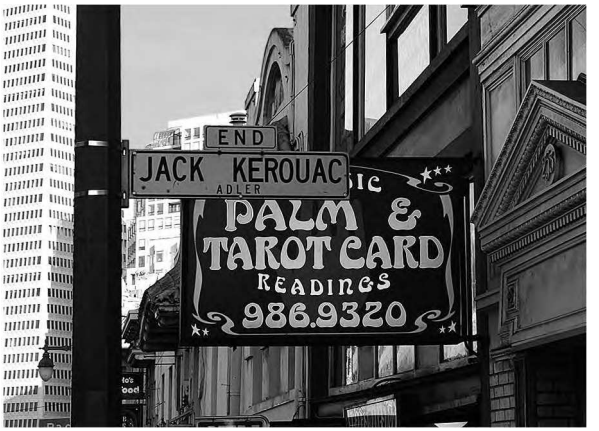
Почти два тысячелетия спустя медленный переход от бумажного чтения к чтению цифровому вновь делает актуальными эти периодически возникающие споры. Теперь мы задаемся вопросом, являются ли экран и излучаемый им свет более вредными для зрения, чем электронные чернила. Или должен ли предусматривать закон, чтобы после смерти человека его наследники получали наряду с книгами и виниловыми пластинками, компакт-дисками и жесткими дисками песни и тексты, купленные их родителями вне прямой связи с материальными носителями. Или вредны ли телевидение или видеоигры для детского и подросткового воображения, потому что они стимулируют его рефлексы, но угнетают умственную деятельность и прививают жестокость. Как писал Роже Шартье в «Писать и стирать. Письменная культура и литература в XI–XVIII веках», в Кастилии времен Золотого века было дано определение опасности, которую представляет собой художественная литература для читателя, причем главным литературным выражением этого социального страха был «Дон Кихот»: «В XVIII веке дискурс приобретает медицинские черты

и выстраивает патологию избыточного чтения, которое рассматривается как индивидуальное заболевание или коллективная эпидемия». В ту эпоху недуг связывался как с возбужденным воображением, так и с телесной неподвижностью: угроза носит как умственный, так и физиологический характер. Придерживаясь этой линии, Шартье исследует дебаты, разгоревшиеся в XVIII веке вокруг традиционного чтения, прозванного *интенсивным*, и чтения современного, которое определяется как *экстенсивное*:

> Согласно этому делению, предложенному Рольфом Энгельсингом, интенсивный читатель имел дело с ограниченной совокупностью книг, которые он читал и перечитывал, запоминал и декламировал, слушал и знал наизусть, передавая следующим поколениям. Такой способ чтения нес на себе сильный отпечаток сакральности, подчиняя читателя авторитету текста. Экстенсивный читатель, появляющийся во второй половине XVIII века, очень от первого отличается: он читает множество книг, новых, преходящих, поглощая их жадно и быстро. Он смотрит на них отстраненно, критическим взглядом. Так на смену общинному, уважительному отношению к написанному пришло чтение непочтительное и непринужденное.

После сотен лет текстуальности наш способ чтения, неотделимый от экранов и клавиатур, представляет собой интенсификацию этого *расширения* на информационных и познавательных аудиовизуальных платформах и ведет к политическим последствиям. Утрата способности концентрироваться на одном-единственном тексте подразумевает обретение яркого спектра, иронической и критической отстраненности, способности связывать и истолковывать единовременные явления. Тем самым она означает освобождение от властей, которые сковывают чтение, десакрализацию деятельности, которая на настоящем этапе эволюции человека уже должна быть почти что *естественной*: читать — это все равно что ходить, дышать, это что-то, что мы делаем не задумываясь.

В то время как приверженцы апокалиптических сценариев снова и снова повторяли заезженные доводы, ссылаясь на уже не существующие миры, вместо того чтобы признать, что постоянные изменения суть неизменный двигатель Истории, книжные магазины Fnac заполнялись видеоиграми и телесериалами и многие книжные запускали в продажу брошюры, посвященные видеоиграм и телесериалам, наряду с электронными книгами и устройствами для их чтения. Потому что, когда тот или



иной язык перестают считать модой или веянием, он становится ведущей тенденцией и, вероятнее всего, испытает процесс художественного усложнения, который в конце концов приведет его на полки книжных магазинов и библиотек и в музейные залы. Как культурный продукт. Как художественное произведение. Как товар. Презрение к возникающим языкам и к мейнстриму довольно распространено в мире культуры, где, как и в других сферах, господствуют мода, эго и экономика. Бóльшая часть книжных, которые я упоминаю в этой книге, культивируют представление о некоем сообществе, классе, все еще остающемся уделом меньшинства, хотя, к счастью, уже миллионы и миллионы человеческих существ получили к нему доступ. Мы являемся расширенной версией тех *избранных людей*, которых Гёте увидел в итальянской книжной лавке. Это представление, как и все прочие, определенно укоренено в экономике, пусть и кутается в одежды более или менее элитарного образования. Нам не следует обманываться: книжные магазины — это культурные центры, легенды, места для бесед и споров, где завязывается дружба и даже рождается любовь, отчасти под влиянием их псевдоромантического наследия. Пусть их возглавляют читатели-дилетанты, любящие свою работу, или же интеллектуалы, издатели и писатели, осознающие себя частью истории культуры, в первую очередь это все-таки торговые предприятия. И их владельцы, зачастую являющиеся харизматичными книготорговцами, вынуждены выступать и в роли руководителей, выплачивающих зарплаты своим сотрудникам и следящих за соблюдением их трудовых прав, в роли боссов, менеджеров, предпринимателей, блестяще

разбирающихся в лазейках трудового законодательства. Один из самых эмоциональных и искренних текстов, собранных в «Улице Одеон», как раз связывает свободу с покупкой книги:

> Для нас торговля обладает волнующим и глубоким смыслом. С нашей точки зрения, магазин — это настоящая волшебная комната: в то мгновение, когда прохожий переступает через порог двери, которую может открыть каждый, когда он проникает в это безличное место, можно сказать, что ничто не искажает выражения его лица или интонации его голоса; с чувством полной свободы он совершает действие, полагая, что у него не будет никаких непредвиденных последствий.

Но это действие чревато как раз последствиями. Джеймс Босуэлл познакомился с Сэмюэлем Джонсоном в книжной лавке Тома Дэвиса на Расселл-стрит. Именно в книжном магазине Джойс нашел издателя для «Улисса», а Ферлингетти решил открыть собственный книжный в Сан-Франциско. Жозеп Пла, зайдя в детстве в книжный Canet в Фигерасе, заключил свой союз с литературой; Уильям Фолкнер работал продавцом книг; Варгас Льоса купил «Госпожу Бовари» в одной из лавок Латинского квартала в Париже намного позднее, чем увидел фильм в Лиме; Джейн Боулз нашла свою лучшую подругу в Танжере. Хорхе Камачо купил «Селестино перед восходом солнца» в книжном магазине в Гаване и стал главным защитником Рейнальдо Аренаса во Франции. Психиатр посоветовал молодому преступнику по фамилии Лимонов зайти в книжный магазин № 41 в одном провинциальном российском городе[112], в результате чего тот стал писателем. В букинистическом отделе парижского Delamain Франсуа Трюффо нашел роман Анри-Пьера Роше под названием «Жюль и Джим», а Ян Синклер 23 апреля 1971 года купил в Compendium в Камдене книгу Уильяма Блейка, которая изменила его жизнь (его искусство). Как-то ночью 1976 года Боланьо продекламировал в книжном магазине Gandhi в Мехико «Первый манифест инфрареалистов». В книжном Кортасар открыл для себя творчество Кокто, а Вила-Матас — произведения Борхеса. Быть может, лишь один раз история культуры выиграла от того, что кто-то не попал в книжный магазин: в 1923 году, желая купить подарок сестре, Акира Куросава отправился в знаменитый токийский Maruzen,

112 Дело происходило в Харькове.

который располагался в возведенном Рики Сано в 1909 году здании и торговал иностранными книгами. Книжный оказался закрыт, и Куросава ушел; два часа спустя магазин был разрушен землетрясением и весь район объят пламенем. Литература — это волшебство и обмен, и на протяжении веков она, как и деньги, имела хождение на бумажном носителе и потому становилась жертвой стольких пожаров. Книжные магазины — это две плоскости, параллельные и пересекающиеся в одно и то же время: экономическая и неосязаемая. Это продажа экземпляров и сотворение и разрушение славы, утверждение преобладающих вкусов или насаждение новых, вклады и кредиты. В книжных магазинах всегда встречались и вступали в столкновение каноны, делая их ключевыми точками на геополитической карте культуры. Местами, где литература обретает плоть, а значит, и становится более манипулируемой. Пространством, где от района к району, от селения к селению, от города к городу решается, к каким книгам будут иметь доступ люди, какие получат распространение и потому будут поглощены, выброшены, переработаны, скопированы, адаптированы, переведены, станут жертвами плагиата или пародий или же предметами восхищения. Во многом именно в книжных решается, окажутся ли книги *влиятельными*. Неслучайно первое название, которое Дидро дал своему «Письму о книжной торговле», звучало так: «Историческое и политическое письмо к магистрату о книжной торговле, ее прежнем и нынешнем состоянии, ее регламентах, ее привилегиях, о негласных разрешениях, о цензорах, о разносчиках книг, о переходе через мосты и о других предметах, касающихся управления книжным делом».

Интернет меняет эту демократию — или, в зависимости от точки зрения, диктатуру — в распределении и в выборе. Часто я покупаю на Amazon или на других сайтах книги, изданные в городах, где я побывал, но не смог их купить. В прошлом году по возвращении из Мехико, где я *пропахал* десяток книжных в поисках книги Луиса Фелипе Фабре, опубликованной небольшим мексиканским издательством, я решил зайти на сайт Casa del Libro и обнаружил ее там по более низкой цене, чем в месте ее публикации. Если Google — это Поисковик, а Barnes & Noble — это Книжная Сеть, то не стоит и говорить, что Amazon — это Виртуальный Книжный по определению. Хотя в этом есть одна большая неточность: несмотря на то что он появился в 1994 году в качестве книжного под названием cadabra.com и вскоре превратился в Amazon, чтобы оказаться выше в алфавитной расстановке,

которая господствовала в интернете до Google, он уже давно стал крупным универмагом, где книги обладают тем же статусом, что и фотоаппараты, игрушки, обувь, компьютеры или велосипеды. Правда, способность этого бренда привлекать клиентов зиждется на символических аппаратах вроде Kindle — *ридера*, или электронной книги, привязывающей покупку текстов к самому Amazon. В 1997 году Barnes & Noble обвинила его в недобросовестной рекламе: слоган «Самый большой книжный магазин в мире» не соответствовал действительности, потому что речь идет не о «bookstore», а о «book broker»[113]. Теперь Amazon торгует всем чем угодно, за исключением электронных ридеров, не носящих логотип Kindle.

Мы, искатели, рожденные в физическом мире, а поиск несуществующего книжного в Барранкилье представляет собой лишь один пример из тысячи, не можем не быть ими и в мире виртуальном: история электронной книги затягивает, словно триллер. Она появилась в сороковые годы; приобрела популярность в шестидесятые благодаря системам гипертекстуального издания; обрела свой формат благодаря Майклу С. Харту в семидесятые и название (electronic book) благодаря профессору Андриесу Ван Дамме из Университета Брауна в середине

113 Не о книжном магазине, а о книжном дилере (*англ.*).

восьмидесятых. Когда в 1992 году компания Sony выпустила на рынок свое устройство для чтения книг с проигрывателем компакт-дисков под названием Data Discman, она стала рекламировать его как «библиотеку будущего». Ким Благг получил первый ISBN для электронной книги в 1998 году. Две эти даты, возможные точки отсчета, подсказки внушают ощущение, будто мы находимся между двумя мирами, как современники Сервантеса в XVI веке, Стефана Цвейга в веке XX или жители Восточной Европы в конце восьмидесятых. В медленном апокалипсисе, в котором книжные магазины являются оракулами, уникальными наблюдательными пунктами и в то же время полями сражений и мрачными, неумолимо меняющимися горизонтами. Как говорит Алессандро Барикко в «Варварах»:

> Речь идет о мутации. О чем-то, что касается нас всех, всех без исключения. Даже у инженеров, там, в крепостных башнях, уже появляются соматические черты тех кочевников, против которых они — теоретически — сражаются: и в кармане у них варварские деньги, а на накрахмаленных воротниках осела степная пыль. Речь идет о мутации. Не о легком изменении, не о необъяснимом вырождении, не о таинственном заболевании: это мутация, совершаемая ради выживания. Коллективный выбор иной, спасительной ментальной среды обитания. Знаем ли мы хотя бы приблизительно, что могло ее породить? Мне приходят в голову технологические новшества, сыгравшие, вне всякого сомнения, решающую роль: те, что сжали пространство и время, сжимая и мир. Но, возможно, этого было бы недостаточно, если бы они не совпали с событием, распахнувшим двери социальных декораций: с падением барьеров, которые до тех пор удерживали значительную часть людей вдали от осуществления желаний и от потребления.

Вновь в этой книге появляется слово *желание*, эта платоническая и химическая энергия, которая, словно магнитом, притягивает нас к определенным телам и определенным предметам, ведущим к множественному познанию. В мире, сложившемся после 1989 года, в условиях неолиберализма, усиленного крахом Советского Союза, в мире, становившемся все более цифровым и оцифрованным, это желание материализовалось в потреблении пикселей, мельчайшей разумной величины для развертывания наших текстов, наших фотографий, наших разговоров, наших видеороликов, карт, где отмечены пути, по которым мы едем на машине

или летим на самолете, в которых мы потеем или читаем. Поэтому у книжных есть сайты: чтобы продавать пиксельные книги и чтобы мы потребляли еще и образы, рассказы, новинки, приманки. Все это не простая случайность, а нечто сущностное: наши мозги мутируют, наши формы общения и взаимоотношений меняются, мы такие же и совсем другие. Как объясняет Барикко, в последние десятилетия изменилось то, что мы понимаем посредством опыта, и самая ткань нашего существования. Последствия этой мутации таковы: «Поверхность вместо глубины, скорость вместо размышления, последовательности вместо анализа, *серфинг* вместо погружения, коммуникация вместо выражения, *многозадачность* вместо специализации, удовольствие вместо усилия». Полное разложение буржуазного аппарата мышления XIX века, истощение последних остатков, оставшихся от краха божественного в повседневной жизни. Политический триумф иронии над сакральностью. Тем редким старым богам, которые пережили на бумаге две мировые войны, очень трудно по-прежнему терзать нас в сиянии монитора.

Культура не может существовать без памяти, как не может существовать без забвения. В то время как задача Библиотеки запомнить, Книжный магазин отбирает, отбрасывает, приспосабливается к настоящему, предавая что-то неизбежному забвению. Будущее выстраивается посредством устаревания, мы должны избавляться от тех верований прошлого, что оказываются ложными или устаревшими, от вымыслов или дискурсов, которые перестали излучать какой-либо свет. Как писал Питер Бёрк: «Отбрасывать таким образом знания может быть желательным или даже необходимым, по крайней мере, до определенной степени, но нам следовало бы помнить не только о приобретениях, но и о потерях». Поэтому, когда осуществляется некоторый отбор или отсеивание, что является неизбежным процессом, стоит «исследовать то, что отсеивалось на протяжении веков, этот интеллектуальный мусор», людские ошибки, то ценное, что было предано забвению среди множества других сведений и мнений, которые действительно должны были исчезнуть. После стольких веков долговременного выживания, с появлением электронного носителя книга вступает в логику рассчитанного устаревания, обретает срок годности. Это еще глубже изменит наши отношения с текстами: мы сможем их переводить, изменять, *индивидуализировать* в масштабах, которые еще только предстоит представить. Речь идет о временной кульминации пути, открывшегося

благодаря гуманизму, когда филология поставила под вопрос известные и бесполезные авторитеты, а библии начали переводиться на наши языки при помощи рациональных критериев, а не под диктовку суеверий.

Если среди нас так много тех, кто собирает бесполезные штампы в воображаемом паспорте книжных магазинов мира, то это потому, что в них мы отдаемся служению культурному, заменившему религиозное, потому что со времен романтизма книжные, как и кладбища, археологические руины, некоторые кафе и многие библиотеки, а позднее и кинотеатры и музеи современного искусства, были и остаются ритуальными пространствами. Зачастую они имеют значение для туризма и других институтов, поскольку помогают понять историю современной культуры, ее топографию, знаковые места, где мы можем черпать материалы, выстраивая свое пространство в мире. Если со смертью Якоба Менделя или с гипертекстом Борхеса эти физические места, за которые можно зацепиться, стали более хрупкими, менее трансцендентными, то с развитием интернета они стали намного более виртуальными, чем могло вместить наше воображение. Они заставляют нас создавать новые ментальные инструменты, читать более критически и ангажированно, чем когда бы то ни было прежде, представлять и связывать, как никогда прежде, анализируя и блуждая по интернету, углубляя и ускоряя, превращая привилегию неслыханного доступа к Информации в новые формы Знания.

Воскресными вечерами я часто роюсь в сети в поисках книжных магазинов, которые еще только открываются мне, но уже меня ждут. В течение нескольких лет я был читателезрителем

магазинов, которые еще не посетил. Недавно по воле случая я познакомился с двумя такими заведениями. В Корал Гейблс — этот топоним был для меня лишь чем-то в стиле Хуана Рамона Хименеса — пересадка с одного авиарейса на другой, занявшая двадцать четыре часа, дала мне возможность посетить Books & Books, чудесный книжный магазин в Майами, располагающийся в здании, построенном в двадцатые годы в средиземноморском стиле. В Буэнос-Айресе в выходные, на которые у меня ничего не было запланировано, я сел на паром и отправился в Монтевидео, где, наконец, смог побывать в еще более красивом книжном Más Puro Verso: в здании, построенном в ту же эпоху ар-деко, над имперскими лестницами возвышалась огромная витрина. Так же, как я жаждал оказаться в этих пространствах, я годами собирал сведения и о других в книгах, газетах, журналах, видеороликах или на сайтах; о других, которыми я тоже хочу обладать. В числе этих книжных Tropismes в брюссельском пассаже XIX века. И Le Bal des Ardents в Лионе с большой дверью, составленной из книг, и с восточными коврами, словно зовущими почитать на полу. И Mollat в Бордо, который недавно воплотил мечту всех любителей книг, предоставив им возможность провести ночь в книжном магазине. Его идеальный сайт всегда изобилует советами и сообщениями о мероприятиях — чистая семейная традиция, превращенная в две тысячи пятьсот квадратных метров печатной культуры, заполняющие тот самый дом, где жил, писал и читал в начале XVIII века ни много ни мало сам Монтескье, философ-путешественник. Это Candide — легкое, словно бамбуковые заросли, здание в Бангкоке, которым управляет писательница, издательница и общественная деятельница Дуангруэтай Эсанасатан. И три магазина сети Kyobo в Сеуле, куда в выходные приходят тысячи человек, чтобы что-нибудь купить или просто почитать, превращая их в просторные читальные залы. К ним относится и амстердамский Athenaeum Boekhandel, который мне с жаром советовал Сейс Нотебоом, — он обладает классической эстетикой и, прежде всего, является значимым культурным центром и местом встреч писателей. А также Pendleburys, загородный дом, поглощенный уэльским лесом, и Swipe Design в Торонто, потому что с его потолка свисает старинный велосипед и между двумя читальными креслами установлена шахматная доска. Конечно же, Ram Advani Booksellers, легендарный книжный в Лакхнау (Индия), хотя мне уже не удастся познакомиться с Рамом Адвани, который скончался в конце 2015 года

в возрасте 95 лет и память о котором хранит его невестка Анурадха Рой. И наконец Atomic Books — любимый книжный сценариста и критика комиксов Сантьяго Гарсии, поведавшего мне в мейле, что в Соединенных Штатах это один из лучших магазинов для любителя графических романов, хотя здесь есть также литература, контркультурные фэнзины и даже панковские игрушки и диски: «К тому же там можно встретить Джона Уотерса, когда он приходит забрать свою почту». Другие магазины просто пленили меня на фотографиях, но я не располагаю сведениями об их истории или значении, потому что все данные о них приводятся на языках, которых я не знаю, например на японском. Я говорю о токийском Orion Papyrus с его паркетными полами, с лампами, достойными Мондриана, и со смесью дерева и металла на полках, заполненных книгами по искусству и дизайну, и о токийском же Shibuya Publishing & Booksellers с его невероятной геометрией стеллажей. Если я когда-нибудь вернусь в Гватемалу, то, с благоговейным трепетом зайдя в Sophos, неизбежно испытаю ностальгию по исчезнувшему Librería del Pensativo. Я наверняка буду делать записи обо всех них, как человек, расплачивающийся с долгами, в тетрадке, похожей на ту, что использовал в прежние времена: я быстро отказался от приобретенной было привычки делать это в приложении Moleskine на моем айпаде, а мобильным телефоном предпочитаю пользоваться как фотоаппаратом, а не как записной книжкой. Посмотрим, в конечном счете главное — это желание архивировать.

В рассказе Клариси Лиспектор «Тайное счастье» мы встречаем девочку, «толстую, низенькую, с веснушками и чересчур вьющимися волосами», у которой, однако, есть «то, что хотелось бы иметь всякой девочке, жадно поглощающей истории: папа, владеющий книжным магазином». Уже много лет со всех купленных книг я отклеиваю ярлык с указанием цены и штрих-кодом и приклеиваю его на внутренюю сторону обложки, рядом с чипом-«антикражей». Так я сохраняю почти что родственную связь с местом покупки. Последняя воля писателя Дэвида Марксона, умершего в Нью-Йорке в июне 2010 года, состояла в том, чтобы его библиотека была целиком распродана в Strand, рассеяна среди множества других библиотек бесчисленных и безымянных читателей. Чтобы за один, двадцать, пятьдесят долларов его книги вновь вернулись на рынок, которому когда-то принадлежали, ожидая своего шанса, своей судьбы. Марксон мог завещать свою библиотеку какому-нибудь

университету, где она покрывалась бы пылью и где к ней обращались бы лишь редкие исследователи его творчества, но он сделал диаметрально противоположное: велел раздать ее, разделить, подвергнуть риску совершенно неожиданного прочтения. Когда весть об этом распространилась, десятки его почитателей пришли в манхэттенский книжный в поисках этих книг, полных его пометок и подчеркиваний. Образовалась интернет-группа. В сеть начали выкладывать сканированные страницы. В экземпляре «Писца Бартлби» Марксон подчеркнул каждое появление фразы «I would prefer not to»[114]; в «Белом шуме» он чередовал пометки «удивительно, удивительно, удивительно» со «скучно, скучно, скучно»; в биографии Пастернака он пишет на полях: «Это факт, что Исаак Бабель был казнен в тюремном подвале в Москве. Очень велика вероятность того, что рукопись одного романа, изданного после его ареста, все еще лежит в архивах Сталина». На основе всех его примечаний можно было бы написать целый фрагментарный роман в его же стиле, где заметки на полях, поэтические впечатления и размышления следуют друг за другом, словно переключаемые каналы. Это роман нереализуемый, ведь все книги, некогда составлявшие его библиотеку, никогда не будут обнаружены: многие из них купили или покупают прямо сейчас в Strand люди, которые понятия не имеют, кто такой Марксон. Этот жест стал частью его наследия. Последний и заключительный жест, в котором соединились смерть, наследство, отцовство, и один лишь только из бесчисленных книжных, тем не менее отражающий все остальные, как один-единственный рассказ — всю мировую литературу.

Идеи есть только в вещах.
Дэвид Марксон. «Одиночество читателя»

114 Я предпочел бы не (*англ.*).

О цитатах

Я постарался ни в коей мере не затруднять чтение этой книги библиографическими ссылками, но к документации отнесся со всей тщательностью, поэтому все цитаты и данные, приведенные в «Книжных магазинах», можно легко проследить по списку интернет-ссылок и разделам фильмографии и библиографии, которые даны ниже.

Интернет-ссылки

American Booksellers Association: http://www.bookweb.org
Bloc de Llibreries: http://delibrerias.blogspot.com.es
Book Forum: http://www.bookforum.com
Book Mania: http://www.bookmania.me
Bookseller and Publisher: http://www.booksellerandpublisher.com.au/
Bookshop Blog: http://bookshopblog.com/
Books Live: http://bookslive.co.za/
Bookstore Guide: http://www.bookstoreguide.org
Book Patrol: http://www.bookpatrol.net
Courrier du Maroc: http://courrierdumaroc.com/
Día del Libro: http://www.diadellibro.eu
Diari d'un llibre vell: http://www.llibrevell.cat
El Bibliómano: http://www.bibliographos.net
El Llibreter: http://llibreter.blogspot.com.es/
El Pececillo de Plata: http://elpececillodeplata.wordpress.com/
Gapers Block: http://www.gapersblock.com
José Luis Checa Cremades. Bibliofilia y encuadernación: http://checacremades.blogspot.com.es
Histoire du Livre: http://histoire-du-livre.blogspot.com.es
Kipling: http://www.kipling.org.uk
Le Bibliomane Moderne: http://le-bibliomane.blogspot.com.es
Library Thing: http://www.librarything.com
Libreriamo: http://www.libreriamo.it
Paul Bowles Official Site: http://www.paulbowles.org
Rafael Ramón Castellanos Villegas: http://rrcastellanos.blogs-pot.com.es
Reading David Markson: http://readingmarksonreading.tum-blr.com
Rare Books Collection de Princeton: http://blogs.princeton.edu/rarebooks/
Reality Studio. A Williams S. Burroughs Community: http:// www.realitystudio.org
Rue des Livres: http://www.rue-des-livres.com
The Bookshop Guide: http://www.inprint.co.uk/thebookgui-de/shops/index.php
The Bookseller: http://www.thebookseller.com
The China Beat: http://www.thechinabeat.org
The Haunted Library: http://www.teensleuth.com/hauntedli-brary/
The Ticknor Society Blog: www.ticknor.org/blog/
[И сайты и блоги всех упомянутых книжных]

Фильмография

Before Sunrise (*Перед рассветом*, 1995), реж. Ричард Линклейтер.
Before Sunset (*Перед закатом*, 2004), реж. Ричард Линклейтер.
Californication (Showtime, 2007–2014).
Chelsea Girls (*Девушки из «Челси»*, 1966), реж. Энди Уорхол и Пол Моррисси.
Das Leben der Anderen (*Жизнь других*, 2006), реж. Флориан Хенкель фон Доннерсмарк.
Fantômes de Tanger (*Танжерские призраки*, 2007), реж. Эдгардо Козаринский.
Fun in Acapulco (*Веселье в Акапулько*, 1963), реж. Ричард Торп.
Funny Face (*Забавная мордашка*, 1957), реж. Стенли Донен.
Hugo (*Хранитель времени*, 2011), реж. Мартин Скорсезе.
Julie & Julia (*Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту*, 2009), реж. Нора Эфрон.
Lord Jim (*Лорд Джим*, 1965), реж. Ричард Брукс.
Nine ½ Weeks (*Девять с половиной недель*, 1986), реж. Эдриан Лайн.
Notting Hill (*Ноттинг-Хилл*, 1999), реж. Роджер Мичелл.
Портрет книжного как старика (2003), реж. Бенджамин Сатерленд и Гонзаг Пишлен.
Remember Me (*Помни меня*, 2010), реж. Аллен Култер.
Smoke («Дым», 1995), реж. У. Ван
Short Circuit (*Короткое замыкание*, 1986), реж. Джон Бэдэм.
Short Circuit 2 (*Короткое замыкание 2*, 1988), реж. Кеннет Джонсон.
The West Wing (*Западное крыло*, NBC, 1999–2006).
Vertigo (*Головокружение*, 1958), реж. Альфред Хичкок.
You've Got Mail (*Вам письмо*, 1998), реж. Нора Эфрон.

Библиография*

Бич С. Шекспир и компания. Воспоминания / Пер. с англ. и авт. вступ. ст. И. Басс. М.: Грифон, 2018.

Борхес Х. Л. Собрание сочинений в 4 томах. М.: Амфора, 2007.

Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Вальзер Р. Прогулка / Пер. с нем. М. Шишкина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014.

Верн Ж. Маяк на краю света / Пер. с фр. С. Поплавского. М.: ТОО ФРЭД, 1996.

Гарсия Маркес Г. Жить, чтобы рассказывать о жизни / Пер. с исп. С. А. Маркова. М.: АСТ, 2014.

Гёте И.-В. Итальянское путешествие / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2013.

Дебор Ги. Комментарий к «Обществу спектакля» / Пер. Б. Немана. https://avtonom.org/old/lib/theory/debord/comments.html?q=lib/theory/debord/comments.html

Дидро Д. Письмо о книжной торговле / Пер. с фр. М. Лепиловой; Ред. перевода, вступ. статья и примеч. Н. Плавинской. М.: Grundrisse, 2017.

Зебальд В. Г. Кольца Сатурна / Пер. с нем. Э. Венгеровой. М.: Новое издательство, 2016.

— Аустерлиц. М.: Азбука-Классика, 2006.

Кавафис К. http://www.stihi.ru/2017/11/24/8186

Казанова П. Мировая республика литературы / Пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003.

Канетти Э. Ослепление / Пер. с нем. С. Апта. М.: Художественная литература, 1988.

Киш Д. Энциклопедия мертвых: [фрагменты из книги] / Пер. с сербского И. Юферева // Иностранная литература. 1995. № 5. С. 125–151.

— Гробница для Бориса Давидовича: семь глав одной повести / Пер. с серб. Е. Сагалович. М.: Центр книги Рудомино, 2017.

Кортасар Х. Письма к издателю; [составление, предисловие и перевод Э. В. Брагинской, вступительная статья Б. В. Дубина]. М.: Центр книги Рудомино, 2012.

Кубичек А. Фюрер, каким его не знал никто. Воспоминания лучшего друга Гитлера. 1904–1940 / Пер. с нем. Л. А. Карпова. М.: Центрполиграф, 2011.

* В оригинале большая часть книг приведена в библиографии в испанском переводе. Чтобы облегчить ознакомление с литературой русскоязычному читателю, здесь книги приводятся либо в русском переводе (если он имеется), либо на языке оригинала.

Кутзее Дж. М. Бесчестье / Пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: Азбука, 2015.
— Сумеречная земля / Пер. с англ. М.: Амфора, 2005.
Лавкрафт Г. Ф. Битва, завершившая столетие (Рукопись, найденная в машине времени). http://samlib.ru/c/cherepanow_a_j/thebattlethatendedthecentury.shtml
Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса / Пер. с англ. А. Петровой и Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Мангель А. История чтения / Пер. с англ. М. Юнгер. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
Монтень М. Опыты / Пер. с фр. А. С. Бобовича и др. М.: Голос, 1992.
Осоргин М. А. Книжная лавка писателей. https://royallib.com/read/osorgin_mihail/knignaya_lavka_pisateley.html#0
Пессоа Ф. Книга непокоя / Пер. с порт. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
Пиранделло Л. Новеллы. М.: 1958.
Руис Сафон К. Тень ветра / Пер. с исп. М. Смирновой, В. Темнова. М.: АСТ, 2016.
Рушди С. Джозеф Антон / Пер. с англ. Л. Мотылева, Д. Карельского. М.: Астрель, 2012.
Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Г. И. Левитана. М.: Попурри, 2002.
Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Пер. с англ. А. Франковского. М.: Библиотека всемирной литературы, 1968.
Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; Вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994.
Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой / Пер. с англ. В. П. Голышева. М.: АСТ, 2017.
Цвейг С. Мендель-букинист. Рассказ / Пер. с нем. П. Бернштейн, 1960.
— Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8: Мария Стюарт; Вчерашний мир: Воспоминания европейца. М.: ТЕРРА, 1996.
Чатвин Б. В Патагонии / Пер. с англ. Кс. Голубович. М.: Логос, 2006.
Шиффрин А. Слова и деньги / Пер. М. Леонович, Е. Быкова, В. Еремеева. Изд. 2-е, испр. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.

Aínsa F. Del canon a la periferia. Encuentros y transgresiones en la literatura uruguaya. Montevideo: Trilce, 2002.
Báez F. Historia universal de la destrucción de libros. De las tablillas sumerias a la guerra de Irak. Barcelona: Destino, 2004.
Banerjee A. Haunting Jasmine. Penguin USA, 2011.
Barbier F. Histoire du livre. Paris: A. Colin, 2000.
Baricco A. I barbari. La biblioteca di Repubblica, 2006.
Battles M. Library: An Unquiet History. New York: W.W. Norton and Company, 2003.
Bausili M., Gasch E. Llibreries de Barcelona. Una guia per a lectors curiosos. Barcelona: Columna, 2008.
Becerra J. J. La interpretación de un libro. Avinyonet del Penedés: Candaya, 2012.

Bechdel A. Are You My Mother? Houghton Mifflin, 2012.
Benjamin W. Walter Benjamin: Das Passagen-Werk // Gesammelte Schriften. Band V in zwei Teilbänden; herausgegeben von Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser, unter Mitwirkung von Theodor W. Adorno und Gershom Scholem. Suhrkamp-Verlag, Frankfurt am Main, 1982.
Bolaño R. Los detectives salvajes. Barcelona: Anagrama, 1998.
— Putas asesinas. Barcelona: Anagrama, 2001.
— El gaucho insufrible. Barcelona: Anagrama, 2003.
— 2666. Barcelona: Anagrama, 2004.
— Entre paréntesis. Ensayos, artículos y discursos (1998–2003). Ed. de Ignacio Echevarría. Barcelona: Anagrama, 2004.
Bowles J. Selected Letters, 1935–1970. Ed. by Millicent Dillon. Black Sparrow Press, 1985.
Bowles P. Without stopping: an autobiography. New York: Putnam, 1972.
— In touch: the letters of Paul Bowles. Ed. by Jeffrey Miller. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1994.
— Travels. Collected Writings, 1950–1993. London: Sort of Books, 2010.
Bridges L. E. El último confín de la tierra. Trad. de María Magdalena Briano. Buenos Aires: Sudamericana, 2000.
Burke P. A Social History of Knowledge. Volume II: From the Encyclopédie to Wikipedia. Cambridge: Polity Press, 2012.
Campaña M. Baudelaire. Juego sin triunfos. Barcelona: Debate, 2006.
Campbell J. This is the Beat Generation. University of California Press, 1999.
Carpentier A. Los pasos recobrados. Ensayos de teoría y crítica literaria. Caracas: Biblioteca Ayacucho, 2003.
Casalegno G. (ed.) Storie di Libri. Amati, misteriosi, maledetti. Torino: Einaudi, 2011.
Cavallo G., Chartier R. A History of Reading in the West. Amherst: University of Massachusetts Press, 1999.
Certeau M. de Le Lieu de l'autre. Histoire religieuse et mystique. Paris: Seuil, 2005.
Chartier R. Inscrire et Effacer. Culture écrite et littérature (Xie — XVIIIe siècle). Paris: Seuil, 2005.
Chatwin E., Shakespeare N. (eds.) Under the Sun. The Letters of Burce Chatwin. London: Jonathan Cape, 2010.
Chih Cheng Lo Bookstore in a Dream. Hong Kong: The Chinese University Press, 2011.
Chukri M. Paul Bowles. El recluso de Tánger. Trad. de Rajae Boumediane El Metni. Madrid: Cabaret Voltaire, 2012.
Clemente San Román Y. «Los catálogos de librería de las sociedades Anisson-Posuel y Arnaud-Borde conservados en la Biblioteca Histórica de la Universidad Complutense», Revista General de Información y Documentación, vol. 20, 2010 Pp. 353–389.

Cobo Borda J. G. «Libreros colombianos, desde el constitucionalista don Miguel Antonio Caro hasta Karl Buchholz». http://www.ciudadviva.gov.co/portal/node/32
Cole T. Open City. New York: Random House, 2012.
Cortázar J. Cartas. 1937–1963. Ed. de Aurora Bernárdez. Madrid: Alfaguara, 2000.
Cuadros R. «Lo siniestro en el aire». http://www.ricardo-cuadros.com/html/lo_siniestro.htm
Cunnell H. (ed.) On the Road: The Original Scroll, by Jack Kerouac. New York: Viking, 2007.
Dahl S. History of the Book. Scarecrow Press, 1958.
Demarco E. S. Reading and Riding: Hachette's Railroad Bookstore Network in Nineteenth Century France. Cranbury: Lehigh University Press, 2006.
Didi-Huberman G. Devant le temps. : histoire de l'art et anachronisme des images. Paris: Éditions de Minuit, 2000.
— Atlas. ¿Cómo llevar el mundo a cuestas? Trad. de María Dolores Aguilera. Madrid: Museo Nacional Reina Sofía, 2010.
Domingos M. D. Bertrand. Uma livraria antes do Terramoto. Lisboa: Biblioteca Nacional, 2002.
Donoso J. Diarios, ensayos, crónicas. La cocina de la escritura. Ed. de Patricia Rubio. Santiago de Chile: Ril, 2008.
Edwards J. Persona non grata. Madrid: Alfaguara, 2006.
— El libro de los libros. Guía de librerías de la ciudad de Buenos Aires. Buenos Aires: Asunto Impreso, 2009.
— El origen del narrador. Actas completas de los juicios a Baudelaire y Flaubert. Buenos Aires: Mardulce, 2011.
Eliot S., Nash A., Wilson I. Literary Cultures and the Material Book. London: The British Library, 2007.
Énard M. Rue des voleurs. Paris: Actes Sud, 2012.
Fernández B. J. Eduardo Haro Ibars: los pasos del caído. Barcelona: Anagrama, 2005.
Fernández E. Soldados de cerca de un tal Salamina. Grandezas y miserias en la galaxia librería. Barcelona: Co-manegra, 2008.
Fernández Del Castillo F. (ed.) Libros y libreros en el siglo XVI. Ciudad de México: Fondo de Cultura Eco-nómica, 1982.
Gil M., Rodríguez J. El paradigma digital y sostenible del libro. Madrid: Trama, 2011.
Goffman K. La contracultura a través de los tiempos. De Abraham al acid-house. Trad. de Fernando González Corugedo. Barcelona: Anagrama, 2005.
Goytisolo J. Novelas (1988–2003). Obras Completas IV. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2007.
— Autobiografía y viajes al mundo islámico. Obras Completas V. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2007.
Guerrero Marthineitz H. «La vuelta a Julio Cortázar en 80 preguntas», Julio Cortázar. Confieso que he vivido y otras entrevistas. Ed. de Antonio Crespo. Buenos Aires: LC Editor, 1995.

Hanff H. 84, Charing Cross Road. New York: Avon Books, 1987.
Hoffman J. «Her Life Is a Real Page-Turner». The New York Times, 12.10.2011.
Jenkins H. Convergence Culture. Where Old and New Media Collide. New York University Press, 2006.
Johns A. The Nature of the Book. Print and Knowledge in the Making. Chicago: The Chicago University Press, 1998.
Kerouac J., Ginsberg A. The Letters. Penguin Books, 2011.
Krishnan Sh. «Wheels within wheels». The Indian Express, 17.06.1997
Labarre A. Histoire du livre et de la reliure. Paris: Presses universitaires de France, 2001.
Laddaga R. Estética de laboratorio. Buenos Aires: Adriana Hidalgo, 2010.
Lernout G., Van Mierlo W. The Reception of James Joyce in Europe. Vol. 1. Germany, Northern and East Cen-tral Europe. London: Thoemmes Continuum, 2004.
Link D. «Flaubert & Baudelaire», Perfil, Buenos-Aires, 28.08.2011.
Lispector C. Cuentos reunidos. Varios traductores. Madrid: Siruela, 2008.
Llanas M. El libro y la edición en Cataluña: apuntes y esbozos. Barcelona: Gremi d'Editors de Catalunya, 2004.
Loeb Schloss C. Lucia Joyce. To Dance in the Wake. New York: Farrar Straus, 2004.
Lyons M. Books — A Living History. London Thames and Hudson, 2011.
Macniven I.S. (ed.) The Durrell-Miller Letters, 1935–1980. New York, 1988.
Mallarmé S. Fragmentos sobre el libro. Trad. de Juan Gregorio. Murcia: Colegio Oficial de Aparejadores y Arquitectos Técnicos, 2002.
Manguel A. The Library at Night. Yale University Press, 2006.
Manzoni C. «Ficción de futuro y lucha por el canon en la narrativa de Roberto Bolaño», en *González Férriz R. (ed.)* Jornadas Homenaje Roberto Bolaño (1953–2003). Simposio internacional. Barcelona: ICCI Casa América Catalunya, 2005.
Marchamalo J. Cortázar y los libros. Madrid: Fórcola, 2011.
Markson D. Reader's Block. Dalkey Archive Press, 1996.
Martí Monterde A. Poética del Café. Un espacio de la modernidad literaria europea. Barcelona: Anagrama, 2007.
Martin G. Gabriel García Márquez. A Life. New York: Vintage Books, 2010.
Martínez López M. E. Jane Bowles y su obra narrativa: ambigüedad moral y búsqueda de una respuesta existencial. Cuenca: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1998.
Martínez Rus A. «San León Librero»: las empresas culturales de Sánchez Cuesta. Gijón: Trea, 2007.
Mason D. The Pope's Bookbinder: A Memoir, Windsor, Biblioasis, 2013.
Melo A. El amor de los muchachos: homosexualidad y literatura. Buenos Aire: Lea, 2005.
Mercer J. Books, Baguettes and Bedbugs. Phoenix, New Ed edition, 2006.

Michaud J. A. Booking in Iowa: The Book Trade In and Around Iowa City. A Look Back. Iowa City, The Bookery y The Press of the Camp Pope Bookshop, 2009.
Mogel L. Making It in Book Publishing. New York: Arco, 1996.
Monnier A. Rue de l'Odéon. Paris: A. Michel, 1989.
Montroni R. Vendere l'anima. Il mestiere del libraio. Roma-Bari: Laterza, 2006.
Morand P. Venises. Paris: Gallimard, 1971.
Moretti F. Atlas of the European Novel 1800–1900. London: Verso Books, 1999.
Morgan B. Beat Generation in New York: A Walking Tour of Jack Kerouac's City. San Francisco: City Lights Books, 1997.
Muyal R. Mis años en la Librairie des Colonnes. Tánger: Khbar Bladna, 2012.
Nancy J. L. On the Commerce of Thinking: of Books and Bookstores. New York: Fordham University Press, 2008. *Ordóñez M.* Un jardín abandonado por los pájaros. Barcelona: El Aleph, 2013.
Ortiz R. Modernidad y espacio. Benjamin en París. Trad. de María Eugenia Contursi y Fabiola Ferro. Buenos Aires: Norma, 2000.
Otlet P. Traité de Documentation : le livre sur le livre. Paris: Mundaneum, 1934.
Palmquist P. E., Kailbourn Th. R. Pioneer Photographers of the Far West: A Biographical Dictionary, 1840–1865. Stanford: Stanford University Press, 2006.
Parish N. Henri Michaux. Experimentation with Signs. Amsterdam: Rodopi, 2007.
Pascual C., Puche P., Rivero A. Memoria de la Librería. Madrid: Trama, 2012.
Petroski H. The Book on the Bookshelf. New York: Vintage Books, 2000.
Ponte A. J. Un seguidor de Montaigne mira La Habana / Las comidas profundas. Matanzas. Verbum, 1985.
Primera M. «La librería del exilio cubano cierra sus puertas», El País, 26.04.2013.
Ramírez A. «Imaginar la librería futura». The Huffingtong Post, 18.09.2012.
Reyes A., Henríquez Ureña P. Correspondencia 1907–1914. Ed. de José Luis Martínez. Ciudad de México: Fondo de Cultura Económica, 1986.
Rice R. and Booksellers Across America (eds.) My Bookstore. Writers Celebrate Their Favorite Places to Browse, Read, and Shop. New York: Black Dog & Leventhal Publishers, 2012.
Roy C. L'amateur de librairies. Paris: Le divan librairie, 1984.
Saint Phalle N. de Hôtels littéraires: Voyage autour de la Terre. Paris: Denoël, 2005.
Sanseviero C. «La librería limeña El Virrey», Cuadernos Hispanoamericanos, n.º 691, diciembre de 2008.
Scott A. 18 Bookshops. Dingwall: Sandstone Press, 2011.
Sennett R. The Craftsman. Allen Lane, 2008.
Serra C. (ed.) Apocalipsis. Madrid: Siruela, 2003.
Service R. Stalin. A Biography. Harvard University Press, 2006.
Shakespeare N. Bruce Chatwin. New York: Vintage Books, 2000.
Shaw S. J. History of Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge University Press, 1976.

Sisman A. Boswell's Presumptuous Task: The Making of the Life of Dr. Johnson. Penguin Books, 2002.

Smith G. M. The Art of the Bookstore. The Bookstore Paintings of Gibbs M. Smith. Layton: Gibbs Smith, 2009.

Sontag S. I, etcetera. Gordonsville: Farrar Straus & Giroux, 1978.

Sorel P., Leblanc F. Histoire de la librairie française. París: Éditions du Cercle de la librairie, 2008.

Steiner G. Extraterritorial. Papers on Literature and the Language Revolution. London: Faber & Faber, 1972.

Steloff F. In Touch with Genius, Journal of Modern Literature, Vol. 4. No. 4. April 1975.

Talese G. A Writer's Life. New York: Random House, Inc., 2007.

Thorpe Nicholson J., Thorpe Wrixon D. A Life of Books. The Story of DW Thorpe Pty. Ltd. 1921–1987. Middle Park: Courtyard Press, 2000.

Unwin, Sir S. The truth about publishing. Allen & Unwin ltd, 1926.

Vila-Matas E. París no se acaba nunca. Barcelona: Anagrama, 2003.

Vitkine A. Mein Kampf : Histoire d'un livre. Paris: Flammarion, 2013.

Vollmann W. T. The Royal Family. New York: Penguin Books, 2000.

— Europe Central. New York: Viking Press, 2005.

Weiss J. The Lights of Home. A Century of Latin American Writers in Paris. New York: Routledge, 2003.

Whitman G. The Rag and Bone Shop of the Heart. París: Shakespeare & Co., 2000.

Williamson E. Borges. A Life. New York: Viking Press, 2004.

Yánover H. Memorias de un librero. Buenos Aires: Anaya & Mario Muchnik, 1994.

— El regreso del Librero Establecido. Madrid: Taller de Mario Muchnik, 2003.

10 Corso Como, книжный магазин, Милан 27, 222-223

A. H. Wheeler & Co., сеть 185-186
Abbey's Henry Lawson's Bookshop, книжный магазин, Сидней 225
Abbey's, Sidney, 114 Acqua Alta, книжный магазин, Венеция 91
Ahmed Chatr, книжный магазин, Марракеш 109
Alain Brieux, книжный магазин, Париж 136
Alejandría 332 B. C., книжный магазин, Каракас 145
Alibri, книжный магазин, Барселона 238
Altaïr, книжный магазин, Барселона 31-32, 235, 238
Amazon, сеть 190, 192, 256-257
Amazon, книжный магазин, Сиэтл 194
Angus & Robertson, книжный магазин, Западная Австралия 225
Angus & Robertson, книжный магазин, Сидней 225
Another Country, книжный магазин, Берлин 213
Antígona, книжный магазин, Сарагоса 25
Antonio Machado, книжный магазин, Мадрид 231
Argonaut, The, книжный магазин, Сан-Франциско 137
Arkham Comics, книжный магазин, Барселона 235
Artemis Edinter, книжный магазин, Гватемала 27
Ateneo, El, книжный магазин, Росарио 231
Ateneo Grand Splendid, книжный магазин, Буэнос-Айрес 215-216
Athenaeum Boekhandel, книжный магазин, Амстердам 261
Atomic Books, книжный магазин, Балтимор 262
Au Vieux Campeur, книжный магазин, Париж 35
Autorenbuchhandlung, книжный магазин, Берлин 85, 213, 216
Auzolan, книжный магазин, Памплона 56

Bal des Ardents, Le, книжный магазин, Лион 261
Ballena Blanca, La, книжный магазин, Мерида 25, 229
Barnes & Noble, сеть 181, 190, 194, 256-257
Barter Books, книжный магазин, Олнвик 225
Bartleby & Co., книжный магазин, Берлин 248
Batalla del Ebro, книжный магазин, Мехико 142
Beijing Book Building, книжный магазин, Пекин 95
Berinjela, книжный магазин, Рио-де-Жанейро 139
+Bernat, книжный магазин, Барселона 239
Berthe Trépat, журнал 161
Bertrand Livreiros, сеть 51, 60

Biblioteca de Babel, La, книжный магазин, Пальма-де-Майорка 232
Blackwell's, сеть 228
Blonde on Blonde, альбом Боба Дилана 119
Boekehuis, книжный магазин, Йоханнесбург 201, 208
Boekhandel Selexyz Dominicanen, книжный магазин, Маастрихт 213
Book City, книжный магазин, Голливуд 137
Book Lounge, The, книжный магазин, Кейптаун 25, 201, 203, 216
Bookåbar, книжный магазин, Рим 221
Bookmall, книжный магазин, Шанхай 113
Books & Books, книжный магазин, Корал Гейблс 261
Books Inc., книжный магазин, Сан-Франциско 130
Bookworm, The, книжный магазин, Пекин 95, 221
Borders, сеть 190, 194-195
Brentano's, сеть 224
Bücherbogen, книжный магазин, Берлин 213
Buena Vida, La, книжный магазин, Мадрид 231
Burrito Blanco, El, книжный магазин, Монтевидео 146
Buscón, El, книжный магазин, Каракас 223
Bussola, La, книжный магазин, Турин 247

Café Glück, кафе в Вене 14-15, 20, 127
Cahiers Idéalistes, Les, журнал 73
Cálamo, книжный магазин, Сарагоса 25
Callejón de los Milagros, El, книжный магазин, Мехико 144
Candide, книжный магазин, Бангкок 261
Canet, книжный магазин, Фигерас 255
Carrefour des Livres, книжный магазин, Касабланка 109
Casa de las Américas, книжный магазин при Доме Америк, Гавана 98
Casa del Libro, сеть 256
Casa Tomada, книжный магазин, Богота 25
Casella, книжный магазин, Неаполь 30
Catalònia, книжный магазин, Барселона 245-246
Central de Callao, La, книжный магазин, Мадрид 216-217
Central del Raval, La, книжный магазин, Барселона 216, 232
Central, La, книжный магазин при Музее истории города, Барселона 240
Central, La, книжный магазин при Центре искусств королевы Софии, Мадрид 231
Central, La, книжный магазин, Барселона 193-194, 216, 238
Chelsea Hotel #2, песня Л. Коэна 119
City Lights, книжный магазин, Сан-Франциско 36, 76-79, 119, 130-131, 212
Civil and Military Gazette, газета 185

Clásica y Moderna, книжный магазин, Буэнос-Айрес 155-156, 215
Cody's, книжный магазин, Беркли 90
Collet's, книжный магазин, Лондон 91
Compagnie, книжный магазин, Париж 168
Compendium, книжный магазин, Лондон 255
Cook & Book, книжный магазин и ресторан, Брюссель 221
Corte Inglés, El, сеть 218, 243, 248
Cuadernos Hispanoamericanos («Латиноамериканские тетради»), журнал 147
Cúpula, La, книжный магазин, Гватемала 27
Chapters, сеть 189-190
Chatwins, книжный магазин, Берлин 32

Dante & Descartes, книжный магазин, Неаполь 25
Daunt Books, книжный магазин, Лондон 35, 191, 193
Desnivel, книжный магазин, Мадрид 32
Dictionnaire français-grec moderne (Французско-новогреческий словарь) 46
Dillons, сеть 91, 191
Divan, Le, книжный магазин, Париж 178
Documenta, книжный магазин, Барселона 238
Dog Eared Books, книжный магазин, Сан-Франциско 130, 132
Dòria Llibres, книжный магазин, Матаро 248

Embryo Concepts, книжный магазин, Лос-Анджелес 133
Eterna Cadencia, книжный магазин, Буэнос-Айрес 25, 85, 203, 215

Family Christian Stores, сеть 182, 191
Feltrinelli, книжный магазин, Болонья 56
Feltrinelli, сеть 193
Feltrinelli, книжный магазин, Неаполь 231
Feltrinelli, книжный магазин, Флоренция 36
Feria Chilena del Libro, сеть 151
Flourish & Blotts, книжный магазин, Лондон 136
Fnac, сеть 189-190, 215, 218, 243, 248, 253
Fondo de Cultura Económica (Фонд экономической культуры), сеть 148
Foyles, книжный магазин, Лондон 33-35, 92
Frauenhuber, кафе в Вене 14
Front Table, The, буклет 127
Fuck You, журнал 121

Gallo para Esculapio, Un, книжный магазин, Буэнос-Айрес 226
Gandhi, сеть 226

Gandhi, книжный магазин, Мехико 181, 255
Gapers Block, цифровой журнал 127
Gigamesh, книжный магазин, Барселона 238
Gleebooks, книжный магазин, Сидней 198, 200
Goldsboro Books, книжный магазин, Лондон 30
Gotham Book Mart, книжный магазин, Нью-Йорк 118, 122-124, 168
Gran Pulpería del Libro, La, книжный магазин, Каракас 144, 157
Green Apple Books, книжный магазин, Сан-Франциско 25, 130-132, 248
Guadalquivir, книжный магазин, Буэнос-Айрес 215

Hachette, сеть 183, 185-186
Hatchards, книжный магазин, Лондон 50-51, 192
Hellas, книжный магазин, Турин 59
Hill of Content, книжный магазин, Мельбурн 200, 203
Hodges Figgis, книжный магазин, Дублин 49
Horacio, книжный магазин, Мехико 142
Housing Works Bookstore Café, книжный магазин, Нью-Йорк 56
Hudson Group, сеть 188
Hudson News, сеть 188
Hune, La, книжный магазин, Париж 168-169, 178, 217

Ianos, книжный магазин, Афины 44
Imperial, кафе в Вене 14
India Today, газета 90
Indian Express, The, газета 185
Inframundo, книжный магазин, Мехико 144
Internacional Argentina, La, книжный магазин, Буэнос-Айрес 229

Jicara, La, книжный магазин, Оахака 56
John Sandoe Books, книжный магазин, Лондон 26, 210

Karl Marx Buchhandlung, книжный магазин, Берлин 81, 83, 85
Karma, сеть 153
Kedros, издательство 39
Kölnische Zeitung, газета 63
Kyobo Bookstore, книжный магазин, Сеул 261

Laberinto, El, книжный магазин, Мехико 144
Laie, книжный магазин, Барселона 85, 211, 217, 238
Laie, книжный магазин, Мадрид 232
Last Bookstore, The, книжный магазин, Лос-Анджелес 220

L'Écume des Pages, книжный магазин, Париж 25, 168, 178
Ler Devagar, книжный магазин, Лиссабон 27, 55, 220, 223
Librairie Delamain, книжный магазин, Париж 49
Librairie des Colonnes, книжный магазин, Танжер 104-109, 163, 165, 212
Librairie du Donjon, книжный магазин, Бешерель 207
Librairie Espagnole León Sánchez Cuesta, книжный магазин, Париж 167
Librairie Espagnole, книжный магазин, Париж 167
Librairie Kauffmann, книжный магазин, Афины 44-45
Librairie Papeterie de Mlle. El Ghazzali Amal, книжный магазин, Марракеш 108
Librería Antiquaria, книжный магазин, Турин 72
Libreria Bozzi, книжный магазин, Генуя 57
Libreria Calders, книжный магазин, Барселона 239
Libreria Casanova, книжный магазин 58
Libreria Colonnese, книжный магазин, Неаполь 231
Librería de Ávila, книжный магазин, Буэнос-Айрес 50-51, 58, 212
Librería de Historia, книжный магазин, Каракас 157
Librería de la Ciudad, книжный магазин, Буэнос-Айрес 158
Librerío de la Plata, книжный магазин, Сабадель 248
Librería del Colegio, книжный магазин, Буэнос-Айрес 50-51
Librería del Pensativo, книжный магазин, Гватемала 262
Librería del Sur, сеть 95
Librería Mundo, книжный магазин, Барранкилья 250-251
Librería Norte, книжный магазин, Буэнос-Айрес 158
Librería Universal, книжный магазин, Майами 97
Libro Books, книжный магазин, Токио 113
Libros Prólogo, книжный магазин, Сантьяго 150-154
Literanta, книжный магазин, Пальма-де-Майорка 25, 232
Livraria Bertrand, книжный магазин, Лиссабон 36, 48, 57
Livraria Cultura, книжный магазин, Сан-Паулу 182
Livraria da Travessa, книжный магазин, Рио-де-Жанейро 203
Livraria Internacional de Ernesto Chardron, книжный магазин, Порту 58
Livraria Lello, книжный магазин, Порту 36, 58, 136, 212
Livraria Leonardo da Vinci, книжный магазин, Рио-де-Жанейро 139-140, 230
Lizardi, книжный магазин, Мехико 141
Lolita, книжный магазин, Сантьяго 154-155, 248
London Review of Books, The, книжный магазин, Лондон 27
Ludens, книжный магазин, Каракас 145
Luna Park, журнал 161
Lupa, La, книжный магазин, Монтевидео 25, 232
Luxemburg, книжный магазин, Турин 58-59

Macmillan, сеть 224
Madbouly, книжный магазин, Каир 112
Maison des Amis des Livres, La, книжный магазин, Париж 30, 66, 68-70, 72, 211
Malpaso, книжный магазин, Барселона 239
Maruzen, книжный магазин, Токио 255
Más Puro Verso, книжный магазин, Монтевидео 261
Matras, книжный магазин, Краков 49
McNally Jackson Books, книжный магазин, Нью-Йорк 27,194
Mercurio, El, журнал 151
Metales Pesados, книжный магазин, Сантьяго 25, 153-155
Metales Pesados, книжный магазин, Вальпараисо 25
Mexicana, книжный магазин, Мехико 142
Milton, книжный магазин, Мехико 142
Mistral, Le, книжный магазин, Париж 75-76
Moe's Books, книжный магазин, Беркли 129
Mollat, книжный магазин, Бордо 261
Mundo, El, книжный магазин, Мехико 142
My Bookstore. Writers Celebrate Their Favorite Places to Browse, Read, and Shop («Мой книжный. Писатели рассказывают об излюбленных местах для поисков, чтения и покупок»), книга 128

Nación, La, газета 136
Navire d'Argent, Le, журнал 69
Negra y Criminal, книжный магазин, Барселона 238, 240
Nejma, журнал 108
New York Times, The, газета 90, 188, 194
Nobel, сеть; книжный магазин, Сан-Паулу 182
Nodo & Nodo, книжный магазин, Милан 36
Nollegiu, книжный магазин, Барселона 56, 239

Oficios Terrestres, Los, книжный магазин, Пальма-де-Майорка 232
Orion Papyrus, книжный магазин, Токио 262
Orozco, книжный магазин, Мехико 142

P & G Wells, книжный магазин, Винчестер 49
País, El, газета 146
Pandora, книжный магазин, Стамбул 247-248
Papirvm, книжный магазин, Барселона 240
Parrot, The, книжный магазин, Лондон 30
Peace Eye Bookstore, книжный магазин, Нью-Йорк 121
Pendleburys, книжный магазин, Портиргайд 261

Péndulo, El, сеть 218-219, 226
Péndulo, El, книжный магазин, Мехико 27
Penguin, сеть 91
Pensamiento crítico, журнал 98
Pequod, книжный магазин, Барселона 240
Phoenix Bookshop, The, книжный магазин, Нью-Йорк 121
Pied à Terre, книжный магазин, Амстердам 32
Plinio el Joven, книжный магазин, Мехико 141
Poblet Hnos., сеть 156
Politeia, книжный магазин, Афины 44
Powell's City of Books, книжный магазин, Портленд 128-129
Prairie Lights, книжный магазин, Айова 127-128
Puro Verso, книжный магазин, Монтевидео 261
Rafael Alberti, книжный магазин, Мадрид 25, 231
Ram Advani Booksellers, книжный магазин, Лакхнау 261
Ramón Viñas & Co., книжный магазин, Барранкилья 250-251
Reader's Digest, журнал 196
Reader's Feast Bookstore, книжный магазин, Мельбурн 200
Rebeca Nodier, книжный магазин, Мехико 141-142
Reduta, La, книжный магазин, Братислава 84
RiverRun, книжный магазин, Портсмут 56
Robafaves, книжный магазин, Матаро 233, 235, 237, 248
Robinson Crusoe 389, книжный магазин, Стамбул 25, 56, 85, 111, 216
Rogés Llibres, книжный магазин, Матаро 233, 235, 237
Rolling Stones, The, музыкальная группа 104
Rosario Castellanos, книжный магазин, Мехико 218

Sandoe Bag. A Miscellany to Celebrate 50 Years, The, книга 211
Saraiva, сеть; книжный магазин, Сан-Паулу 181
Scribner's, сеть 224
Sefer Ve Sefel, книжный магазин, Иерусалим 112
Seminary Coop Bookstore, книжный магазин, Чикаго 127, 204, 230
Sex, музыкальный клип 119
Shakespeare and Company, сеть 67-69, 72-73, 161, 175, 181
Shakespeare and Company, книжный магазин, Париж 30, 74-77, 79, 120, 133, 168, 176, 178, 211-214
Shasta Book Store, книжный магазин, Шаста-Сити 130
Shibuya Publishing & Booksellers, книжный магазин, Токио 262
Sociedade José Pinto Sousa Lello & Irmão, книжный магазин 58
Sophos, книжный магазин, Гватемала 27, 262
Sótano, книжный магазин, Мехико 142

Spiegel, Der, журнал 82
Stanfords, книжный магазин, Лондон 33-35
Strand, книжный магазин, Нью-Йорк 126-127, 129, 134, 262-263
Sur, журнал 16, 50, 69
Sur, книжный магазин, Лима 147
Swipe Design, книжный магазин, Торонто 261

Taifa, книжный магазин, Барселона 238
Tamir Books, книжный магазин, Иерусалим 112
Tampax, журнал 59
Tattered Cover, книжный магазин, Денвер 128-129
Tipos Infames, книжный магазин, Мадрид 231
Topping & Company, сеть; книжный магазин, Бат 55
Torrades, книжный магазин, Барселона 228
Travel Book Company, книжный магазин 133
Tropismes, книжный магазин, Брюссель 261
Tschann, книжный магазин, Париж 178

Ulises, книжный магазин, Сантьяго 154-155
Ulysse, книжный магазин, Париж 32
Ulyssus, книжный магазин, Жирона 32

Vanguardia Española, La, газета 242
Viejo Topo, El, журнал 160
Viejo y Raro, книжный магазин, Каракас 157
Virrey de Lima, El, книжный магазин, Лима 146-147
Voces, журнал 250

Walk A Crooked Mile Books, книжный магазин, Филадельфия 225
Waterstones, сеть 50, 191-193
Waterstones, книжный магазин, Кардифф 191
Waterstones, книжный магазин, Лондон 191
We Moderns. 1920–1940, сборник 123
WHSmith, сеть 90, 186, 189, 191, 194-195
World's Biggest Bookstore, книжный магазин, Онтарио 127
Yenny, сеть 215

Zombie International, журнал 59

Книжная лавка писателей, Москва 30
Книжный базар (Сахафлар Карсиси), Стамбул 230

Книжный магазин № 41, Харьков 255
Книжный магазин Народного просветительского общества, Берлин 94
Книжный магазин при Колледже архитекторов, Барселона 240
Книжный пассаж, Афины 39

Указатель имен и произведений

Авельянеда, Николас 171
Адвани, Рам 261
Азиний Поллион, Гай, полководец 41
Аиша 105
Аинса, Фернандо 145
Айра, Сесар 150, 202, 229
  «Литературный съезд» 229
Акабаль, Умберто 28
Александр Великий 145
Алексид 40
  «Линос» 40
Алемиан, Эсекиэль 229
Алонсо, Дамасо 167
Альберти, Рафаэль 149
Альборта, Фредд 97
Альвеар, Эльвира де 69
Альенде, Сальвадор 148, 153
  «Альфред Хичкок и три сыщика» 233
Американский университет, Каир 113
Амичис, Эдмундо де 59
  «Gli Azzurri e i Rossi» 59
Амлен, Симон-Пьер 108
Андерсон, Шервуд 68, 128
Аполлинер, Гийом 121
Аренас, Рейнальдо 98, 255
  «Пока не наступит ночь» 98
  «Селестино перед восходом солнца» 255
Арльт, Роберто 150
Аро Ибарс, Эдуардо 106-107
Аро Текглен, Эдуардо
Астер, Фред 133
Астуриас, Мигель Анхель 69
Атауальпа, Инка 147
Аттик 41
Атрект 41
Аунос, Эдуард 241
Афиней 40
Ачар, Маурисио 181
Ахматова, Анна 83
Ашетт, Луи 184

Бабель, Исаак 2631
Байрон, лорд 39, 202
Балафрей, Си Ахмед 108
Бальзак, Оноре де 189
Банерджи, Анджали
  «В погоне за Жасмин» 134
Банерджи, Т. К. 185
Барбе д'Орвильи, Жюль 243
Барбье, Фредерик 186
«История книги» 186
Барбюс, Анри 149
Бареа, Артуро 251
  «Как ковали одного мятежника» 251
Барикко, Алессандро 59, 258-259
  «Варвары» 258
Барнс, семья 181
Баррос, Фернандо 178
Барт, Ролан 116
  «Империя знаков» 116
Басс, Бенджамин 126
Басс, Нэнси 126
Басс, Фред 126
Батльо, Хосе 238
Бедекер, Карл 184
Бекдел, Элисон 124
  «Ты моя мать?» 124
Беккет, Сэмюэл 67, 72, 168, 177-178
Беллоу, Сол 51, 128
Бельятин, Марио 154, 202
Бен-Гурион, Давид 93
Бенда, Жюль 69
Бенджеллун, Тахар 165-166
Беньямин, Вальтер 21, 63, 66, 85, 116
  «Пассажи» 63
  «Улица с односторонним движением» 85
Бергамин, Хосе 167

Берже, Пьер 108
Бернадас, Жозеп 32
Берроуз, Уильям С. 78, 104, 120, 163, 172, 211
«Голый завтрак» 120, 171-173
Бертолуччи, Бернардо 104
Бертран Мартин, Жоао Аугусто 60
Бесерра, Хуан Хосе 137
«Интерпретация книги» 137
Бёф, Антонио 57
Биццио, Серхио 229
Бич, Сильвия 30, 66-68, 73-75, 104, 122, 169, 174-175, 177, 196, 211
«Shakespeare and Company» («Шекспир и компания») 66
Благг, Ким 258
Бланк, Патрик 219
Блейк, Уильям 255
Блэквелл, Бенджамин Генри 228
Бодлер, Шарль 64-66, 115
«Цветы зла» 64, 66
Боккаччо, Джованни 125
«Декамерон»125
Боланьо, Роберто 141, 144, 148-151, 159-160, 166, 217, 236, 255
«2666» 150, 235
«Блуждания зануды» 150
«Билет на танец» 149
«В скобках» 160
«Далекая звезда» 151
«Дикие сыщики» 141-142, 150
«Ледовая дорожка»
«Нацистская литература в Америке» 148, 159
«Нестерпимый гаучо» 236
«Первый манифест инфрареалистов» 255
«Путешествие Альваро Русло» 236
«Сенсини» 150
«Советы ученика Моррисона фанатику Джойса», в соавторстве с А. Г. Портой 160
«Бродяга во Франции и Бельгии» 161
«Телефонные звонки» 150
«Чилийский ноктюрн» 151
«Шлюхи-убийцы» 161
Борхес, Хорхе Луис 16-19, 72, 84, 136, 149-150, 158-160, 166, 251, 260
«Алеф» 16
«Вавилонская библиотека» 16
«Всемирная история бесчестия»
«Вымышленные истории»
«Поэтические произведения» 160
«Размеры моей надежды»
«Фунес, помнящий» 160
Боррас, Мануэль 248
Босуэлл, Джеймс 255
Боулз, Джейн 255
Боулз, Пол 105-106, 112, 163-165, 174, 200
«Travels» («Путешествия») 200
«Worlds of Tangier» («Миры Танжера») 165
Боцци, Марио 58
Боцци, Тонино 58
Браво, Клаудио 104
Брайсон, Билл 34
Брак, Жорж 120
Брехт, Бертольд 82
Бретон, Андре 66, 122, 169, 172
«Надя» 172
Бриджес, Э. Лукас 205
«Последний предел земли» 205
Бринк, Андре 202
«Богомол обыкновенный» 202
Брод, Макс 172
Брок, Джек 89
Брукс, Ричард 104
«Лорд Джим» 104
Брэдбери, Рэй 14
«451 градус по Фаренгейту» 14
Буковски, Чарльз 76
Булеш, Абдеслам 104
Бумедиан эль-Метни, Раже 165

Бурдье, Пьер 67
«Различение» 67
Берк, Питер 42
«Социальная история знания» 42
Бут, Ричард 207
Буш, Джордж У. 59
Валенте, Игнасио, *см.* Ибаньес Ланглуа, Хосе Мигель 151
Валлианос, братья 39
Валье-Инклан, Рамон Мария дель 144
«Огни богемы» 144
Вальзер, Роберт 236-237, 243
«Прогулка» 236
Вам письмо, фильм Н. Эфрон 134
Ван Гог, Винсент 35, 175
Ван Дамме, Андриес 257
Варгас Льоса, Марио 255
Варгас, Херман 250-251
Васкес, Хуан Габриэль 155, 251
Васкес, Анхель 104, 155
«Собачья жизнь Хуаниты Нарбони» 104
Вебер, Макс 96
Вербицкий, Орасио 156
Верга, Джованни 59
Вергезе, Абрахам 128
Вергилий 174, 182
«Энеида» 174
Верн, Жюль 208
«Маяк на краю света» 208
Видал, Гор 105
Видал, Шави 239
Вила-Матас, Энрике 58, 166-168, 239, 255
«Краткая история карманной литературы» 167
«Париж никогда не кончается» 166
Вилас, Мануэль 243
«Великий Вилас» 243
Вильоро, Хуан 154
Виньес, Рамон 250
Виньяс, Давид 156
Висенс де ла Льяве, Хуан 167
Витали, Эльвио 226
Виткин, Антуан 93
Витрувий 53
Воллманн, Уильям Т. 83-84, 98, 130
«Европа-узловая» 83
«Королевская семейка» 130
Вольтер 49
Вулф, Вирджиния 69, 136
«Орландо» 136
Вульгата 240
Вэйвэй, Ай 95

Галеано, Эдуардо 145
Гален 252
Галлимар 105
Гальярдо, Дамиа 232
Ганди, Раджив 90
Гарамона, Франсиско 229
Гарсиласо де ла Вега, Инка 243
Гарсия Лорка, Федерико 133, 150
Гарсия Маркес, Габриэль 203, 218, 249-251
«Жить, чтобы рассказывать о жизни» 252
«Сто лет одиночества» 249
Гарсия Мартин, Давид 231
Гарсия, Роберто 238
Гарсия, Сантьяго 262
Гатта, Массимо 239
«Гватемала: никогда больше» 26
Гевара, Эрнесто Че 96-97
Геербрант, Бернар 169
Геракл 40
Герреро Мартинеитц, Уго 159
Гесиод 40
Гёте, Иоганн Вольфганг фон 52-53, 71, 74, 223, 254
«Итальянское путешествие» 71
Гильен, Николас 97
Гинзберг, Аллен 59, 76-77, 85, 106, 120-121, 163, 172, 175

«Вопль» 77
«Хум Бом!» 59
Гирао, Марибель 217
Гитлер, Адольф 86, 92-95
«My Battle», «My Struggle» («Майн Кампф») 93, 99
Гойтисоло, Хуан 104, 106, 111, 163, 165
«В царствах тайфы» 106
«Возмездие графа дона Хулиана» 106
«Османский Стамбул» 111
«Хренокомедия» 106
Гомер 43, 174
«Илиада» 174
«Одиссея» 174
Гонсалес де Леон, Теодоро 218
Гораций 41
Гоффман, Кен 77
«Контркультура в разные времена» 77
Грай, Себастьян 154
Грамши, Антонио 161
Грант, Хью 133
Грасс, Гюнтер 85
Грис, Хуан 120
Гуарино, Густаво 232
Гуггенхайм, Пегги 119
Гутенберг, Иоганн 115
Гюго, Виктор 87, 96, 174, 189
«Девяносто третий год» 87
«Путеводитель по Парижу» 174
«Труженики моря» 87

Да Фонсека Сарайва, Жоаким Игнасиу 181
Дагдэйл, Эдгар 93
Даль, Свен 51, 64
«История книги» 51
Дарвин, Чарльз 87
Даррелл, Лоренс 123, 177
«Александрийский квартет» 177
Де Кабо, Марина П. 132
Де ла Бретонн, Ретиф 49
Де Рока, Пабло 149
Де Фальбе, Джонни 211
Де Филиппо, Эдуардо 30
Де Хесус, Вероника 132
Дебор, Ги 167
«Комментарии к “Обществу спектакля”» 210
Девитт Уоллес, Уильям Рой
Делакруа, Эжен 103
Деллило, Дон
«Белый шум» 264
ДеМарко, Эйлин С. 183
«Reading and Riding» («Чтение и путешествия») 183
Дефо, Даниэль
«Дневник чумного года» 171
Джексон, Майкл 118
Дженкинс, Генри 88
Джойс, Джеймс 49, 66-67, 69, 72-73, 122-123, 137, 142, 169, 173, 211, 213, 255
«Дублинцы» 49
«Поминки по Финнегану» 68, 122
«Улисс» 49, 67-68, 73, 91, 99, 132, 137, 167, 171-172, 255
Джойс, Джорджо 67
Джойс, Лючия 67
Джонс, Патрик 191
Джонс, Эдриан 230
«Nature of the Book» («Природа книги») 230
Джонсон, Сэмюэл 255
Ди Бенедетто, Антонио 150
Диас Плаха, Гильермо 242
Диди-Юберман 21, 29
«Перед лицом времени» 21
«Атлант. Каково это — нести мир на своих плечах?» 29
Дидион, Джоан 202
Дидро, Дени 65, 125, 256

«Жак-фаталист и его хозяин» 125
«Письма к Софи Волан» 125
«Письмо о глухонемых» 125
«Письмо о книжной торговле» 125, 256
«Письмо о слепых» 65
Диккенс, Чарльз 183
Дисней, Уолт 89, 118
Домен, Катрин 32
Доносо, Хосе 126
«Нью-йоркская одержимость» 126
Дос Пассос, Джон 174
Доит, Джеймс 35, 191
Дриё ла Рошель, Пьер 69
Друммон де Андраде, Карлос 139
Дуарте, Жорди 238
Дукхан, Нихад 113
«Contemporary Arabic Calligraphy» («Современная арабская каллиграфия») 113
Душиаде, Андрей 139
Дэвис, Том 255
Дюбюиссон, Сильвен 168
Дюма, Александр 189
Дюрас, Маргерит 167-168
Дюшан, Марсель 122
Дюшен, семья 49

Жене, Жан 104, 106, 121, 163-164
Жерофи, Ивонн 105-107
Жерофи, Изабель 105-107
Жерофи, Робер 105-107
Жид, Андре 66, 105
Жиро, Патрис 214
Жиродиа, Морис 172

Звево, Итало 72
Зебальд, В. Г. 61, 198, 202, 232
«Аустерлиц» 198
«Кольца Сатурна» 61
Зевс 174
Зондерван, братья 182

Ибаньес Ланглуа, Хосе Мигель 151
«Догматические поэмы» 151
«Марксизм: критический взгляд» 151
«Рильке, Паунд, Неруда: три ключа к современной поэзии» 151
«Социальное учение церкви» 151
«Хосемария Эскрива как писатель» 151
«Чтобы читать Парру» 151
Ибн аль-Фарид, Омар 141
Игараши, Хитоши 91
Иглесиас, Жозеп Мария 32
Издательство Национального банка 39, 46
«Индекс запрещенных книг» 99

Кабакали, Алпай 109
«Through the Eyes of Turkish Travelers. Seven Seas and Five Continents» («Глазами турецких путешественников. Семь морей и пять континентов») 109
Кавафис, Константинос 38, 44
«Пришел, чтобы читать» 38
Казанова, Паскаль 71-72, 174, 202
«Мировая литературная республика» 72
Казанова, Франческо 58-59
Казелла, Дженнаро 30
Казелла, Франческо 30
Кай Лунь 115
Калмыкова, Александра 83
Кало, Фрида 45, 119
Кальвино, Итало 85
«Невидимые города» 85
Каль, Софи 169
Кальехас, Марианна 151
Камараса, Пако 238
Камачо, Хорхе 255
Камю, Альбер 25
Канетти, Элиас 103, 234
«Голоса Марракеша» 103

«Ослепление» 234
Капаррос, Мартин 154
Капоте, Трумен 104
Каприоло, Этторе 91
Кардозу Пиреш, Жозе 48
Карпентьер, Алехо 68
Кастельянос, Рафаэль Рамон 144, 157
Кастельянос, Ромуло 144
Кастильо, Абелардо 156
Кастро, Рауль 98
Кастро, Фидель 96
Катулл 41
Катунда, Марсну 139
«A livraria» («В книжном магазине») 139
Катчаджан, Пабло 229
Кауфманн, Герман 45
Кафка, Франц 136, 149, 171
«Превращение» 136
Каэльяс, Марк 236
Келли, Нед 199
Кеннеди, Мэри 50
Кентал, Антеру де 48
Кери, Питер 199
«Истинная история шайки Келли» 199, 202
Кернс, Хантингтон 123-124
Керуак, Джек 163, 172, 175
«В дороге» 172
Кесич, Туллио 152
Кингсли, Чарльз 49
Кинтеро, Эднодио 229
Киплинг, Редьярд 185
«Ким» 186
«Книга джунглей» 186
Кихас, Гильермо 143, 157
Киш, Данило 16, 18-19, 84, 98, 248
«Могила для Бориса Давидовича» 84
«Энциклопедия мертвых» 248
«Энциклопедия мертвых (целая жизнь)» 16, 18
Клавель, Висенте 241
Кларк, Артур Чарльз 119
«Космическая одиссея 2001 года» 119
Козаринский, Эдгардо 163-164, 166, 231
«Городской вуду» 166
«Танжерские призраки» 163
Кокто, Жан 159, 255
«Опиум» 159
Коломбо, Альберто 57
Конан Дойль, Артур
«Собака Баскервилей» 34
Конте, Альберто156
Кордеро, Диомедес 229
Корсо, Грегори 76, 106, 120-121
Кортасар, Хулио 98, 139, 150, 152, 158-159, 172-173, 178, 251, 255
«Захваченный дом» 152
«Игра в классики» 139, 171, 173, 176, 238
«Никарагуа, беспощадно-нежный край» 159
«Преследователь» 158
Коул, Теджу 166
«Открытый город» 166
Кофиньо, Ана Мария 27
Коэльо, Паоло 203
Коэн, Роберт Бенджамин 188
Крамб, Роберт 130
Кристобо, Анибал 139
Кришнан, Шекхар 185
Крузет, Жозеп Мариа 248
Куадрос, Рикардо 151
Кубичек, Август 94
Культурное общество книг, Чанша 94
Куросава, Акира 255
Кутзее, Дж. М. 127-128, 202-204
«Бесчестье» 202-204
«Дневник плохого года» 204
«Лето» 204
«Сумеречная земля» 202
Кэмпбелл, Джеймс 79

«Безумная мудрость. Таким было бит-поколение» 79

Лавкрафт, Г. Ф. 135
«Битва, завершившая столетие» 135
Лагуна, Фернанда 229
Ладдага, Рейнальдо 202-204
«Лабораторная эстетика» 202
Лайаши, Ларби 104
Лайонс, Мартин 6, 115, 182
«Книги» 6
Лакингтон, Джеймс 52
Лалу, Рене 73
«Histoire de la littérature française contemporaine» («История современной французской литературы») 73
Ламборгини, Освальдо 150
Ланж, Моник 106
Ларбо, Валери 66, 69
Ларумбе, Лола 231
Лаури, Малкольм 171
Лафонтен, Жан де 125
«Басни»
Левертов, Дениз 76
Леви, Кальманн 183
Леви, Мишель 183
Левреро, Марио 202
Ленин, Владимир 83, 87, 96, 161
«Государство и революция» 96
«Развитие капитализма в России» 83
Лефевр, Анри 161
Леллу, Антониу 58
Леллу, Жозе 58
Лемебель, Педро 53
Лемунье, Жаклин 169
Леннон, Джон 33
Лесама Лима, Хосе 142
«Рай» 142
Лессинг, Дорис 170
«Золотая тетрадь» 170
Ли Дачжао 94
Ливингстон, Дэвид 34
Лимонов, Эдуард 255
Лин, Энрике 148-149
Линк, Дэниэл 65
«Происхождение рассказчика», сборник протоколов процессов против Бодлера и Флобера 65
Лиспектор, Клариси 262
«Тайное счастье» 262
Лопес, Жозеп 248
Лопес, Вентура 143
Лоренс, Д. Г. 99
«Любовник леди Чаттерлей» 99
Луган, Матье 58
Лук, Пол 104
Лукреций 135

Маалуф, Амин 105
Мадонна 119
Майер, Иоганн Якоб 39
Макканелл, Дин 170
Макналли, Сара 196
Макфиллипс, Джозеф 107
Малларме, Стефан 57, 63, 70
«Книга» 63
Мальро, Андре 45
Мамут, Александр 191
Мангель, Альберто 44, 92
«История чтения» 44
Мандель, Эрнест 161
Мао Цзэдун 94
Марадона, Диего 231
Маринетти, Филиппо Т. 30
Марк Манилий 141
«Астрономика» 141
Маркс, Карл 83, 86-87, 93, 161
«Капитал» 87
«Манифест Коммунистической партии», в соавторстве с Фридрихом Энгельсом 96

Марксон, Дэвид 262-263
«Одиночество читателя» 263
«This is Not a Novel» («Это не роман») 263
Мармоль, Луис дель 226
Мартин, Питер Д.
Мартинес Рус, Ана 167
«"Сан Леон либреро": культурные начинания Санчеса Куэсты» 167
Марциал 41
Матисс, Анри 35, 104
Махфуз, Нагиб 112
Маэстро, Доминго 157
Медина, Эден
«Киберреволюционеры» 153
Мейсон, Давид 211
«Pope's Bookbinder» («Переплетчик Папы») 211
«The Protocoles of Used Bookstore» («Протоколы букинистического книжного») 211
Мелвилл, Генри
«Писец Бартлби» 263
Мело, Адриан 163
«Любовь юношей: гомосексуальность и литература» 163
Мендоса, Эдуардо
«Город чудес» 238
Менесес, Хуан Пабло 154
Меркс, Эвелин
Мерсер, Джереми 76, 177
«Самый знаменитый книжный в мире» 177
Мерцених, Франц Якоб 49
Мескис, Джойс 128
Микеланджело 170
Милано, Клаудио 182
Миллер, Генри 76, 99, 123-124, 177
«Макс и белые фагоциты» 123
«Тропик Рака» 76, 99, 123-124
«Черная весна» 124
«Черная книга» 123
Милош, Чеслав 128
Милья, Бенито 144-145, 196
Милья, Леонардо 144-145, 196
Милья, Улисес 144, 156, 196
Миннелли, Лайза 156
Миро, Жоан 220
Митрани, Нора 169
Мишо, Анри 72, 168
«Misérable miracle» («Жалкое чудо») 169
Молеа, Хавьер 194
Мондриан, Пит 262
Монро, Мэрилин 132
Монсивайс, Карлос 141
Монтане, Бруно 161
Монтень, Мишель де 6, 252
Монтескье, Шарль-Луи 261
«Персидские письма» 125
Монти, Франсуа 207
Монтрони, Романо 56, 196
«Десять заповедей книготорговца» 56
«Продать душу. Ремесло продавца книг» 56
Монье, Адриен 30, 66-70, 72-74, 196, 211
«Лондонские воспоминания» 73
«Rue de l'Odéon» («Улица Одеон») 66
Моран, Поль 105
Моретти, Франко 189-190
«Атлас европейского романа. 1800–1900» 189
Моро, Эмиль 185
Моррисон, Тони 128
Московиц, Дорис 130
Московиц, Мо 130
Москос, Мирсин 67
Мрабе, Мохаммед 104
Муа, Франсиско 154
Мур, Алан 135
«Неономикон» 135
Мураками, Харуки 113

Мутеферрика, Ибрагим 110
Мюйаль, Рашель 107-108, 163-165
«Мои годы в “Librairie des Colonnes”» 107
Мюре, Теодор 63
«История сквозь призму театра» 63
Мюррей, Джон 183

Набоков, Владимир 72
«Лолита» 91, 171-172
Найтингейл, Флоренс 34
Наполеон Бонапарте 25, 42
Неруда, Пабло 148-150, 159-160
«Двадцать поэм о любви и одной песни отчаяния» 149
Неуман, Андрес 64
«Путешественник века» 64
Нигаард, Уильям
Николсон, Джойс Торп 225
«Life of Books» («Жизнь книг»), в соавторстве с Д. Торпом 225
Нин, Анаис 122-123, 177
«Winter of Artifice» 122
Ницше, Фридрих 72
Нотебоом, Сейс 85, 261
«День поминовения» 85
Ноэль, Эухенио 243
Нуэно, Ксавье 178
Ньето, Амалия 146

Обама, Барак 128
Обрегон, Алехандро 250
Овидий 40
Оден, У. Х. 121
Окампо, Виктория 69, 251
Олланд, Франсуа
Онетти, Хуан Карлос 145
Ордоньес, Маркос 228
«Сад, покинутый птицами» 228
Ортега-и-Гассет, Хосе 69
Ортис, Ренато 181, 187
«Современность и пространство. Беньямин в Париже» 181
Орфей
Осоргин, Михаил 230
Остер, Пол 175
Отле, Поль 224
«Трактат о документации» 224

Падроль, Альберт 32
Падрон, Алехандро 229
Паланик, Чак 128
Палладио, Андреа 52
Памук, Орхан 112, 128
Панеро, Леопольдо Мария 107
Паркер, Дороти 118
Парра, Никанор 149
Парра, Серхио 153
Парра, Тереса де ла 243
Пас, Октавио
«Грамматическая обезьяна»
Паскуаль, Карлос 6
Пастернак, Борис 263
Паунд, Эзра 67
Пачелли, Эудженио, Пий XII 99
Пери Росси, Кристина 145
Перон, Хуан Доминго 145
Пессоа, Фернандо 48
«Книга непокоя» 48
Петроний 125
Петроски, Генри 51
«Book on the Bookshelf» («Книга на книжной полке») 51
Пеццана, Анджело 59, 61
Пеццони, Энрике 156
Пиано, Ренцо 39
Пий XI 99
Пикассо, Пабло 35, 67, 69, 120, 175
Пилья, Рикардо 150
Пинар, Эрнест 65
Пиннер, Г. Л. 41
«The World of Books in Classical

Antiquity» («Мир книг в классической древности») 41
Пиночет, Аугусто 151
Пинту де Соуза, Жозе 58
Пиньу, Жозе 55
Пипс, Сэмюэл 230
Пиранделло, Луиджи 16, 18
«Бумажный мир» 16
Пираччини, Ванна 139
Пираччини, Милена 139, 156
Писистрат 41
Пла, Жозеп 255
Плант, Рикардо 156
Плеханов, Георгий 87
Плиний Младший 41
Поблет, Нату 155-156
Поблет, Франсиско 156
Поблет, Эмилио 156
Поликрат 41
Поллок, Джексон 121
Поло, Марко 102
Понте, Антонио Хосе 96-97
«Последователь Монтеня смотрит на Гавану» 96
«Праздник под присмотром» 96
Порруа, Франсиско 172
Порта, А. Г. 160
Превер, Жак 175
Прево, Жан 66
Пресли, Элвис 104, 118
Примера, Майе 97
Примо де Ривера, Мигель 241
«Протоколы сионских мудрецов» 112
Пуиг, Мануэль 150
Пуле-Маласси, Огюст 66
Пуче, Франсиско 88

Райан, Мег 134
Рамирес, Антонио 217
«Как представить книжный будущего» 217
Рамонеда, Марта217
Рашу, госпожа 120
Ребольедо, Эфрен 141
Реверди, Пьер 69
Рэй, Ман 68-69
Рей Роса, Родриго 28
«Пусть меня убьют, если...» 28
Рейес, Альфонсо 41, 69, 97, 141, 252
«Книги и книготорговцы Античности» 41
Рексрот, Кеннет 79
Ривера, Диего 119
Ривера, Орландо, Фигурита 250
Рильке, Райнер Мария 149
Риччи, Франко Мария 158
Робертс, Джулия 133
Робертсон, Дарик 135
Родс, Сесил 34
Рой, Анурадха 262
Роман, Антон 130
Ромен, Жюль 66
Рондон Эдерич, Хорхе 251
Росс, Харольд 118
Рот, Сэмюэл 124
Роулинг, Джоан
«Гарри Поттер» 88, 136, 176
Роше, А. П. 255
«Jules et Jim» («Жюль и Джим») 255
Руа, Клод 100
«Любитель книг» 100
Рузвельт, Франклин Д. 93
Руис Сафон, Карлос
«Тень ветра» 134
Рульфо, Хуан 149
Руссель, Реймон 167
Руссо, Жан-Жак 49
«Общественный договор» 125
Рушди, Салман 89-91
«Джозеф Антон» 90-91
«Сатанинские стихи» 89

Рюкар, Жоржет 167

Саба, Умберто 72
Сабато, Эрнесто
«О героях и могилах» 173
Савой, Ричард 131
Сагарра, Жозеп Мария де 242
Сакристан, Хосе 156
Салинас, Педро 167
Саль, Мигель 194
Сальмона, Рохелио 218
Самора, Криспин 142
Сандерс, Эд 121
Сандро 156
Сано, Рики 256
Сансевьеро, Вальтер 147
Сансевьеро, Малена 146-147, 157
Сансевьеро, Чачи 147, 156
Сансевьеро, Эдуардо 147, 157
Санто Доминго, Хулио Марио 250
Сартр, Жан-Поль 96
Сати, Эрик 68
«Сократ» 68
Себрели, Хуан Хосе 156
Секунд 41
Селла, Джек 127
Семпрун, Хорхе 85
Сеннет, Ричард 54
«Ремесленник» 54
Сепеда Самудио, Альваро 250
Серао, Матильде 58
Сервис, Роберт 86
Сервантес Сааведра, Мигель де 25, 242-243
«Лиценциат Видриера» 231
«Ринконете и Кортадильо» 231
«Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» 113, 171, 238, 252
Серра, Кристобаль 198, 232
«Апокалипсис» 198
Серрано, Монтсе 239

Серто, Мишель де 118
«Место другого» 118
Синклер, Ян 255
Сисеру, Антониу 140
«A cidade e os livros» («Город и книги») 140
Скотт, Вальтер 183, 189
«Валладмор» 183
Скотт, Роберт 34
Скотт, Энн 30
«18 Bookshops» («18 книжных») 30
Смит, Уильям Генри
Снайдер, Гэри 78, 121
Созии, братья 41
Соланас, Валери 130
Солженицын, Александр 83
«Архипелаг ГУЛАГ» 83
Солис, Сесар 232
Сонтаг, Сьюзен 6, 85, 96
«Поездка без гида» 6
Сориа, Кармело 151
Сориано, Антонио 167
Сориано, Освальдо 150
Стайн, Гертруда 68, 104, 174
«Париж, Франция» 174
Стайнер, Джордж 72, 136
«Extraterritorial» 72
Сталин, Иосиф Виссарионович Джугашвили 86-87, 93, 149, 263
Стелофф, Фрэнсис 122-124, 196, 212
«В компании гениев. Воспоминания владелицы нью-йоркского книжного» 123
Стендаль 189
Стерн, Лоренс 53
«Сентиментальное путешествие» 53
Сток, Пьер-Виктор 49
Стравинский, Игорь 67
Сунига, Вальтер 152
Сурита, Рауль 159

Сытин, Санкт-Петербург 83
Сэндбург, Карл 128

Талес, Гэй 124
Тарантино, Квентин 129
Таунли, Майкл 151
Тацит 87
Твен, Марк 119, 128
Теккерей, Уильям Мейкпис 49, 183
Тесиджер, Уилфред 34
Толкин, Джон Рональд Руэл 228
«Властелин колец» 228
«Ноги домового» 228
Толстой, Лев 133
Томас, Дилан 119
Томпсон, Хантер С. 131
«Open Letter» («Открытое письмо») 131
Торп, Дэниэл Риксон 225
Троцкий, Лев 161
Труа, Кретьен де 207
Тул, Джон Кеннеди
«Сговор остолопов» 171
Тули, Джон Питер 118
Туркменоглу, Бурак 112

Уайден, Ава Роуз 126
Уайден, Уильям Питер 126
Уайльд, Оскар 35, 64, 66
Уилер, Артур Генри 185
Уилкинс, Джон 136
Уилсон, Марк 153
«Дровосек» 153
Уилсон, Эдмунд 118
Уильямс, Теннесси 104, 163
Уильямс, Уильям Карлос 76
Уильямс, Эли
Уильямсон, Эдвин 159
Уинч, Тара Джун 200
Уитмен, Джордж 75-77, 175-176, 178-179, 211, 213
«Rag and Bone Shop of the Heart» (Магазин старьевщика книг) 179
Уитмен, Сильвия Бич 177
Ульпиан 252
Университетский книжный, Сантьяго
Уолкотт, Дерек 128
Уорхол, Энди 119-120, 137, 175
Уотерс, Джон 262
Уотерстоун, Тим 191
Услар Пьетри, Артуро 69
Уэллс, Г. Дж. 33
«Война миров» 171

Фабре, Луис Фелипе 256
Файнс, Ранульф 34
Фарг, Леон-Поль 66, 68
Фаччо, Леонардо 154
Федр 135
Ферлингетти, Лоуренс 76-79, 121, 130, 175, 196, 255
Фермор, Патрик Ли 33
Фернандес де Авельянеда, Алонсо
Фернандес дель Кастильо, Франсиско 81
«Книги и книготорговцы XVI века» 81
Феррейро, Роса 156
Фицджеральд, Зельда 213
Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 66, 174, 213
Фишер, Брэм 201
Флобер, Гюстав 64
«Госпожа Бовари» 64
Фогаццаро, Антонио 38
Фойл, Кристина 33-34, 92
Фойл, Уильям 33, 92
Фолкнер, Уильям 255
Фор, Поль 74
«Vers et prose» («Стихи и проза», журнал) 74
Форбс, Малкольм 105
Фортуни, Мариано 104
Фош, Ж. В. 25
Фрага Ирибарне, Мануэль 242

Франк, Дэн 78
«Богема» 78
Франко, Франсиско 87-88
Франс, Анатоль 30
Фриццо, Луиджи 210
Фройнд, Жизель 69
Фрост, Роберт 128
Фуко, Мишель 23, 163
«Слова и вещи» 23
Фуэнмайор, Альфонсо 250
Фуэнтес, Антонио 104
Фуэнтес, Карлос 149, 229

Хамри, Мохамед 104
Хан, Сабер 55
Ханфф, Хелен 30
«Черинг Кросс Роуд, 84» 30
Харрис, Джим 128
Харт, Майкл С. 257
Хартопратия, Византия 110
Хатчард, Джон 50
Хейнс, Роберт Д. 137
Хейфец, Серхио 202
Хендрикс, Ян 218
Хепберн, Одри 133
Херарди, Хуан, епископ 26
Херил 40
Херц, Эва 182
Хили, Густаво 242
Хименес, Хуан Рамон 167, 261
Хини, Шеймас 128
Хичкок, Альфред 137
«Головокружение» 137
Хомский, Ноам 77
Хоппер, Эдвард 120
Хоффман, Ян 194
Хусейн, Саддам 59
Хемингуэй, Марго 177
Хемингуэй, Эрнест 68, 98, 167, 174-175, 213
«Праздник, который всегда с тобой» 68
Хэнкс, Том 134

Цвейг, Стефан 14, 16-17, 19-21, 63, 96, 258
«Вчерашний мир» 14
«Мендель-букинист» 14-16
Цицерон 41

Чан, Мари-Мадлен 178
Чатвин, Брюс 32-36, 187, 198, 200, 204-205
«Анатомия беспокойства» 204
«В Патагонии» 205
«Тропы песни» 33, 198
«Under the Sun» («Под солнцем») 200
Черчилль, Уинстон 33, 93
Чжи Чжэн, Ло 245, 248
«Bookstore in a Dream» («Книжный во сне») 245

Чичинадзе, Захария 86-87
Чиччолина 81

Шартье, Роже 252-253
«Писать и стирать. Письменная культура и литература в XI–XVIII веках» 252
Шатобриан, Франсуа-Рене де 53
«Гений христианства» 53, 71
«Замогильные записки» 71
Шекспир, Николас 205
Шекспир, Уильям 179, 187, 243
Шервуд, Роберт 118
Шестов, Лев 69
Шиффрин, Андре 195
«Слова и деньги» 195
Шолохов, Михаил 149
Шоу, Джордж Бернард 30, 33, 111
Шукри, Мохамед 104, 106, 163-166
«Голый хлеб» («Хлебом единым») 164
«Жан Жене и Теннесси Уильямс в Танжере» 165
«Пол Боулс. Узник Танжера» 165
Эберхард, Херманн 204

Эггерс, Дэйв 248
Эдвардс, Хорхе 98
«Персона нон грата» 98
Эйнауди, Луиджи 30
Экер, Лилиана 156
Элиот, Т. С. 33, 122
Эль-Фасси, Си Абделькебир 108
Эльзевир, семья 182
Элюар, Поль 149
«Энциклопедия»
Эминем 89
Энар, Матиас 166
«Улица воров» 166
Энгельсинг, Рольф 253
Эннис, Гарт 135
«Пацаны», в соавторстве
с Д. Робертсоном 135
Энрикес Уренья, Педро 97
Эпихарм 40
Эрис, Энрике де 199
Эрнандес, Фелисберто 146, 251
Эрнандес, Хосе 104
Эрнст, Макс 168
Эса де Кейрош, Жозе Мария 48
Эсанасатанг, Дуангруэтай 261
Эскари, Рауль 229
Эсплей, Уильям 30
Эчеверриа, Морис 27

Ювенал 125
Юксель, Расим 112
Юпитер 174
Юрсенар, Маргерит 105

Ядав, Лалу Прасад 185
Якуби, Ахмед 104
Яновер, Дебора 158
Яновер, Эктор 157-158, 161
«Возвращение осевшего
книготорговца» 161
«Воспоминания книготорговца» 157

Список книжных магазинов*

Москва

Garage Bookshop, ул. Крымский Вал, д. 9, стр. 32
MMOMA ART BOOK SHOP, ул. Петровка, д. 25
ТД Библио-Глобус, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1
ТДК Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1,
Маршак, Казарменный переулок, д. 4 стр. 3
Московский Дом Книги, ул. Новый Арбат, д. 8
У Кентавра, Миусская площадь, д. 6, к. 6
Фаланстер, Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, эт. 2
Циолковский, Москва, Пятницкий пер., д. 8

Санкт-Петербург

Все свободны, наб. реки Мойки, д. 28
Подписные издания, Литейный просп., д. 57
Порядок слов, наб. реки Фонтанки, д. 15
Санкт-Петербургский дом книги, Невский просп., д. 28
Свои книги, ул. Репина, д. 41

Владивосток

Центр современной культуры Хлебозавод, ул. Семеновская, д. 9.
ЦСИ Заря, пр. 100 лет Владивостоку, д. 155, цех 2, 2 этаж

Воронеж

Книжный клуб Петровский, ул. 20-летия ВЛКСМ, д. 54а
ТЦ «Петровский пассаж»

Екатеринбург

Пиотровский, ул. Бориса Ельцина, д. 3

Казань

Смена, ул. Бурхана Шахиди, д. 7

Красноярск

Бакен, пр. Мира, д. 115А

Новосибирск

Открой Рот Бар, ул. Ленина, д. 8

* в которых всегда можно купить книгу Хорхе Карриона «Книжные магазины».

Пермь

Пиотровский, ул. Ленина, д. 54, эт. 2

Тюмень

Никто не спит, ул. 8 марта, д.2 к. 1

(в Школе перспективных исследований ТюмГУ)

Книга писателя и литературного критика Хорхе Каррио-на — это одновременно занимательный путеводитель по книжным лавкам, находящимся в разных точках времени и пространства, и культурологическое эссе, размышляю-щее о непростой природе книжного магазина.

Каррион зовет читателя в путешествие по Европе и Америке, Африке и Австралии, соблазняя его прекрас-ными видами, интересной архитектурой, встречами с великими книготорговцами и знаменитыми писате-лями. Он рассуждает о необыкновенном многообразии книжных лавок — от крошечных столов букиниста на блошином рынке до многокилометровых полок сетевых супермаркетов, от магазинов-однодневок до заведений со столетиями истории. Книжная лавка, по мнению Кар-риона, это место постоянного кризиса, конфликта между новинками и остатками тиражей, между вкусами мень-шинства и большинства, между псевдоромантическим наследием культурного центра и экономической реаль-ностью торгового предприятия. Ежедневная жизнь книж-ного — сложные маневры, в ходе которых магазин играет свою роль в формировании книжного канона и вносит вклад в культурную геополитику.
Книжный магазин «Свои книги»

...Как Хорхе Каррион смотрит на меняющуюся реальность, чего больше в книге «Книжные магазины»: фатализма и принятия неизбежности или сдержанного, реалистич-ного оптимизма — решать читателю. В любом случае, книжные магазины Карриона дадут вам возможность сориентироваться в психогеографии и культурном поле современных крупных городов.
Книжная лавка «У Кентавра»

Хорхе Каррион пишет эссе о книжном магазине как обособленном мире и «о мире как о книжном магазине».

Одновременно исследование и воспоминание, в которых детально раскрывается хронология существования книжных, их природа и индивидуальность.

Каррион создает картину книжных магазинов, рассматривая данную институцию через призму пространства и времени как уникальное аутентичное место, как храм для любителей книг, как бизнес, как туристическую достопримечательность, как особое связующее звено.

Удивительная книга для тех, кто давно хотел, затаив дыхание, совершить масштабное путешествие по книжному космосу.

«Санкт-Петербургский дом книги»

Книга Хорхе Карриона — это не просто увлекательный путеводитель по книжным магазинам мира, как это может показаться, но и глубокое исследование чтения, книги, продавцов, библиотек и вообще книжной культуры. Автор, основываясь на своем опыте путешествий и размышлений, дает неожиданные и важные метафоры, которые не пришли бы в голову и опытному книготорговцу. Эта книга повысит наш уровень осмысления и понимания книжных магазинов как феноменов культуры и истории.

Эльнар Гилязов, книжный магазин «Бакен»

...если подобно Карриону вы, переступив порог книжного, отбрасываете все тревоги, обсуждаете с продавцами новинки и прислушиваетесь к их рекомендациям, то эта книга определенно вас заинтересует. «Книжные магазины» вызовут ощущение причастности к вековым традициям книжных лавок.

Дмитрий Хряпов, книжный магазин «Все свободны»

Для заметок

Хорхе Каррион
Книжные магазины

Издатели:
Александр Иванов
Михаил Котомин

Выпускающий
редактор:
Лайма Андерсон

Корректор:
Любовь Федецкая

Дизайн:
ABCdesign

Арт-директор:
Дмитрий Мордвинцев

Дизайн-макет:
Екатерина Юмашева

Все новости издательства
Ad Marginem на сайте:
www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки
книг издательства Ad Marginem
обращайтесь по телефону:
+7 (499) 763 3227 или пишите:
sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»
Резидент ЦТИ ФАБРИКА
Переведеновский пер., д. 18,
Москва, 105082
тел.: +7 (499) 763 3595
info@admarginem.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето- Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru
Заказ № 8523/18